

14.

x x x

~~Где только не поизвещивал,
 Кого ни называл,
 Там только слышали шум,
 А слышать не хотели.~~

~~Где только не поизвещивал,
 Кого ни называл,
 Там только слышали шум,
 А слышать не хотели,
 Зато попробовал любовь.~~

14.

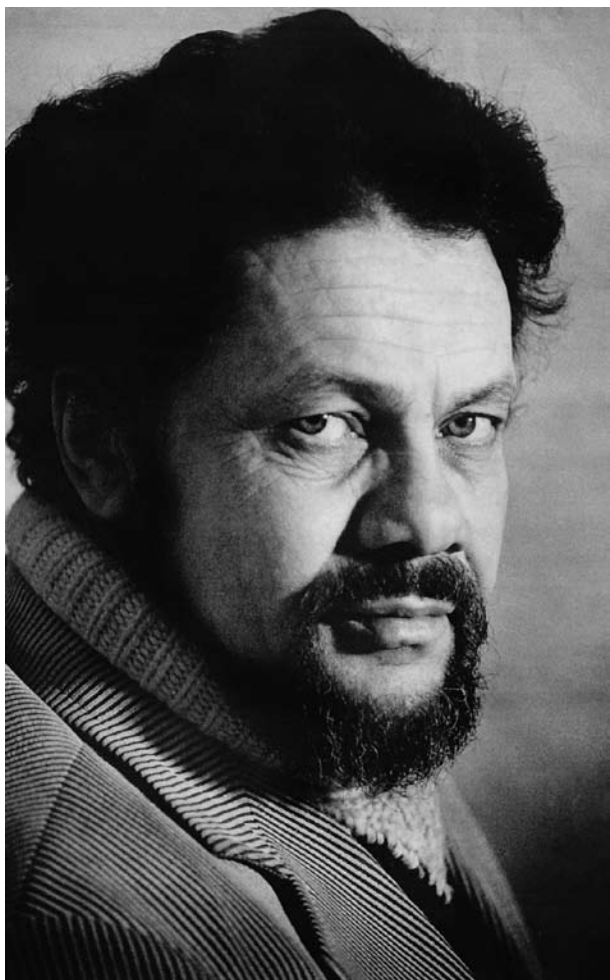
x x x

Для того ставлю хрестом
 Горзали и рвенна,
 Вот только-только перед старостью
 Едва ~~опомниться~~ ^{опомниться} дела,

Где только не поизвещивал,
 Кого ни называл,
 Там только слышали шум,
 А слышать не хотели,
 Зато попробовал любовь.

АЛЕКСАНДР АРОНОВ • ОБЫЧНЫЙ ТЕКСТ

Si
СЕТІЗДАТ

Александр АРОНОВ

ОБЫЧНЫЙ ТЕКСТ

избранная лирика

МОСКВА 2014

УТРО НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

* * *

Леониду Жуховицкому

Остановиться, оглянуться
Внезапно, вдруг, на вираже,
На том случайном этаже,
Где вам доводится проснуться.

Ботинком по снегу скребя,
Остановиться, оглянуться,
Увидеть день, дома, себя
И тихо-тихо улыбнуться...

Ведь уходя, чтоб не вернуться,
Не я ль хотел переиграть,
Остановиться, оглянуться
И никогда не умирать!

Согласен в даль, согласен в степь,
Скользнуть, исчезнуть, не проснуться —
Но дай хоть раз еще успеть
Остановиться, оглянуться.

<Ок. 1960. Опубликовано
в «Московском комсомольце»
10 марта 1968>

* * *

Юрию Некрасову

Прямо в осень идут кусты,
Всё заметней листвой горя,
Заколочены и пусты
Пионерские лагеря.

Иногда был не тот обед,
Иногда был концерт не тот,
А теперь недостатков нет,
Все чего-то стоит и ждет.

Так сказать, голоса детей
Начинали звенеть с утра.
И была тут пора статей,
А теперь тут стихов пора.

Тишиной оглушенный лист
Удивляется: как же так?
То влюблялись, а то дрались,
А теперь ни любви, ни драк.

Первый раз он живет, и дум
Налетело — не сообразишь.
Было ясно, что мир есть шум,
Может, всё-таки мир есть тишь?

Он предчувствует: впереди
Осень теплая недолга.
Значит, скоро пройдут дожди,
А за ними придут снега.

<21 августа 1968>

ЛЕГЕНДА

Когда мы уточним язык
И камень назовем, как надо,
Он сам расскажет, как возник,
В чем цель его и где награда.

Приблизится, что вдалеке.
Слабейшее — восторжествует.
Молчания не существует
На настоящем языке.

<Начало 1970-х?>

РАЗРЫВ

Был город бел,
И шел — подряд,
По плитам, по газонам —
Веселый дождик — лампопад,
С таким нарядным звоном.

И лепеча: «Ну что же, на —
Бери, лови, ударь», —
То лопнет лампа, то фонарь,
То лампа, то фонарь.

А сверх камней и пыли сверх
Мелодия текла.
У тротуаров бился свет,
Разлитый из стекла.

Он шел лениво и легко,
И не искал угла,
И белой, словно молоко,
Мелодия была.

Он шел легко, не семеня,
Такой нелепый дождь,
И набухали семена
Невероятных рощ.

<До 10 марта 1968>

ЗВОН

— Я в прошлой жизни был министром,
в карете с голубым гербом...

— Я был царем. Но я был выслан
и завершил тот век рабом.

— Я был наложницей в гареме,
бездельничал — хоть отбавляй!

— Я старый лодочник на Рейне.
Я лично видел Лору Ляй! —

Вот тоже психи! Соберутся
и до утра, до хрипоты
орут, толкаются, плюются
и пристают к тебе: — А ты? —

Сижу я тихий, как за стенкой.
Что мне ответить им, когда
я в прошлой жизни был жестянкой,
привязанной к хвосту кота.

<1950-e>

ТИШИНА

Во мне был резкий звон,
Застывшее звучанье.
Не прерывался он
Ни утром, ни ночами.

Я нажил тьму врагов,
Испортил много крови.
Уже за семь шагов
Все вскидывали брови.

В кино, бывало, вдруг
Шептали: — Извините!
Откуда этот звук?
Не вы ли тут звените?

По восемь раз на дню,
Пускай работы масса,
Я вспоминал: звеню,
И внутренне сжимался.

Вокруг то плач, то смех.
Но как заложит уши —
Я плохо слышал всех
И, в сущности, не слушал...

Дорожные посты
Нередко днем осенним
Меня через мосты
Пускали с опасеньем.

Девятым час. Луна
Лежит на стрелке крана...
Такая тишина,
Что как-то даже странно.

<До 10 марта 1968>

* * *

Блок писать почти не мог.
Всё стихи не получались.
Но друзья поэта в срок
Собрались, посоветались —
Слава громкая — итог.
Хлебников связать двух строк
Не умел, как ни старался.
Снова круг друзей собрался —
Тот же случай, что и Блок.
Я и сам на том стою,
Вижу гордость и забаву —
Раздувая эту славу,
Душу вкладывать свою.
Дело трудное — письмо,
Не идет не то, так это.
Заговор друзей поэта —
Человечество само.

<До 10 марта 1968>

ГОРОД ДВОЙНИКОВ

Есть город в Дании, накрытый
Большим стеклянным колпаком.
Под колпаком стоят два рынка
И две торговки молоком.

И два торговца огурцами,
И два лотка из-под полы,
Два деревца с двумя сердцами
И две застрявшие стрелы.

Весь городок, не уставая,
С восьми утра и до шести
Пересекают два трамвая
И оббегают два такси.

С шести все спят. Всё очень просто.
У жителей до наших лет
Нет интересов, нет запросов
И идеалов тоже нет.

Зато есть два обычных дома,
Две комнатки, и в уголке,
На столиках — два «Тихих Дона»
На чистом датском языке.

Там было жить неинтересно,
И молодежь наверняка
Томила скука. Было тесно.
Тянуло из-под колпака.

А мне так нравилось. Не скрою,
И благодарен был судьбе:
Поссорившись с одной тобою,
Я уходил к другой тебе.

<До 10 марта 1968>

* * *

Есть в нашей комнате стена.
За нею шум живет.
Там кто-то спрыгивает НА.
И убегает ОТ.

Все кирпичи в стене — впритык.
И кто-то там ведь жив!
Наверно, он подходит К.
Заглядывает В.

Я замечаю с давних пор:
все лягут спать, темно,
а там топочет кто-то ПО
и ударяет О.

И вот я каждый вечер жду,
гляжу то вверх, то вниз:
вдруг этот кто-то встанет У
и даже выйдет ИЗ.

<До 10 марта 1968>

* * *

В зеркале тоже кто-то живет.
Цыкает зубом. Что-то жует.
Где-то над полом невидимым реет.
Надо сказать, потихоньку стареет.

То вдруг он глянет из-за обреза
С неодобреньем — не без интереса,
То напевает порой по утрам:
«Трам-пара-ри-там, трам-пара-рам».

<1970-e>

* * *

Чем далее, тем холоднее.
Немало отпущено дней
На зиму, а надпись над нею —
«Чем далее, тем холодней».

Южане, пожалуй бы, выли,
От стужи мешались в уме.
А нам это всё не впервые,
И мы понимаем в зиме.

Им снег бы — зимою самую
Казался, а это смешно:
Он стужу смягчает собою,
И мы это знаем давно.

От снега укроют нас крыши,
К тому же средь зимнего дня
Мы можем кататься на лыжах,
А в этом есть прелесть своя.

Но все мы, и те, кто не понял,
И лучшие даже умы,
Выходим на белое поле,
На ровное поле зимы.

<1970-e>

* * *

Зачем мне дожди, в этот город вошедшие с тыла,
А в парках, на старых эстрадах, пусты голоса,
Пробитые ста вертикалями ветки пустые
И в рамках оконных, как в рамках иконных, глаза?

Качаются, черпают грусть сады Атлантиды,
А струи как руки висят, а деревья стоят,
И дождь — это долг, это долгая наша обида,
О Господи, горькая готика эта твоя...

Но вот отшумело. С веток последних сочатся
Последние капли, пляшет закат впереди,
И, может быть, всё-таки, может быть, всё это счастье —
Зачем мне дожди, повторять, для чего мне дожди.

<До 10 марта 1968>

ДОМ ОТДЫХА

Мне надо побыть одному,
Желательно в целой вселенной.
Индустрия увеселений
Мне как-то сейчас ни к чему.

Еще я так низко не пал,
Чтоб стала доступна наука
Под крики культурника «Ну-ка!»
Выделывать странные па.

И так не взлетел высоко,
Чтоб в завуче, танго объятном,
Увидеть сестру или брата
И с ними кружиться легко.

<1960-е или начало 1970-х>

ИЗ ПИСЬМА

Я б не взял тебя, конечно,
В тот запутаннейший век,
Где гуляет этот нежный,
Этот Снежный Человек:

Посидит. На горку выйдет.
Распугнет орлиц-дурех.
А когда никто не видит,
Постоит на четырех.

.....

<»Синтаксис», 1959, № 1>

* * *

Александр Межирову

Строчки помогают нам не часто.
Так они ослабить не вольны
Грубые житейские несчастья:
Голод, смерть отца, уход жены.

Если нам такого слишком много,
Строчкам не поделаться ничего.
Тут уже искусство не подмога.
Даже и совсем не до него.

Слово не удар, не страх, не похоть.
Слово — это буквы или шум.
В предложенье: «Я пишу, что плохо»,
Главный член не «плохо», а «пишу».

Если над обрывом я рисую
Пропась, подступившую, как весть,
Это значит, там, где я рискую,
Место для мольберта всё же есть.

Время есть. Годится настроенье.
Холст и краски. Тишина в семье.
Потому-то каждое творенье
Есть хвала порядку на Земле.

<До 10 марта 1968>

* * *

Вадиму Черняку

Имеет место дождь,
И не исключена
На почве у подошв
Цыплячья желтизна.

Сошло сто тысяч слов,
Подобие волны.
Единственный улов —
Немного тишины.

Идешь домой. «Недель
Уже наперечет.
Воде потребна цель, —
А время так течет...»

И всё-таки не множь
Усталости и зла.
Октябрь. Темнеет. Дождь.
Вот так идут дела.

<До 10 марта 1968>

* * *

Слон хоботом весь замотался,
И хобот, пройдя по дуге,
В конце узелком завязался
На задней, на левой ноге.

Под утро мне холодно стало.
Тогда и приснился мне сон:
Теплей моего одеяла
Укутанный хоботом слон.

<1974>

НА ТОЙ ДАЧЕ

Ты сказала: — Долго вы там? Скорей!
Саша, ты что, заснул? —
И ко мне кое-как подошел Андрей
И руки вверх протянул.

Мы сошли с крыльца, Андрей на плече,
И к лесу, правей, туда.
И у мостика ты отразилась в ручье.
Где теперь та вода?

<1975>

* * *

Доверяю дождю, он явился потрогать поверхность,
Убедиться, что есть она, есть она, есть.
Этот крохотный взрыв почему-то напомнил про верность,
А прищуриться если, то многое вспомнится здесь.

Постоишь на углу и, глядишь, потихоньку отчалишь,
И в каких размышленьях найдешь себя чуть погодя?
Там, где ты — неужели ты этого не замечаешь?
Впрочем, может, там вовсе и нет никакого дождя.

<1970-е, до второй половины 1979>

ДОН ЖУАН

Есть красный плащ у командора,
Во всех подъездах фонари.
И чьи-то родственники дома.
И груда дела до зари.

А Лепорелло? Всё живет он,
Везде таскается за мной:
— Сеньор, вам рано на работу!
Прошу вас, поспешим домой.

Он дергает меня, бездельник:
— Сеньор, у вас не хватит денег,
Кафе, такси — куда вам тут?
А дома вас тетрадки ждут...

И шпага никнет. Тянет к дому.
И мой успех в чужих руках.
Она — достанется другому.
А я — останусь в дураках.

Я вышел что-то непохожим.
Я в этот раз совсем не тот.
Я эту жизнь бездарно прожил,
Как старый дурень дон Кихот.

<До 10 марта 1968>

* * *

Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?
Голубенький, как будто звон
Росы, пока она не смята,
Голубенький, как будто марка:
Конвертик бел, герой влюблен.
Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?

Вот груды в тысячу камней,
Неровных, серых, пыльных, старых.
Я разгребаю их, но мне
Не попадается хрусталик.
Она растет. Вот целый склон.
Вот я стою перед горою
Камней. Ищу, копаю, рою —
Куда же потерялся он?

Ну, хорошо. Иду домой.
Стараюсь думать о работе.
Гуляю с сыном. Утром вроде
Начальник был доволен мной.

А за стеной магнитофон,
Смешная песенка Лемарка...

<1960-е или начало 1970-х>

* * *

Вадиму Черняку

О дальнейшем течении лет,
О почти различимом грядущем,
По любви гадают поэт,
Как старуха по картам и гуще —

Всем доступен обыденный факт,
Пред которым стоим, как разини:
Если что-то у Блока не так,
Значит, что-то не так у России.

И не ради пустой суеты,
А на всякий решительный случай
Я спрошу тебя утром: как ты?
Всё в порядке? Не хуже? Не лучше?

<1974?>

ТРОСТИНКА

К утру песок остынет.
День прожит, значит, наш.
Представим, что пустыня —
Такой широкий пляж.

Довольно мало горя,
А вот удач не счесть.
Мы здесь не видим моря,
Но где-то море есть.

Стоит любая дата.
Песок сожжен огнем.
Бушмен спешит куда-то,
И тросточка при нем.

Судьбе он благодарен,
Что трость его стройна.
Как франту на бульваре,
Идет ему она.

Пустыня тайну скроет —
Бушмен застыл. Потом
Чуть-чуть песок разроет,
Прижмется животом.

Знакомую пластинку
Узнав издалека,
Сует свою тростинку
В немую глубь песка.

С собой не носит флягу,
Доверчивый, как гость.
Он втягивает влагу,
Продув пустую трость.

Вскочил. Тростинку вынул.
Слегка погнул — цела.
И взглядом даль окинул:
Дела, дела, дела.

<1984>

* * *

*Лирический субъект сам должен
стать произведением искусства.*

Гегель

Произведение искусства
Слегка испорчено с утра:
И боли в области бедра,
И в животе темно и пусто,
И по суставам ключья хруста,
И грустно: память не остра.

Придется собирать совет,
Часок понуть в отделе кадров,
Искать ошибку в перфокартах,
Проглядывая их на свет...

Что делать. Такова судьба
Неясного эксперимента,
В котором в виде инструмента
Используют самих себя.

<1960-е>

* * *

Я б снял в кино моих друзей.
Черняк прекрасен в детективе.
И чем он там неторопливей,
Тем, значит, действие острей.

Побег. Грохочут три ствола.
Авто летит напропалую.
В окно, на улицу ночную
Глядит он, встав из-за стола.

И будет ясно всё равно:
Ничто злодеям не поможет,
Никто из них уйти не сможет,
И всё уже предreshено.

А после десяти часов,
Коль задержался он на службе,
К нему зайдет по старой дружбе
Гвардейский офицер Смирнов.

Отглажен, выбрит, раздражен,
Он будет зол на вахтпарады,
На грязь, на вечный беспорядок,
На вздорность генеральских жен.

Весь будет пуст огромный дом.
Они, присев на подоконник,
Решат, что дело не в погонях,
А в чем-нибудь совсем другом.

<1974>

ЮНОШЕСКОЕ

Вот рвешься ты, единственная нить.
Мне без тебя не вынести, конечно.
Как эти две звезды соединить —
Пятиконечную с шестиконечной?

Две боли. Два призванья. Жизнь идет,
И это всё становится неважным.
— Жида и коммунисты, шаг вперед!
Я выхожу. В меня стреляйте дважды.

<1950-e>

* * *

Среди бела дня
Мне могилу выроют.
А потом меня
Реабилитируют.

Пряжкой от ремня,
Апперкотом валящим
Будут бить меня
По лицу товарищи.

Спляшут на костях,
Бабу изнасилуют,
А потом простят.
А потом помилуют.

Скажут: — Срок ваш весь. —
Волю мне подарят.
Может быть, и здесь
Кто-нибудь ударит.

Будет плакать следователь
На моем плече.
Я забыл последовательность,
Что у нас за чем.

<Вторая половина 1950-х>

ПАМЯТИ МИКЛОША РАДНОТИ

Да будут до утра
Друзья в моем доме.
Я всех пойму спокойно и устало.
Любимая меня
Обманет потому,
Что я ее обманывать не стану.

А в пыльных городах
Невероятных стран,
Когда дворцовый путч у них случился,
Возьмут меня за то,
Что сам я не тиран
И никого хватать не научился.

Чужие поезда
Уходят на Восток,
И дым за ними рвется и клубится —
И буду я убит
За то, что не жесток
И потому что сам я — не убийца.

<1960-е или начало 1970-х>

* * *

Вадиму Черняку

Досматривать кино не очень хочется.
И я не знаю, стану или нет.
Давно понятно, чем всё это кончится,
И денег мне не жалко за билет.

А в зале нашем тесном стулья заняты.
Я сам себе шепчу из темноты:
— Сидят же люди, знают всё, что знаешь ты,
А раз они глядят, гляди и ты.

Отсюда ведь не выберешься, кроме как
Других толкая, близких — побольней.
Там про любовь прошло, теперь там хроника —
Немало любопытного и в ней.

Кто победит в Америке на выборах?
В хоккее кому взять кубок суждено?
Смотри кино, какое есть, сиди, дурак,
Второго не покажут всё равно.

<Начало 1970-х>

УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ

Я на службу, на службу, на службу ходил аккуратно.
Вызывал, проверял, ставил двойки, да мало ли дел.
К четверем, и к пяти, и к шести возвращался обратно.
Шел в кино, пил вино. Или так — в телевизор глядел.
А когда я, когда я, когда я вставал в воскресенье,
Перед зеркалом, зеркалом всё вспоминал дотемна:
Где я дернул рукой, что в Калабрии землетрясение,
В чем ошибся мой мозг, если в Африке снова война?

<1974 или до второй половины 1975>

РУССКАЯ ВАРИАЦИЯ

По берегу, по берегу
Выпал снег.

По белому, по белому
К речке след.

К речке след.
А обратно — нет.

<Вторая половина 1950-х>

ГЕТТО. 1943 ГОД

Когда горело гетто,
Когда горело гетто,
Варшава изумлялась
Четыре дня подряд.
И было столько треска,
И было столько света,
И люди говорили:
«Клопы горят».

А через четверть века
Два мудрых человека
Сидели за бутылкой
Хорошего вина.
И говорил мне Януш,
Мыслитель и коллега:
— У русских перед Польшей
Есть своя вина.

Зачем в 44-м
Вы встали перед Вислой?
Варшава погибает!
Кто даст ей жить? —
А я ему: — Сначала
Силенок было мало,
И выходило, с помощью
Нельзя спешить.

— Варшавское восстание
Подавлено и смято,
Варшавское восстание
Потоплено в крови.

Пусть лучше я погибну,
Чем дам погибнуть брату, —
С отличной дрожью в голосе
Сказал мой визави.

А я ему на это:
— Когда горело гетто,
Когда горело гетто
Четыре дня подряд...

<Начало 1970-х>

ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

О чем ты там польская плачешь еврейка,
В приюте, под пальмой, где стол и скамейка,
Дареный букварь и очки, и оправа,
И буквы, в тетрадку входящие справа?
Студентик, учитель, пан будущий ребе
Так громко толкует о хляби и хлебе,
О том, как скиталась ты в странах нежарких
Две тысячи трудных и семьдесят жалких.
Прошло две войны. Унесло два семейства.
Каникулы. Кончились оба семестра.
Ты выучишь иврит и столько увидишь,
Забудешь и польский, и нищий свой идиш,
И ешь ты, и пьешь, и ни грóша не платишь,
Читаешь и пишешь — и что же ты плачешь?
По мебели, на шести метрах в избытке,
По старой соседке, антисемитке.

<1960-е или начало 1970-х>

ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ

Здесь жить, конечно, можно.
Здесь можно всё исправить.
Все наши прегрешенья
Назвать до одного.
Но вот настанет время
Нас в прошлое отправить —
А там нельзя поправить,
К несчастью, ничего.

Она сбежит за нами,
Придурочная слава.
Уж так распорядились
Своею мы судьбой.
Один начальник слева,
Один начальник справа,
А строго посредине
Шагаем мы с тобой.

Для нас готова вечность
За мелкими морями,
И мы рядами входим
В свой бесконечный час.
Непойманные воры
Научат нас морали,
И крысы тыловые
В строю удержат нас.

20 июля 1988

ЗЕРКАЛЬНОЕ СТЕКЛО

ПРОРОК

Он жил без хлеба и пощады.
Но, в наше заходя село,
Встречал он как само тепло
Улыбки добрые и взгляды,
И много легче время шло,
А мы и вправду были рады —

Но вот зеркальное стекло:

А мы и вправду были рады,
И много легче время шло,
Улыбки добрые и взгляды
Встречал он как само тепло,
Но, в наше заходя село,
Он жил без хлеба и пощады.

<1978>

* * *

Невнятицею всей
Зайдясь почти до визга,
Был страшен Моисей.
Мычал. Слюною брызгал.

Тогда-то умудрен
Судьбы своей уроком,
Мой предок Аарон
Вставал перед пророком.

Он глаз не заводил,
Не трясся перед вами.
Он лишь переводил
Мычание словами.

Так кто ж из рабства звал?
Умчалось время оно.
Мне кажется, я знал
Молитву Аарона.

— Господь, о почему,
Уча, зовя, рискуя,
Я должен дать уму
Авторитет безумья?

Зачем среди людей,
Взалкавших света снова,
Юродивый сильней
Единственного слова?

Пророк, хрипун, урод,
Постой со мною рядом.
Я буду младшим братом —
И выведу народ.

<Середина 1970-х>

ПАМЯТИ ЮРИЯ СМЕРНОВА

Отлучится личный врач —
Остается излечиться.

Жить без тренера случится —
Сам себе режим назначь.

Моряков на пляже нету..
Видно, бабку мне спасать.

Хорошо бы дать поэту
Эти строчки написать.

<1979>

* * *

Гуляю по морю пешком,
Стучу о море посошком.

Вокруг стихия с трех сторон,
А с берега кричат — «Силён!»

Они завидуют тому,
Что я иду и не тону.

А я зато на берегу
Сидеть, как люди, не могу.

<1974>

* * *

И сдвинулись звезды и скалы,
И хлынула навзничь вода.
И то, что вчера отсверкало,
Уже не взойдет никогда.

Вселенная так поредела,
Что плохо заметна в окно.
Всё вечное прежде — к пределу
По оползнию наклонено.

Казавшийся прочным, хоть нудным,
Разомкнут

 круговорот:

В хозяйстве бескрайнем и скудном
И век небывалый, и год...

Вот слово из этой секунды.
А та на другое пойдет.

<Середина 1970-х>

* * *

Л. П. Черновой

Когда раздвинешь город наш,
Другой откроется пейзаж —
Я в месяц раз произвожу такую сверку —
Ни стен, ни кровель листовых,
Ни мостовых, ни постовых,
Жара вокруг, песок внизу, и небо сверху.

А тут приходит дурачок,
Еще с утра он ни при чем,
Но вот уж час, как обречен стезе печальной.
Его не пробуйте вернуть,
Я должен город распахнуть
И путь к пустыне отчеркнуть, скупой и чахлой.

И я сажу, пишу письмо.
Мол, получилось так само,
И я тут мало виноват, не обессудьте.
Ваш сын ушел, и перед ним
Равнина с климатом сухим
И шестикрылый серафим на перепутье.

<16 ноября 1973>

* * *

Ну о чём ты, о чём ты, какие приметы,
Что случилось с тобой? Это та же Москва.
И в кармане — блокнот и перо, амулеты
Для нехитрого нашего колдовства.

<Начало 1970-х?>

ЗАВЕЩАНИЕ

Приготовляясь складывать слова,
Зачем всё это нужно, знал я твердо.
Вот научусь — заговорит трава.
Вернется женщина.
Воскреснет мертвый.

Похоже, что не выйдет в этот раз.
Но цель сама не слишком беспокоит.
Возможно, у кого-нибудь из вас —
На меньшее рассчитывать не стоит.

23 апреля 1975

* * *

А. К.

Признаться ль шопотом?
И Фет, и Пастернак
Писали что-то там,
Но, знаете ль, не так!

Кто там почище нас?
Не Данте ли и Блок?
Одна напыщенность,
И тон дурной, и слог.

Тот в строчку заново
И смех суёт, и плач,
Тот пыльный занавес
Кроит себе на плащ.

Терпеть безропотно,
Пока они подряд
Топорно, оперно
Бестрепетно творят?

Не перья — ластики
Им надо дать. В ночи
Все эти классики
Шумят как москвичи.

О чем стараются?
О чем кричат везде?
На шкаф взбираются
И там торчат весь день.

...Нет, чтоб хоть в шуточку
В бессмертье пригласить...
Одну минуточку!
Я что хотел спросить?..

<1983>

* * *

Глядя в ночь, не глядя на ночь,
Приподымет в тишине
Владислав Фелицианыч
Занавеску на окне.

Что ты можешь? Что ты стоишь?
Почему ты смотришь так?
Чем на контуры чудовищ
Размечаешь слитный мрак?

Пред тобой хрипит и реет
Гущей сомкнутых ветвей
Древний лес не из деревьев,
Из страданий и смертей.

Как же в адское окружье
Человек дерзал входить?
Было первое оружие —
Это глаз не отводить.

Кто готов к такому бою,
Он нужней любых услад.
Тварь, воздвигшись над тобою,
Упирается во взгляд.

Нависает зверь оружий,
Силясь пути разорвать.
И последнее оружие —
Точным именем назвать.

И, прибит к пустой Вселенной,
Как велит твоя рука,
Изогнется враг твой пленный
И застынет на века.

И у самого рассвета,
Проступившего, как мел,
Я клянусь тебе:

ты это

Сделал, выдержал, сумел!

Повернись спиной к миру,
Занавеску опусти
И шагни назад, в квартиру,
Подремать до десяти.

<1983>

* * *

Стихи на магию похожи.
Ну чем ты только занят, друг?
Сейчас в строку слова уложишь —
И всё изменится вокруг?

...И любопытно: нет поэта —
Ни мудрого, ни дурака, —
Чтоб он не верил: будет это!
Хотя и не было пока.

<1983>

* * *

Корова пасется на пышном лугу.
А я-то что сделать смогу?

А мимо несется стремительный конь.
Но ты меня с этим не тронь.

Вот если корова верхом на коне —
Тогда она скачет ко мне.

<1981>

* * *

Червь дождевой дождевым называется,
Ибо из почвы дождем вызывается.

Тесные норы водой залиты —
Червь появляется из темноты.

Сам он не знает, что так называется,
Просто меж лужами он извивается.

Здесь он бездомным и полуживым
В дождь появился и стал дождевым.

Нет, мы не пишем червю панегирика.
Наша специальность — любовная лирика.

<Середина 1970-х>

ХРЕСТОМАТИЯ

*Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами.*

Державин

Побывав у водопада,
На экзамен он спешит.

Тот, кого ждала награда,
Будет вскорости убит.

Следующий — на Кавказе,
Тоже вдруг, на полуфразе...

Крым, где топят корабли,
Артиллерии ли, связи
Офицер. Взглянул — знакомо.

Он потом уйдет из дома
От наследственной земли.

В то же время муж сквозь вьюгу
Всматривается в супругу,
То ль чужую, то ль свою,
Где-то, кажется, по югу
Гастролирующую.

Воронье, костер, туман.
У костра сосед устанет.
Воротясь домой, достанет
Старый спрятанный наган.

<1974>

ЧИТАТЕЛЬ

Маленький, хмурый, лохматый,
В комнатке с тихим огнем,
В чем-то с утра виноватый,
Кем-то обиженный днем,

Чем же он занят ночами?
До четырех по часам
Гениев он назначает
И отменяет. Но сам!

Окна он запер и двери.
Список ведет на листке.
Он сейчас всё тут проверит,
Он не согласен ни с кем.

Сам он решит, кто лучше,
Кто тут наплел пустяков.
Блок ему нравится. Тютчев.
Анненский. Пушкин. Глазков.

Апрель 1987

* * *

Науму Коржавину

Олень вступает в полемику,
Склонив к копытам рога,
Дабы убедить оленіху
И переубедить врага.

И, главное, помнить не лень ему
Последнюю его цель:
Способствовать роду оленьему —
Еще расцвести в конце.

И я не пребуду в целости,
И род мой пройдет за мной,
Но наши оленьи ценности
Нетленны в дали земной.

8 марта 1988

* * *

Семнадцать леопардов
Преследуют гонца
Среди зеленых парков,
Которым нет конца.

Гонец спешит, стремится.
Он дышит горячо.
К нему большая птица
Садится на плечо.

А там, где на балконе
Ты смотришь в синеву,
Он белый плащ уронит
На темную траву.

<1970-e>

ЧТЕНИЕ

В вагоне мы к плечу плечом,
И каждый книгой увлечен,
Раскрытой и отдельной,
А на страницах слабый яд,
Домашний, усмиренный ад,
Ручной и несмертельный.

Там сказано, что болен тот,
А этот через час умрет,
А третий предан кем-то.
Но так как это не всерьез,
Никто не проливает слез
Над ужасом момента.

Макбет, Отелло, Гамлет, Лир
Уже зачитаны до дыр,
И остальные тоже,
Но так как это не всерьез,
Никто не вскрикнет, и мороз
Не продерет по коже.

И автор, даже сам Шекспир,
Словами ослабляет мир
И заявляет: — Командир,
Забудь свой быт домашний,
Забудь свой стыд вчерашний...

...Перелистай полсотни книг,
Глядишь, и ты уже привык.
И всё не так уж страшно.

<1977>

УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ

Преподавать литературу.
Анализировать поток.
Перешибать струю литую
И собирать ее потом.

Примеривая голос строгий,
На мух раскраивать слона
И притворяться, будто строки
Раскладываются на слова.

А двоечник стоит сутуло,
Молчит про что-то про свое...
Преподавать литературу —
Как будто предавать ее.

<1970-е до второй половины 1979>

* * *

Тайна учителя та, что учить невозможно.
Тайна правителя в том, что нельзя управлять.
Тайна священника выдана неосторожно.
Тайну врача я и сам не хотел бы узнать.

Как вам разгадки занятны и необычайны!
И ни конца им, ни края, покрышки и дна.
А у меня — никакой охраняемой тайны.
Но и чужая ничья мне уже не нужна.

<1970-е, до второй половины 1979>

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Нам следует издать его подряд,
Вдоль времени, а не произведений,
Письмо, за строчкой счет, смешной доклад,
Пять строф, фрагмент ученых рассуждений.

Там, где пока не ясно, что сперва,
А что потом, положим всё в тетрадке
Столбцами, рядом, помолчим, слова
Шепнут и сами о своем порядке.

А между слов и строчек то, что нам
Еще известно, вставим шрифтом мелким.
Где был, на что глядел по сторонам,
Приравнивая важное к безделкам.

Пусть будет, как он был, необъясним,
Не нам судить, и что мы за всеведы,
Уже не отличая вместе с ним
Любое поражение от победы.

На черновик похожа та тетрадь,
Набросок, план, и чуть поток убыстрен,
И можно дальше пробовать стирать
Случайный, в сущности, Дантесов выстрел.

Январь? 1987?

СУМАРОКОВ

Мне нравятся сии пииты.
Блаженны, ежели не биты,
Пусть и не пущены на бал.
Хромы эксаметром, судьбою,
Всегда в грызне между собою
Для развлеченья юных бар.

От Маяковского и Блока
Вести свой род отнюдь не плохо,
Но надо ж проникать до дна,
До восемнадцатого века,
Где будущего древа ветка
Впервые укоренена.

Самой Истории совета
Вот смысл: когда мы помним это,
Мы понимаем, что — привет! —
Унизить здешнего поэта,
Как и повесить, власти нет.

<Середина 1970-х>

ШКОЛА ПОЭТОВ

Памяти Даниила Хармса

Учитель: Расскажи нам стихотворение.

I. Я видел, как мылся
Над теплой водой
Усатый,
К тому же он был
С бородой.

А мальчик с собакой
Стерег у реки
Усатого вещи:
Берет и очки.

Учитель: Теперь ты.

II. Гриша Кружков: Я видел:
Купалась в холодной воде
Собака с усами
И при бороде.

А мальчик стерег
На песке у реки
Собакины вещи —
Берет и очки.

Учитель: Хорошо, теперь ты.

III. Я видел...
Ах, вспомнил!
В песке у реки

Собака
Стирала
Берет и очки.
И
В трусиках
Мальчик купался в воде
В собакиных усиках
И в бороде.

Учитель: Молодец! А ты?

IV. Я видел, я видел —
Усы с бородой
Купались вдвоем,
Обливались водой.

Лежали
Берет и очки
На песке,
А мальчик —
Собака! —
Купался в реке.

Учитель: Всем 5. Садитесь.

<1975>

* * *

Пор, царь Пенджаба, руку протянул
Над онемевшим пиршественным залом.
— Предательница Музыка, — сказал он
И цитру недопевшую рванул.

И пояснил, кончая струны рвать:
— Тот жалкий трус, кто эти звуки любит.
Их музыка всю нашу доблесть губит
И мужеству мешает воевать.

А этот Пор в историю попал,
Разгромленный одним бродячим греком.
Тот тоже был несладким человеком,
Но так с поэтами не поступал.

<1986>

* * *

С<таниславу> К<уняеву>

Злобным быть и уныло, и тяжело.
И никто над остывшей золой
Не вздохнет почему-то: бедняжка!
Ах, какой был унылый и злой!

Кто сказал тебе, в общем, спасибо,
Хоть ты выбрал несладкий удел:
Возлюбил и арапник, и дыбу
И на них с умиленьем глядел.

Так и жил, хоть и мог бы иначе.
Так привык: мол, иначе нельзя.
Скажем, птицу убьешь — и поплачешь.
Погрустишь — и завалишь лося.

Был прикован к постылому ложу
Брачной цепью кандалных колец.
Тут и плюнешь кому-нибудь в рожу,
Так ведь он недоволен, подлец.

<1983>

ВЫХОД

Где-то здесь. На полслова правей,
На полстрочки левее и выше
Должен быть этот выход. Я слышу
Холодок меж камней и ветвей.

Понимаю, никто никогда
В этот лаз не пролез ниоткуда,
Сквозь него не проник никуда
И назад не вернулся оттуда —

Что с того? Там, где нынче нас нет,
Завтра будет свободно и людно.
Есть такое явление — свет,
На словах объяснить это трудно.

Среди этих камней и ветвей
Дуновение свежести слышу.
Это здесь. На полслова правей,
На полстрочки левее и выше.

5 августа <1984>

ПОЭТЫ

На свете есть одни поэты.
На свете есть одни поэты.
Кого-кого за сорок лет
Ни повидав, дарю советом:
Готовьте лучше сани летом!
Рожденный вырастет поэтом.
Других путей на свете нет.

...Ну вот прозаик, выйдя в свет,
Стоит без рифм, полураздетый,
Строки дыханьем не согретый, —
Какой он жалостный поэт!

По Бессарабии кочуют,
В шатрах изодранных ночуют
Творцов сплошные племена.
А персонажей нет в природе —
Не зря ж даются их породе
Придуманные имена.

И если вдруг нужны тупицы,
Бездельники и винопийцы,
Завистники и виршеписцы,
Ночных девиц лихая рать,
Своих предатели обетов,
Чужих издатели секретов —
Всех надо брать среди поэтов,
Их больше неоткуда брать.

В концлагерь заперты скелеты.
Но и охранник с пистолетом
Столь искажен судьбы сюжетом,
Что мы не узнаём его, —
Другим не может быть при этом.
Другого нету никого.

Постылый маленький чиновник,
Всех ваших сложностей виновник,
Сидит, препоны создает
Затем, что лирика нагая,
Смирясь и изнемогая,
Отверстых уст не достигая,
В немой душе его гниет.

Лишь смутно ведают народы,
Что ужас мира, стыд природы,
Упрек богам, Земли злодей,
Тиран, гнетущий треть планеты,
Однажды не прошел в поэты,
С того и мучает людей.

Ты видишь, слушатели в зале.
Спроси любого, все б сказали:
«На сцене длинная скамья...
Тот, что там плачет и смеется,
Пускай уж, ладно, остается,
Но рядом с ним хочу и я!»

И если только в самом деле
Друг другу мы не надоели,
Давайте поровну поделим
Весь этот глупый наш успех.
Мы все уйдем, молва не лжива.
Ну а пока — мы с вами живы,
Ну а пока мы с вами живы,
Стиха должно хватить на всех.

ЕЖЕДНЕВНИК

СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ

Если нужно газете, то вы отправляетесь в рай.
Замполит приглашает: а пока ознакомьтесь со сказкой.
Да, так вот он какой, этот старый бескрайний сарай
С облупившейся, некогда синею краской.

Обитатели только вернулись из нашей промозглой беды
Со своей застарелой, почти что привычной обидой.
От предбанника к спальне оставив босые следы,
Белоснежные крылья сложив в уголке пирамидой.

6–7 сентября 1987

ПЕСЕНКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА

Юрию Щекочихину

Чтоб был ровен твой бег в степи,
Первобытнейшей из степей,
День пиши, вечер пей, ночь спи,
Утром встань, день пиши, вечер пей.

Иногда подними глаза,
Погляди, где земля, где снег.
Но надолго прервать нельзя
Этот бешеный бедный бег.

От того, что было, отстань.
То, что будет, не торопи.
День пиши, вечер пей, утром встань.
День пиши, вечер пей, ночь спи.

А какие вокруг года,
И какое при них житьё,
И откуда ты сам и куда —
Не твое это, не твое.

Надрывайся, тяни, терпи.
Скажут «Туп ты!» — еще тупей
День пиши, вечер пей, ночь спи.
Утром встань, день пиши, вечер пей.

<1970-e>

ДЕЛЯНКА

*В нашей стране на каждого человека
приходится гектар пахотной земли.*

Из газет

Горожанин, выкормыш, калека,
Журналист, звучащее ничто...
Вот у нас гектар на человека.
Десять тысяч метров, сто на сто.

Я вчера родился, или старый,
Ни при чем ни званья, ни года,
Я живу со своего гектара,
Хоть его не видел никогда.

Я не знаю, юг там или север,
Далеко ль до речки и села,
Всё равно там кто-то жнет и сеет.
Может, только пахота прошла.

Там не так, как мы, глядят на небо —
Хоть моли дождя, хоть не моли, —
Никогда я хлебобобом не был,
Да и предки не были мои.

Так что, если тут смолчу и струшу,
Или приведет Господь соврать, —
Всю там агротехнику нарушу,
Хоть куски отправься собирать.

27 августа 1985

* * *

Литсотрудник на полставки,
На подхвате в трех местах,
Год в уме, два дня в остатке,
Потерявший стыд и страх,

Боком выросший из детства,
Отыскавший благодать,
Отучившийся страдать,
Научившийся вертеться,

Ты увидь себя, увидь,
Это очень интересно —
Там, где шумно, дымно, тесно,
Бедной сволочью прожить.

<Начало 1970-х>

* * *

Не знаю оружия слабее,
Имущества — ниже ценой,
Чем это, которым владею,
Которое сделано мной.

Монет и кинжалов скольженьем
Колеблется здание дня,
И я не знаком с положеньем
Устойчивей, чем у меня.

Закончатся битвы и рынки.
Хоть позже, чем ждали, а всё ж.
И в следующем поединке
Поможет не рубль и не нож.

15 августа 1975
Архипо-Осиповка

СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ

Павлу Гусеву

Ищу по сторонам
В библиотечных зонах
Затерянный роман
«В плену у амазонок».

В прологе там, трубя,
Промчится топот бычий,
И чувствуешь себя
Военною добычей.

Как гибок губ каприз.
Их восемь, шесть, четыре.
Ты — кубок или приз
На дерзостном турнире?

Герой проходит круг
Двустворчатой разлуки,
Переходя из рук
В прелестнейшие руки.

И в трудностях его,
Значительных, не скрою,
Мы все — до одного —
Сочувствуем герою.

Но — просвещенный век
Пусть в этом разберется —
Мы рады, что побег
Ему не удается.

Роман как раскален
Под пышным южным небом.
Не может быть, чтоб он
Еще написан не был.

23 июня 1987

* * *

«В полиграфическом профтехучилище» —
Право же, чем не строка?
День мой запутанный не отучил еще
Вздрагивать издалека.

Может, кому там несладко приходится —
Пусть он меня извинит.
Мне в эту строчку отчаянно хочется,
Даже немного пьянит.

Шум ли в цеху или радуга, Ладога,
Солнечное колесо —
Я здесь турист, верхогляд, и ненадолго.
Всё мне здесь нравится, всё.

Слава, бессмертие, рай и чистилище —
Как это не для меня!..
В полиграфическом профтехучилище
Много теплей толкотня.

С тросточкой, в шляпе, походкой ритмической
Скоро пройду я маршрут..
В профтехучилище полиграфическом
Так это и наберут.

<Середина 1970-х>

* * *

Евгению Аверину

Начать попробую слегка
Не то чтобы издалика —
С определенья батрака.
Чему успел я научиться:
Он, в общем, пашет как-никак,
А то какой же он батрак,
А то ему не прохарчиться,

Но просыпаясь там, в хлеву,
И смутно видя наяву
С утра хозяйскую скотину,
Он чувствует примерно так
(А то какой же он батрак),
Свою почесывая спину:

— Ну, вы, одры и борова!
Вот ваша сладкая жратва!
Вот ваши сытные опилки...
Одно я знаю наизусть:
В моей душе такая грусть,
Что до хозяйской дочки пусть
Мне не дорваться — я дорвусь
Хотя бы до сенокосилки! —

Он не большой интеллигент.
Но так корежит инструмент,
Как будто Маркса начитался.
Нужны запоры тяжелей,
Заборы с ревом кобелей,
Где хоть один батрак остался...

Так я хочу сказать о том,
Что мало ль как пойдет потом,
И обнищать могу, и спиться,
Суму проверю и тюрьму,
Но батраком в своем дому
Мне никогда не пробудиться.

И пожелать тому добра,
С кем грызся, может быть, вчера
По всякой прихоти дурацкой,
Но кто вложил в меня труды
И спас от самой злой беды,
Навеки выбив все следы
Проклятой тупости батрацкой.

<1976>

ПРОЩАНИЕ С ГАЗЕТОЙ

1

Прости меня, моя газета,
За то, что так сжились с тобой,
За то, что так была задета,
И поднята, и смята где-то
Моя судьба твоей судьбой.

(Я говорил уже об этом,
Тогда, рассорясь сам с собой,
Я был готов уйти с рассветом,
Да Блок шептал: «Всё тот же бой!»
А Межиров корил тщетою,
Пустой газетной суетою, —
Но ржали кони под трубой.

Не видим ли себя ночами
Мы в месте шумном, но пустом?
Не вздрагиваем — «что потом?» —
Припоминая, что вначале?

Чуть первый опыт свет увидит,
Уже назавтра учат нас:
— Газете что, газета выйдет, —
И это прозвучит подчас
Невнятно, как-то в первый раз...

2

С утра мы глухи, как тетери.
В себя придя чуть не рывком,
Всё не подарки, а потери,
А тут еще бежать в горком.

Иль вдруг стоять, опешив, перед
Тупым — кроссвордовским — звонком,
Но день встает, уходит утро,
Но ритм растет ежеминутно,
И время мчит нас так уютно,
Как альпинистов — снежный ком!

Но жизнь, как та же поговорка,
Глядишь, и втянет в добрый час:
С утра топтушка, там планерка..
Летучка — нынче в месяц раз?
А зазеваешься, всё просто.
Довольно тихо за кормой.
Волна была такого роста!..
Уж номер заслан, номер сверстан,
И ты, дружок, ступай домой.

И кто-то скажет, как обидит,
Пока ты грезил в забытьи:
— Газете что, газета выйдет —
Хотя б и без твоей статьи.

3

Однако, набираясь рвенья,
Овладевая букварем,
Сдать эпохальные творенья
Мы успеваем к четырем.
Ты мчался, полон был отвагой,
Все вёрсты задевая шпагой, —
Они гремели, как забор, —
Успел. Ты вроде и свободен.
Твой текст инстанции проходит:
Отдел, редактора, набор..

Но вдруг, рванувшись к стенду шибко,
Ты схватишься: какой-то рок!
Как девственно свежа ошибка
На утреннем изломе строк!
И весь твой город это видит —
Здесь ты прибит, стыдясь, скорбя...
Газете что, газета выйдет
И вытащит на свет тебя.

4

Она прелестна ежедневно,
Но день отгрохотал — и стоп.
Кого-то восхвалив напевно,
Разоблачив кого-то гневно,
Она — как спящая царевна.
Архив — ее хрустальный гроб.
И нет туда коротких троп.

Немного грусти — это можно.
Всё, что сбылось, уже несложно.
Идем с работы. Поздний час.
Мы встретимся еще не раз.
И проезжая мимо дома,
Где столько всякого прошло,
Услышим, как тоской знакомой
Нам сердце бедное свело...

Уж новый выпуск, новый лидер,
И равнодушно-молода —
Газете что? Газета выйдет.
Вот мы не выйдем

кто
когда.

<1975>

**Л. ТРАХТЕНБЕРГУ,
СПОРТИВНОМУ РЕПОРТЕРУ
«МОСКОВСКОГО КОМСОМОЛЬЦА»**

Проход!.. Удар!.. Вираз!..
То холодно, то ливень.
Весь этот репортаж
По сути непрерывен.

В разгаре новый тайм,
И «свойства скоростные»
Скрестили что-то там,
А может, не скрестили...

«Отчаянных парней»,
Их страсти и задора
Мне кажется важней
Фигурка репортера,

Туда, где сам не свой,
Нам облегчает доступ,
Вися вниз головой
Для большего удобства.

И коль уж так повис,
Не дай Бог усомниться,
Какой имеет смысл:
Синицын или Птицын.

(Пардон! Имел в виду —
Харламов или Мальцев),
Ведь главное — на льду
Матч все же состоялся.

А значит, был и лёд,
Под ним была планета,
И только идиот
Не сразу видит это.

И в легком хрусте дней,
Сквозь скудные недели
Сидели мы на ней
И на хоккеем глядели.

...В строку в какой-то раз
вчитавшись удивленно
(Ты лишь чуть ярче нас,
Не обижайся, Леня),

Мильоны лет и вех
Проспав, забыв, отвергнув,
Я б воссоздал нас всех
По строчке Трахтенберга.

Ах! Если бы проверка!..
Ручаюсь за успех.

<1975>

НА КОВАРНОМ АЛЬБИОНЕ

- Ну как мои манеры? Взвесьте здраво.
- Ошибок нет. Ну, разве так, немножечко.
- Вот вы помешивали чай рукою правой...
- А что?!
- У нас предпочитают ложечкой.

<1986>

ВТОРАЯ ПОПЫТКА

Лёне Жуховицкому

Хоть в бурной молодости нам,
Носящимся по всем волнам
Не без угрозы захлебнуться,
Закрыв глаза, летящим вниз,
И стоит выслушать девиз
«Остановиться, оглянуться», —

А всё-таки, мой друг, теперь,
Когда, казалось бы, потерь
Подходят тягостные сроки,
И даже на крыле волны
Мы тайно обременены,
Таща с собой судьбы уроки,

Так всё-таки теперь, когда
Смирна коварная вода
И столь ее покровы гладки, —
Мы станем жить наоборот,
Как, в сущности, и жизнь идет:
Без остановки,
без оглядки!

<5 мая 1982>

* * *

Вячеславу Куприянову

С утра потаскаешь на рынке
Нелегкие, в общем, тюки.
А вечером встреча на ринге —
И здесь набираешь очки.

Давно меня что-то не валят.
Любая работа — по мне.
Уже привыкаю, как хвалят
С другими лет семь наравне.

Доволен я скромною славой.
Всё реже мелькает, томя:
Вот так, с прибинтованной правой...
А что бы я сделал двумя?

<1974>

ЦАРЕВНА И ЗМЕЙ
Сказка-детектив

1

Царь посадил восхитительный сад.
Там редкие фрукты часто висят.
В столице — а словно в деревне.
И славно гулять царевне.

Месяц гуляет, гуляет другой...
Вдруг царь запрещает:
— В сад — ни ногой!
Там Змей, — заявляет он гневно.
— Да ну? — удивилась царевна.

Грустно царевна в светелке сидит.
Царь, это самое, значит, — сердит.
В аллею дозором он входит.
И больше его не находят.

В сказках случается красть дочерей,
Но кто же слышал, чтобы крали царей?
И что теперь делать девице,
Сидящей, как помним, в светлице?

2

Полгода царевна промедливши зря,
Тем более нет в государстве царя,
Сама надевает корону —
Ведь надо ж крепить оборону.

Подписывает громогласный указ:
 «Тот воин, который бы батюшку спас,
 Сегодня для подвига нужен:
 Вернувшись, он станет мне мужем».

Скликает красавица богатырей
 (Еще никогда не спасавших царей)
 И плачет, и плачет, и плачет...
 (Кто знает, что всё это значит?)

Три витязя входят: — Ты слезы не лей!
 Вот я самый сильный. — А я всех смелей.
 Нам Змея настигнуть охота.
 А третий — для ровного счета.

3

Каждый садится из них на коня.
 Продуктов и сена берет на три дня.
 Но чем он решительней скачет,
 Тем она оглушительней плачет.

И третий на чудище первым напал.
 Змей очень подул, и воитель упал,
 И, вихрем влекомый, катился,
 И так во дворец возвратился.

Вторым доезжает до Змея второй.
 С одной булавой налетает герой.
 Но Змей его лапою двинул
 И наземь, с конем, опрокинул.

Теперь наконец поспеваает силач...
 Здесь длится сражение, а в тереме плач.
 Но Змей силача побеждает
 И... впрочем, освобождает.

4

Но тут налетает четвертый боец.
И Змей, понимая, что это конец,
Сейчас же без лишнего слова
Царя отпускает живого.

Четвертый исчез. А воителя два,
Царя подхвативши, везут, как дрова.
Ведь их ожидает девица —
Но кто на ней должен жениться?

Товарищ читатель! Реши это сам.
Четвертого лишь предоставь небесам.
Забудь о четвертом — ведь это
Царевна, что переодета.

Что делать со сказкой? Скажите, друзья.
Ведь так ее бросить, конечно, нельзя?
Тем более что для порядка
Должна быть у сказки разгадка...

5

Царевна, по горнице взад и вперед
Расхаживая, говорит: — Идиот!
Другого такого и нету! —
Отшвыривая сигарету.

А... Змей, что смущенно пред нею сидит:
— При чем же тут я, дорогая? — твердит. —
Виновен ли я, что замечен
Для всяких легенд и для сплетен?

— Зачем ты, кретин, им попался в саду?
Отцу беспокойство, людям на беду...

Ну хватит, расхлебывай сам уж.
Да, кстати, пора мне и замуж. —

(Обнимает свой живот.)

Пока те с царем добрались ко дворцу,
Царевна отправилась с третьим к венцу.
Змей стал, говорили, потише
И нянчил у них ребятишек.

<1975>

ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС

* * *

А часов приблизительно в семь
Некрасивых не стало совсем,
И какой-то неназванный праздник
Расцвел, торопился расцвести,
Чтобы в Залах Проезда как весть
Шла волна ожиданий прекрасных,
Несказанных, пусть даже напрасных,
Лучших, что в этом городе есть.

<Середина 1970-х>

АСКЕТ В ГОРОДЕ

Аскет, понятно, небогат.
Его совсем не знает слава.
Зато он получает право
Ступать — не влево и не вправо,
Не в прошлогодний листопад,
Не на стерню, жнивье и травы —
На десять сантиметров над.

На десять сантиметров над
Трухой, окурками, бумагой,
Пустой продавленной флягой
И тубиками от помад —
Он входит в город.
В этот день
Из отдаленных деревень
Бегут за колбасой крестьяне,
В своих беретах набекрень
Гуляют медленные няни,
Идут десантники из бани
В своих беретах набекрень.

Аскет проходит среди них,
Уставя скромно очи долу.
Дитя прогуливает школу.
Невесту долго ждет жених.
И разжигает общий голод
Продажа джинсов или книг.

Аскет застенчив. До сих пор
Приучен к жизни сокровенной.
Но силой необыкновенной
Удерживает долу взор...

Что если бросить взгляд мгновенный —
А сильный всё-таки фурор?

Нет, в самом деле. Даже те,
Кто создан в камне и металле,
Кому жара и снег — детали,
И те подвластны суете.

Взгляните, как самолюбиво
На самых главных площадях
Сидят и выглядят красиво
Князя на толстых лошадях!
Как сабли вскинуты руками!
Как им к лицу дворец и штаб!

Аскет душой почти что камень,
Но пред тщеславьем камень слаб.
Итак, пройдя квартала три,
Кварталов пять, кварталов девять,
Аскет сдается — что поделать?
И разрешает: посмотри!

Но что ж он видит?.. Впрочем, сами
Уже вы знаете. Вокруг
Трясет матрона телесами,
К пивнушке друга тянет друг,
Прогуливают школу дети,
Жених напрасно деву ждет,
И участковый в драндулете
Сквозь вечер пьяного везет.
Магнитофон рыдает в роще,
Аргон скользит, как акробат.

...Встает купец, идет разносчик.
...Ревет фагот, гудит набат.

Весь этот город — как посуда
В руках у синих стюардесс.
Он весь — одно сплошное чудо.
И персональных нет чудес.

<1980>

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ

Булату Окуджаве

Мы были заняты в одном спектакле.
Встречались здесь. Болтали дотемна.
...А всё-таки, вы знаете, она —
Ещё и площадь Пуцина, не так ли?..

<Середина 1970-х>

ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ

Весна сидит на верхней палубе
За третьим столиком, одна,
А волны падают
До дна.

И к ней, как бы играя тростью,
Своею робостью поддет,
Покачиваясь, как над пропастью,
Подходит ваш корреспондент.

Вокруг стучат и тросы вьют,
Оркестра странствие настраивая.
— Вы уезжаете в Австралию?
Мне не дадите интервью?

Жара, не правда ли? Столица
Всё больше газировки пьет..
Вы не хотите поделиться
Последним впечатленьем от?..

Ну как нашли Вы наши озими?
А старый парк? А новый сад?
Что думаете Вы — об осени?
Когда Вас можно ждать назад?

...Без багажа, без провожающих,
Сидит посередине дня
И сигарету мнет о краешек
Стола, и смотрит сквозь меня.

<1970-e>

* * *

Перетекает в слова,
Трогая крыши и листья,
Не отказавшийся литься
С неба туда, где трава,

Перебирает секунд
Лопающиеся бусы,
Бос или только обулся,
Тихо сходя по листку,

Не оставляя зато
Здания без выраженья,
Перекрывая движенье
Наших машин и зонтов,

Из отдаленных морей,
Вдоль прилегающих улиц,
Посередине июля,
Строчек и жизни моей

<1970-e>

СНЕГ

Я снег, я с неба, я иду!
Я третий час не прекращаюсь.
Я в сером воздухе качаюсь
И опускаюсь на лету.

Вы знали, что зима придет,
Она пошлет меня за вами,
На каждой улице найдет
И снегом с нежностью завалит?

Вы правы. Это я про вас
Провис на ветках, на карнизах.
Снежинки — это тоже вызов,
Воспоминание и вальс.

Когда под потемневшим югом
Вам ваши будни тяжелы,
Я падаю, я подаю вам
Большую руку тишины.

Как хорошо, что ветра нет!
Я опускаюсь, я волнуюсь.
Я ваша новость, ваша юность —
Смущенный, падающий свет.

<1950-e>

* * *

Когда уже поздно,
Нет улиц, только дома.
Разбросаны звезды:
Созвездья сходят с ума.

Не сад, а деревья.
У них не кроны, а муть —
Мы спим, а доверье
Спящих легко обмануть.

Что, глупости? Утром
Проснемся? Город и дом
В спокойствии мудром,
В стройном порядке найдем?

Ну, значит, до солнца,
Как там — зари золотой,
На чьей-то бессоннице
Держится мир обжитой.

19 апреля 1975

* * *

Соединенье гроз, тепла,
Экзаменов, сирени, лета,
К лучам привыкшего стекла,
Врывающихся в окна веток,

Прогулок медленных вдвоем,
Балов, расплеснутых из залов,
И проводов со всех вокзалов —
Давай июнем назовем.

<1974>

* * *

Бьют в небо яблоки. Сижу
Растерянный, совсем не нужный,
До каждой клеточки не южный,
Бьют в небо яблоки. Слежу
Антоновскую канонаду,
Скрипя ветвями, как канатом,
Бьют в небо яблоки. Дрожу:
Апорт как «пли», ранет mortarой
Рванет, а после ремонтируй.
Бьют в небо яблоки. Грожу
Ста облакам: Попались? То-то!
Испуганы. Осели. Тонут.
Бьют в небо яблоки. Схожу
С ума. Вот север, стыннут кости.
Да что с тобою, спросят гости,
Бьют в небо яблоки, скажу.

<1960-e>

* * *

Андрею Чернову

В Марьине тоже расцветают вишни.
Бабочка села на мою собачку.
Как это случилось, что я тут лишний?
Как это вышло, что вот я сейчас заплачу?

Не в Палестине. Не в Риме. И не в Египте —
В Марьине мне помирать придется,
Тоже неплохо. В Небесном лифте
Место и для меня найдется.

Я стою на балконе. Одет не слишком.
Не снедаемый горечью и тоскою.
А вокруг пруда бегут и бегут мальчишки.
А я им машу и машу рукою.

<Лето 1989>

* * *

Как странно, что из тишины,
Из палочек на нотном стане,
Из каменной глухой стены
Однажды музыка восстанет.

А ветер мёл, цветы цвели,
Но надо же, скажи на милость,
Пока сюда мы не пришли —
Мелодия не появилась.

И всё другое: день, и лес,
И ночь, и здания, и реки...
Останься, музыка, навеки
Отметиной «Мы были здесь».

<Середина 1970-х>

ВЕСНА

Цвета снега, цвета сна,
Цвета слабого здоровья
Накреняется дорога,
Начинается весна...

Хоть на старенькой «Победе»
Спит еще лохматый снег
Цвета белого медведя,
Дело всё-таки к весне...

От потока из-под дома
Ног не в силах оторвать,
Хочет предгорисполкома
Всё переименовать...

И, неясная, не в счет,
Где-то вертится надежда
Цвета «может быть, конечно,
Вроде, как-нибудь, еще...»

<1970-е>

ЛЕТНИЕ ДНИ

Когда огромные шары
Хрустального, живого света
В квартиры или во дворы
С пригорка вкатывает лето,

Не приспособить к ним никак
Всё рукодельное отрепье,
Да и не удержать в руках
Бесцельное великолепье.

Зачем я получаю в дар
Блещающий бескрайний шар,
Когда ему, прости, столица,
На сонмы невозвратных брызг
Сегодня ж расколется вдрызг,
Когда ему не сохраниться?

Чего ищу по сторонам,
Завидя их на их дороге?
Не для блаженства, для тревоги
Их лето скатывает к нам.

20 августа <1987>

ЛИМИТА

Где нынче ни проснемся, мы в пути.
Как обручи, набиты окоемы.
Почти поэтами, актрисами почти
Построены в Москве микрорайоны.

Им выдали какие-то рубли —
Поесть, поспать и заложить за ворот.
А если бы услышать их смогли,
Глядишь, иной построили бы город.

Когда ты, Время, от меня берешь
Не только то, чем я тут схож со всеми,
Но прежде то, чем я ни с кем не схож,
Тогда ты и выигрываешь, Время.

5 декабря <1987>

* * *

В этой комнате свет и тепло.
Телевизор, включенный на годы.
Тут и время мое протекло.
Что мне, вроде бы, до непогоды?

Я ведь комнатного бытия,
Мои выдумки тут, мои были.
И об умерших думаю я,
Что мы их под дождем позабыли.

5 августа 1984

ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС

Развернется трамвай или, можно считать,
Всё вокруг развернет.
И отпрянет от стекол примет нищета —
Этот снег, этот лед,

Промелькнут апельсины в усталой руке,
А на том вираже
Тонкий девочкин шарф на наклонном катке,
Улетевший уже.

Вся картинка, что названа этой зимой,
Так ясна, так резка —
И присевший щенок, и мгновенной семьей
Пять мужчин у ларька.

Снег висит между темных дневных фонарей,
И гляжу, не пойму —
Надо что-то о жизни запомнить скорей —
Почему, почему?..

Около 15 декабря 1975

* * *

Кропоткинский маршрут
Сменился на кругу,
И в полдень голубой
Запуталась решетка.
Я переулков тут
Запомнить не могу,
Но вижу нас с тобой
Обрывисто и четко.

Ты погляди, асфальт
По щиколотку нам,
Неточно вставший дом
Колелем и качаем...
Такая ясность вдаль
Под силу только снам,
А мы еще идем,
Но это замечаем.

Едва осела взвесь
Забот, обид и бед,
К метро поток годов
Уходит, успокоясь.
И Дом ученых весь
Афишами одет,
И выйти в свет готов
«Московский комсомолец».

Не правда ли, потом,
Лет через двадцать пять,
Когда догонят нас
Внимание и разум,
Прозрачный этот час
Должны мы вспоминать?

А мы еще идем
И вспоминаем сразу.

Прошедшее, дурак,
Я сам искал потом,
Когда его на слом
Сносило в одночасье.
А мы с тобой идем
И помним, что идем...
А знаешь, видно, так
И замечают счастье.

<1988>

* * *

Значит, шляпу, перчатки,
Постоять у дверей —
И, пожалуй, прощаться
Поскорей, поскорей.

Все истории мимо,
Как старинный роман.
Было всё очень мило,
И пора по домам.

Чтоб сказали: покойный
Ходил по гостям,
Элегантный, спокойный,
Как святой Себастьян.

<Середина 1970-х>

* * *

Почти нигде меня и не осталось —
Там кончился, там выбыл, там забыт, —
Весь город одолел мою усталость,
И только эта комната болит.

Диван и стол еще устали очень,
Двум полкам с книжками неважно.
Спокойной ночи всем, спокойной ночи.
Где этот шнур? Включаем темноту.

<1975 или 1976>

СОЛОВЕЙ И РОЗА

СОЛОВЕЙ И РОЗА

Роза
Закуривает папиросу
И отвечает соловью:
— Я песню слышала твою.

Но здесь живет один приезжий.
Он ходит медленно, и реже
Всё бьется сердце у него.
Но и сейчас он ничего.

Хоть чуть обрюзг — напрасно пьет.
И завтра он меня сорвет.

В его петлице быть весь вечер.
И музыка... Спасть мне нечем. —

И соловей рванул во мрак
Насвистывать примерно так:

«Будь выше личных ощущений.
Пройдя немало воплощений,
Теперь ты птица. Жизнь проста.
Опять не спится ни черта...»

12 апреля 1975

* * *

Для того с такою яростью
Терзала и рвала,
Вот только-только перед старостью
Едва опомниться дала.

Чтоб никому не позавидовал,
Кого ни назови —
Чумы не знал,
Войны не видывал,
Зато попробовал любви.

<1975>

* * *

Потом оказалось, что звёзд как бы и нет,
Что мы напрасно глядим на бедный их свет,
Что там нас не ждет никто, как часто и здесь,
Что мы только есть на свете, если мы есть.
Что совсем впустую вселенная велика,
Если так коротка любовь, если так хрупка.

<1979>

* * *

Уж чего-чего от них не видел,
Многое успел и позабыть.
И боялся их, и ненавидел,
Если силы не было любить.

Сколько раз куда-то брел, качался,
Сомневаясь в том, что уцелел.
Восхищался ими, возмущался.
Был бы старше, больше бы жалел.

Насморки, интриги ли, утраты —
Что ни думай, что ни говори —
В сущности, они почти солдаты:
Надо быть красивой, хоть умри.

Им еще, я думаю, зачтется,
Что всегда мы требовали с них:
Маленькое мужество причесок.
Маникюра. Зеркалец. Ресниц.

<1974>

* * *

...Так открыться и так состояться,
Быть с миллионами наедине
И в истории не затеряться,
Как на этой огромной стене.

Под одними живем небесами,
Из одной вырастаем Земли...
Что мы видим такого, что сами
Вроде знали — сказать не могли?

Удалился твой мастер смущенный,
Ничего не добавят слова.
Что стыдливей и незащищенной
Твоего среди нас торжества?

Никуда нам от взгляда не деться,
Хоть уйдешь, хоть поднимешь ладонь.
Эти взрослые лики младенцев,
Эти детские лики мадонн.

<1974 или 1975>

* * *

Тане

Утром вернулся издалека.
Что же, садись, открывай
«Учебник русалочьего языка»
И «Ведьминско-русский словарь».

А волна прибегает легко-легко,
И сквозь голубые леса —
Твое выплывающее лицо,
Струящиеся глаза.

И всё поднимается эта вода...
Да сгинь же ты! Отпусти!
Всё-таки: «милый», «твоя», «навсегда» —
Как это перевести?

<1979>

* * *

В четырнадцать лет
значит в сорок восьмом
на даче для нас
в деревне для них
я сидел на коленях Тоньки
с которых
только что встал
большой
ушедший наверное выпить
парень
Тонька
была терпелива
и долго
держала меня
молча сидела
пока не сказала
ну ладно пошли
уже поздно
о том
что можно ее целовать
я не знал

<1970-е>

* * *

До голубой звезды сгустится синева,
Как я сейчас пишу в своей тетрадке,
И женщина произнесет слова
Вот эти самые и вот в таком порядке.

Она войдет и встанет среди вас,
Ни перед кем ни в чем не виновата.
Я буду далеко в тот поздний час,
В таких краях, откуда нет возврата.

И будет дальше пир.
А чуть позднее
Утихнут песни и устанут споры,
Один из вас остаться должен с ней,
Кто тайно и недавно стал ей дорог.

Пока и день, и все его труды
Отхлынули и помнятся так смутно,
Сгустилась ночь до голубой звезды,
И за Уралом затерялось утро.

<1977>

* * *

Тане

На перекрестке трех времен,
Пустом и светлом перекрестке,
Шептались девочки-подростки,
Что я в последний раз влюблен.

Пришли все прошлые дожди,
И ни один не потерялся,
И больше день не притворялся,
Что повторится впереди.

И тишины взошел сигнал
Печально так и бестревожно.
Я раньше дни куда-то гнал.
Куда? И вспомнить невозможно.

19 марта 1980

КЪЕРКЕГОР И БОГ

Къеркегор говорит: — Бога нет!
 Это очень обидело Бога.
 — Ну пошло, надоело, привет!
 Это как это так — меня нет?
 Докажи! Но, пожалуйста, строго. —

Къеркегор говорит: — Посмотрю,
 Для начала задачку подкину.
 Ты верни-ка мне Ольсен Регину,
 Молодую невесту мою. —

А вокруг все народы стоят,
 Возле Господа и Къеркегора,
 И следят за течением спора,
 Затаивши дыханье следят.

Напрягает все силы Господь,
 Тьму проблем на ходу разрешает
 И без времени падшую плоть
 Поднимает со дна, воскрешает.

Рукоплещут насельники кущ,
 Нет у свиты небесной вопросов:
 — Видишь, наш господин всемогущ!
 Значит, Бог он, ты видишь, философ? —

Смотрят люди с деревьев и с гор,
 С перекрестка и с крыши вокзала...
 — Но еще, — говорит Къеркегор, —
 Нам Регина свое не сказала. —

Тут Регина, восстав среди дня,
 Потянулась, в томленье ли, в неге ль:

— Если вы воскресили меня,
Где же муж мой, где добрый мой
Шлегель?

— Так-так-так, ты меня обманул, —
Кьеркегор констатирует сухо. —
Ты не Бог. Это всё показуха.
Воскресив, ты ее не вернул! —

Бог опять поднапрягся в тиши.
Он на лбу собирает морщины
И у женщины той из души
Изымает он облик мужчины.

— Где была я, мой друг, до сих пор?
Как жила без тебя — неизвестно.
Кьеркегор, это ты, Кьеркегор? —
Говорит Кьеркегору невеста.

И притихли народы вокруг.
Человечество пот отирает.
Овладел им ужасный испуг:
Неужели мудрец проиграет?

Кьеркегор говорит: — Болтовня.
Это снова не хлеб, а мякина.
Если любит Регина меня,
То какая же это Регина? —

И вздохнули народы. В свой срок
Их война или труд призывает.
И печально задумался Бог:
«Да, пожалуй, меня не бывает».

<1975>

ВЕЧЕР В ГОСТЯХ

Рассказывала Майка. Я не мог
 Следить за всем, своей заботой занят:
 — Не может царь обидеть так, как Бог,
 Точнее взгляда плеть пока не ранит. —

И продолжала Майка:
 — Пустота
 Страшней, чем боль. К нам в камеру однажды
 Прислали дочку маршала — и та
 Дружить со мной не испытала жажды... —

Не может Бог обидеть так, как друг!
 Я вспоминал: для усиления чуда
 Был некогда введен в заветный круг —
 Друг, ученик доверенный, — Иуда.

А Майка говорила, что и там,
 Где ты остался за закрытой дверью,
 Тебя таскает по глухим местам
 Тоскливое и злое недоверье.

Не может друг обидеть так, как брат!
 У Авеля был брат, и не напрасно
 Открылся ими долгий этот ряд
 Не столь виновных даже, сколь несчастных.

...Росли на подоконнике цветы.
 В будильнике стучало равномерно.
 Не может брат обидеть так, как ты,
 Сейчас в кино сидящая, наверно.

Я огляделся. Славная семья.
 Мы ждали Толю, Майкиного мужа.

Спешить мне было некуда, и я
Уже остался, видимо, на ужин.

— Конвойные не могут ничего, —
Произнесла, подвинув чай, хозяйка.
И я спросил: — А что страшней всего?
— Несчастливая любовь, — сказала Майка.

<1970-e>

ПЯТЬ СТРОФ О ПОСЛЕДНЕМ ИМЕНИ

1

Осталось одно только имя — Измена.
Та, что начиналась легко и несмело,
Та, что продолжалась и знала: заплатят
Зеленой изнанкой бордового платья.
В яйце облученном созрела и вот,
Оглядываясь, за домами встает.

2

Когда-то, возможно, звалась она Дружкой.
Но мы ее сделали слабой, ненужной.
Едим на ходу и в метро досыпаем.
Кому до друзей, когда не до себя им?
А ей оставляем в неделю часок,
Бутылку, две рюмки наискосок.

3

И тянут эспандер дружья спозаранку,
У синих зеркал примеряют осанку,
Чтоб днем разыскать донну Анну, испанку,
И вывернуть тело ее наизнанку,
Чтоб сто командоров, сто статуй из мела,
Беззвучно шептали: «Измена, измена».

4

Когда-то она называлась Любовью.
Но мы запрягли ее в упряжь воловью.
Поклажу семей, приработок и бед
Легко ль этой нежной тащить на себе?
Вы просите ваших богинь: «Не покинь!» —
Чтоб в ту же упряжку засунуть богинь.

5

Суббота. Нас одолевает зевота.
Семья нам пресна и постыла работа.
Чтоб кровь напряглась в нашей гнущейся жиле,
Чтоб всё-таки не позабыть, что мы жили,
Мы в лавочку входим, и просьба тиха:
— Грамм триста измены, грамм двести греха.

<Середина 1970-х, до второй половины 1979>

ВАЛЬСОК

И когда я увидел, что всё хорошо
Без меня, то легко допустимые скрипки
Заскрипели, вильнули, как мертвые рыбки,
Народился вальсок и пошел, и пошел.

А ведь думалось: дом на движение туг,
И не музыкой трубы, а ветром продуты,
Но подходит Кино к магазину «Продукты»
И уже приглашает с поклоном на тур.

По свидетельству третьей, текущей строфы
Началось натяжение кружащихся улиц,
К дальним стенам домов отъезжают шкафы
И в наружную сторону лампы качнулись.

Эпицентр отмечается за гаражом,
Где пустырь, темнота и, пожалуй, простуда.
Та, кому хорошо, и тот, с кем хорошо,
Пролетают кварталов за восемь отсюда.

<1970-е>

* * *

Всё дальше отходим, всё дальше отходим назад.
Ты видел миллионы девиц на ножках точеных —
И вдруг ты увидел парней, что стоят и глядят,
Парней, что стоят и глядят на этих девчонок.

И сразу решил ты, что старше стал и умней,
«Всё дальше отходим назад», — произнес, не помешкав...
Когда ж ты заметишь мужчин, что глядят на парней
С такой же всезнающей, как и твоя, усмешкой,

Когда — у машины, у дерева ли, у стены —
С собою самим ты останешься заполночь рядом,
Чтоб знать, что и ты, Наблюдающий-Со-Стороны,
Под тем же, под тем же, под легким и пристальным взглядом.

<1975>

* * *

Очень было бы неплохо, если б вдруг
Не осталось никаких мужчин на свете,
Скажем, вышли бы они на летний луг,
И куда-нибудь унёс их легкий ветер.

Вот тогда бы уже точно одному
Мне на целом белом свете ты б досталась.
Удивишься ты нахальству моему,
Но ведь я так говорю лишь потому,
Что давно на свете женщин не осталось.

<1970-e>

ТРЕТИЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Кто слышал об одностороннем браке,
Кто думать мог, но эти дураки, —
Скажите «бредни», заявите «враки», —
С ума сошли, и всё-таки во мраке

Страстей своих запутавшись, в дали
Своей пропав, куда-то тычась слепо,
Такой вот самый дикий и нелепый —
Ввели, вы представляете, ввели!

Передохну. И значит, с этажей
Еще до всяких будней предстоящих
Принцесса шла взглянуть в почтовый ящик:
— Ну, сколько новых у меня мужей? —

И лик ничем особым не пылал,
Когда подсчитывала прибавленьё.
(Закон был строг, и все уведомя
Тому, с кем в брак вступали, присылал.)

Насвистывая и улов дневной
Подчеркивая на листочке белом,
Подумывала дева между делом:
— Не стать и мне ли чьей-нибудь женой?

И цель видна, и достигим успех,
Никто не истомлен напрасной жаждой,
И лучшая жена теперь у всех,
И муж любимый тоже есть у каждой...

А посмотри, как формула кратка:
Ты днем и ночью бедный мозг мой точишь,
Ты недоступна так и далека,
Так вот я муж тебе, а там как хочешь.

6 января 1979

* * *

Когда распространилось воровство,
Не уважали тех, кто был обманут.
Бывало, за глаза, смеясь, помянут,
Ленивое справляя торжество.

Не смея носа высунуть во двор,
Бедняк сидел, к позорищу готовый,
Покуда под окном его с обновой
Удачливый прохаживался вор.

На первого, кто б заикнулся тут,
Мол, стыдно вам, и бросить не пора ли? —
Кричат: «Да уж тебя ль не обокрали?»
Глядишь, и тыкать пальцами начнут.

И жили. От зари и до зари
Таская лихо, что лежало плохо.
Смешная и забытая эпоха,
Хоть тресни, не кончалась. Хоть умри.

Но мы-то разговор ведем о том,
Кто с топором — веселое орудье! —
И с воплем «да гори огнем, воруйте!»
И мебель развалил, и сжег свой дом.

<1974 или 1975>

ЗАКЛИНАНИЕ

Не стань бедой,
Не стань бедой,
Не стань отравленной водой,
Трамвайным поручнем гнилым,
И поездом, который — дым,
Машиною из-за угла,
Занудою из-за стола,
Ночною комнатой пустой,
Чужою, гаснущей, звездой,
Не стань бедой,

Я заклинал тебя сто лет.
Но ты была права:
Ведь ничего на свете нет
Слабее, чем слова.

...Сильнее, чем слова.

<1960-е>

* * *

Этот слабый твой крик: «Подожди!»,
Начинающийся с неудачи,
Продолжается дальше и дальше,
Раздвигая леса и дожди.

Изменяя себя, как предмет,
Сбитый начерно и недостойно,
Он уляжется скупю и стройно,
Избавляясь от лишних примет.

Чем надежней он вооружен,
Тем ты больше пред ним безоружен,
И что ты ему вовсе не нужен,
С нетерпеньем почувствует он.

Если та, кого звал он, в жильё
Твое старое даже вернется,
Он не вздрогнет и не оборвется,
Знать не зная тебя, ни ее.

<1975>

ОПАСНАЯ БАЛЛАДА

Н. Т.

Пожалуй, Анной следует назвать...
Встречает он ее в публичном доме.
Там шум, ну драка, падает кровать,
И если клочья дыма разорвать —
Ее лицо, от гнева молодое.

Она одна. Испугана. «Сейчас
Он у хозяйки. Чёрт, такая жалость.
Теперь прогонят. А на этот раз
Так вроде бы устроилась, казалось...»

Она не знает, что в скрипучей тьме
На шаткой лестничке столь осторожно
Он складывает в старческом уме
Немыслимое с тем, что непреложно.

Он стар. Высок. Худ. Сед. Молчит всегда.
Чудовищно богат. Невыносимо.
Он назовет себя — и города
Дрожат от Филадельфии до Рима.
Что там Онассис, прах его возьми...

Но — жалкая затравленная самка —
Она назавтра, так часам к восьми,
Уже хозяйка острова и замка.
Конечно, путешествия. Везде
Он где-то рядом. Различим, но смутно.
Звезда в океанической воде
Дрожит и усмехается чему-то.

Теперь уже минут терять нельзя.
Со временем у ней довольно туго.
На палубе — подруги и друзья.
Вот этот, скажем, друг. А та — подруга.

Да надо с доктором поговорить,
Нельзя ль продлить его рецепт последний,
И стоит ли им разрешить курить
Кормилице четырнадцатилетней.

Что приглянулось ей в любой стране,
Стекается легко и точно к сроку...

Ну хорошо. Пусть женщинам. Но мне
Зачем такие сны и что в них проку?

Ведь невысокой пробы это все,
Сентиментально, слабо. И, однако,
Свидетельствую, что похожий сон
По временам бывал у Пастернака.

Плывет трамвай из чистопрудной тьмы,
Под фонарем по луже бродит птица.

Есть в красоте такая боль, что мы
Во сне и то не в силах расплатиться.

<Середина 1970-х>

ПЕСЕНКА О ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ

Наина Всеволодовна, как же это вы так?
Наина Всеволодовна, как же это вы так?

Ах, как же это вы так, Наина Всеволодовна,
Ведь это так наивно, непоследовательно —
Сначала возмущаться, потом протестовать,
Чтоб вот теперь с букетиком на площади стоять...

Наина Всеволодовна, как же это вы так?

Еще снега противятся, уже журчит вода,
Не дай бог, сослуживицы узнают, что тогда?
Скривится взрослый сын, пожмет плечами умный муж...
Ах, как же это вы так, и получилось почему ж?

Наина Всеволодовна, как же это вы так?

Девчонки с сигаретами стоят возле метро.
У них торчат уверенно коленки из пальто.
Девчонки знают истину, и всю наверняка.
А робость к нам приходит только после сорока.

Наина Всеволодовна, как же это вы так?

<1973?>

ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ

1

Живут это люди.
Где-то на горе.
Будто на верблюде,
На самом горбе.
Небо седое
На плечах несут.
Даже коз не доят —
Так сосут.
Доживают люди
Жизнь до дна.
Парня не любит
Девка одна.

2

Теперь это приходит к ним
Дед, борода.
— Мне, — говорит, — охота
Ставить города.
Вот здесь, — говорит, —
Где глетчер —
Сто домов,
Двести пятьдесят крылечек,
Пятьсот дымов. —
А тем-то что: ладно,
Валяй, строй.

— Самим, — говорят, — не сладко —
Первобытный строй. —

Повесили фонарики,
Взяли топорик —
Заводы,
Фабрики,
Всё такое,
Ресторан,
Пекарню,
Университет.
А девка парню:
— Нет и нет.

3

Ну, — он, — хорошо.
А слезы-то льются.
В подпольщики пошел.
За революцию.

Каторга.
Ссылка.
Стал он арестант.
Темная посылка,
Бордовый бант.

Наконец получше нам
Стало вчера.
Посылка получена,
А в ней — ура!
И белые!
И негры!
Свобода,
Душа!

А она:
— Нет, — говорит.
И ша.

4

Конечно, он нервный.
Рвет пальто.
— Товарищи, — говорит, —
Наверно,
Что-то не то.
У этой, — говорит, — Дашки
Изо всех девчат
Соски, как карандашики,
В материю торчат.
Тапок на бегу
Сденет, наденет —
И я, — говорит, — о деле
Думать не могу.
Мне теперь хоть с крыши,
А не только, что...
— Ладно, — говорят, — слышали,
Надень пальто.

5

Ну тут они его уговаривают
браться за строительство, строить
новую жизнь:
— Станем лучше жить —
Дойдет и до тебя.
— Да-ть у нее мужик!
И двое ребят!
— Брось ты, дура,
Кончай эту муть.

Там уж придумаем
Чего-нибудь.
Это, брат, будет
Не жизнь, а мед:
И девка полюбит,
И баба поймет..

6

Вот и все вам факты.
И весь сказ.
У нас вот так-то.
А как у вас?

<«Синтаксис», 1959, № 1>

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Эта женщина очень длинна,
Вот ее каблучки в Ленинграде,
Вот с надменностью легкой во взгляде
Улыбается в Сочи она.

И стеречь ее много сложнее,
И невинней она, чем иная:
Где-то что-то случается с ней,
А она, может быть, и не знает.

И другое, не то, что гнетет,
Но пугает, — вы знаете женщин:
Говорят, ее дочка растет,
А планета всё меньше и меньше.

<Середина 1970-х>

* * *

Тане

В давнем учебном году
Я свое счастье найду,
Но, к сожаленью,
Страхом и ленью
Сам от себя отведу.

Ляжет крестовая масть.
Ляжет бубновая масть —
Десятилетия
Мог не успеть я,
С жизнью своей не совпасть.

Треснул обуженный фрак.
Свистнул простуженный рак.
Что ж это значит:
Что не иначе
Жизнь получилась, а так?

Кто разложил по томам
Этот старинный роман —
Долгий, мгновенный
Обыкновенный обман?

Ну а теперь ты готов
К ходу дальнейших годов —
Зимних и летних,
В песнях и сплетнях,
Этих последних годов?

<1981>

* * *

Назначить свиданье от дома вдали
И ждать, волноваться.
Зачем же, когда мы, казалось, могли
И не расставаться?

Но людям положена встреча одна,
Всей жизни основа.
А мы, как забыли, что муж и жена,
Мы встретились снова.

16 июня 1983

* * *

Тане

Любимая, молю влюбленный:
Переходите на зеленый,
На красный стойте в стороне;
Скафандр наденьте на Луне,
А в сорок первом, Бога ради,
Не оставайтесь в Ленинграде...
Вот всё, что в мире нужно мне.

1 марта 1980

**ПЕРЕМЕЩЕНИЯ
ПО ГОРИЗОНТАЛИ**

* * *

...Кроме того, постоянно со мной
Неотчуждаемый, необходимый
Праздный квадратик, билет проездной
С замкнутым самоназванием «единый».

Знак зодиака пути моего,
Разных поездок в недалгие дали.
Вместо чего-то, не вспомню чего, —
Перемещенье по горизонтали.

<1970-е, до второй половины 1979>

* * *

В исключительном количестве различных
Помещений, учреждений, городов
Не присутствую общественно и лично
И в дальнейшем не присутствовать готов.

Далеко такие есть места и ближе,
Их фактически несчетное число.
То, что я их не видал и не увижу,
Почему-то мне не очень тяжело.

Но зато меня нередко беспокоит
И бояться всё никак не надоест,
Что наступит положение такое,
И не буду я еще в одном из мест.

<1970-e>

КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА

Третий час на улице
Дождь идет и темень.
Третий час, любимая,
Бродим мы напрасно —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.

Табуретки, ящики,
Сундуки и стены,
Темнота угластая,
Горькая отрава —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.

Кружится земля моя,
Медленное тело,
Кружится галактика,
Звездная оправа —
И коммунальная квартира,
Коридорная система,
Четвертая комната направо.

<1960-e>

ХЛЕБ, СЫР, МЯСО И ВИНО

Наутро он явился, постучал,
Принес нам хлеб, сыр, мясо и вино.
Исчез. И только через два часа
Я догадался и сказал: — Послушай,
Когда нам было некуда вчера
И под дождем ты выругалась:
«Ладно, в конце концов...»,
И мы к нему пошли,
И он вдруг к матери заторопился,
Вчера,
да и сегодня,
я не знал, что
Тебя он любит.

<1960-е или начало 1970-х>

* * *

Валентину Берестову

Так это море, значит?
Гляжу из-под руки.
Там маяки маячат,
Рыбачат рыбаки.

И отблеск дали нежной,
И краешек зари —
Не главное, конечно,
Кто что ни говори.

Ищи оттенки смело,
Найди их сотен семь —
Совсем не в этом дело.
Вы знаете — совсем.

Пусть волны скалы рушат —
И это всё не в счет.

...Но, значит, кроме суши, —
Спасите наши души! —
Есть кое-что еще.

10 мая 1975

ПЕСЕНКА С ДОРОГИ

Налево руль, направо старая дорога,
А ветер тих и воздух ровен, как в степи.
Не упрекай, ты будешь ждать не так уж много,
Не торопи, побудь одна и потерпи.

Сто лет назад я был погонщиком верблюда,
А через век забарахлит мой звездолет.
И я скажу: «Эх, задери его простуда», —
И крепче слов культурный мозг мой не найдет.

Моя любовь сносила тапочки и унты,
Изодрала седьмой по счету акваланг,
Но я вернусь, когда останутся секунды,
Но я приду, куда б судьба ни привела.

Ну а пока суди меня не слишком строго.
Не стань бедой в моей единственной судьбе.
Налево руль, направо старая дорога,
И эта песня, не долетевшая к тебе.

<1960-е или начало 1970-х>

ПОЕЗДКА НА ВОСТОК

Александр Гинзбургу

Так начинается поездка на Восток.
Столб телеграфный вдруг впирается в тебя,
И дом с окошками, и ржавый водосток,
И крест с вороной, и нелепая труба,

И камни, канны на бульварах, и кармин
Накрашенных красоток, и кирпич
Двух корпусов завода, и гармонь
В руках призывника, и ребра крыш.

И убыстряя, убыстряя свой поток,
Земля течет, свой путь в тебе продрав,
Чуть задевая краешками трав...
Так продолжается поездка на Восток.

И в перспективу ты втыкаешься, как в тир,
Накалом скорости оплавлены места,
Есть только полосы, мир полосат, как тигр,
Лишённый морды, шеи, лап, хвоста.

Но треснет заново литое полотно,
И возродится камень, тяжек, крив, жесток,
Всё встанет. Будет плотно и темно.
И так кончается поездка на Восток.

<1960-e>

* * *

Ездить — придурковатая страсть,
Что-то вроде того, как шататься
Целый вечер среди декораций
И уже на спектакль не попасть.

Самолеты тире поезда
Путешествуют в общем-то сами,
Мы просиживаем в них часами
И не двигаемся никуда.

Ходят люди вблизи и вдали.
Что и как у них там, неизвестно.
А смотреть на пейзажи нечестно:
Будто кожу сдираешь с земли.

Разве только одно — в тишине
Подглядеть, как ты сладишь воочью
В полвторого в гостинице ночью
Сам с собою наедине.

Октябрь (сентябрь?) 1974
Саратов

СТИХИ С ЦИТАТОЙ

Утверждал один бакинец
С рыжей пеной на усах,
Что Эдмонда не покинет
Дженни даже в небесах.

Посредине ресторана
Вставший пять минут назад,
Он, с тарелкою, старался
Что-то этим доказать.

Убежденно и неверно
Он лучился с высоты.
Это значило, наверно,
Что еще вернешься ты.

Щедрой пылкости восточной
Мимо падала струя.
Кто Эдмонд, не знал я точно,
Знал я только, что не я.

Потому я встал и вышел,
У швейцара взял пальто
И потом уже не слышал,
Что там пели, пили что.

Было десять, было немо,
Свет струился у подошв.
И на всю столицу с неба
Вместо снега падал дождь.

<1970-e>

ПАМИРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ

Мы ленивы и нелюбопытны...

Помню, я пошел в кино.
Представляете — неделя
В Душанбе, но в самом деле,
И не то чтоб надоели
Горы, чуть войдя в окно,
И не то чтоб люди те
Были так уж безразличны —
Встретили меня прилично
На свету и в темноте,
И стихов густой раствор
Тёк, конечно же, и снова
Без начала, с полуслова
Вечный русский разговор —
Тем не менее, вдали
Ждать не в силах от Земли
Тайн ее, почти чуждаясь,
И в себе-то не нуждаясь,
Будто так уж всё равно,
Будто мир — дыра сквозная,
Будто всё уже я знаю, —
Помню, я пошел в кино.

Октябрь (сентябрь?) 1974
Саратов

АЭРОФЛОТ

Аэрофлот,
Аэробред,
Авиалинии,
Будто стропы.
Аэро — да,
Аэро — нет,
Вот вам и аэро-
катастрофы.

Как мне разлука
Стала близка,
Как стюардессе
«Налейте чаю».
Горе прозрачней,
Чем облака.
Я его даже
Не замечаю.

Можно отказываться
И петь.
Можно Земли
В темноте обыскаться.
Можно, оказывается,
Взлететь —
И никогда
Не опускаться.

<1960-e>

* * *

...И в автобус, тюки схвативши,
Шумно вваливали, а на руках
Самодельных несли ребятишек
В теплых бабушкиных платках.

И пока, садясь, дребезжали
Ведрами, стиральной доской,
Верно думали: «Горожанин!..»
Нет, конечно же, — «Городской».

Знать не зная, что он, умелый —
Сдержан, выделен, недвижим —
Без надежды, остервенело,
Не взглянув, завидует им.

1 марта 1975

ГИМН МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ

Всё неотвязней, всё прелестней
Подземных странствий голоса.
Закрой глаза на Красной Пресне —
В Измайлове открой глаза.

Ты неподвижен, может стать ся,
А шум колес и плеск молвы —
Перестановка декораций
На выход твой среди Москвы.

Но сверху ль для твоей проверки
Всё расставляют по местам,
Иль ты, как чертик в табакерке,
То тут, то там, то тут, то там,

Какая б сладостная тайна
Ни заварилась здесь, грозя, —
На Соколе мигни случайно,
Открой в Сокольниках глаза.

Да, видно, выдумана ловко
Фантастика тридцатых лет,
Вся эта нуль-транспортировка,
Гиперпространства желтый свет.

И сам Господь, следящий с неба
За расстановкой лиц и пар,
Не уследит, где был, где не был,
С кем оказался, как попал.

А кстати, для чего мне эта
Попытка подвести итог?

Уж не прощанья ли примета,
Не настает ли некий срок?

Само метро на что похоже?
Сойди под город и, скользя,
Сейчас, пока еще ты можешь,
Закрой, чтобы открыть, глаза.

Мудрейший, со своей авоськой,
Безумный, со своей тоской,
Закрой на «Электрозаводской»,
Открой на «Автозаводской».

<1970-е, до второй половины 1979>

ФРЕСКА

Одна, по метрополитену,
С транзистором, вся на виду,
Как сквозь густеющую стену,
Я сквозь мелодию иду.

Чтобы не знать, как подо мной
Темно взлетают переходы
И поезда идут волной,
Мне здесь достаточно одной
Автоматической свободы.

Гляди — длиннó мое пальто,
Я угловата, как мужчина,
Но здесь, в толпе неразличимой,
Я существую, как никто.

И потому-то на ходу
Застрял дурак и подбирает
Слова о том, как я иду
И как транзистор мой играет.

<Вторая половина 1970-х>

* * *

За что серьезных дам
 Еще пускают в стих —
 Учительниц, врачей,
 Властительниц оваций?
 За то, что вот таких
 Мальчишки любят их,
 На том краю Москвы
 Они кому-то снятся.

За то, что до утра
 Они не в силах знать,
 Как, вздернув удила
 И подтянув подпруги,
 И через чью постель
 Им предстоит скакать
 Верхом на пожилом
 И заспанном супруге.

Решеток и оград
 Чугунны кружева,
 По край заполнен ров
 И неприступна кровля,
 Но в герцогине ведьма
 Всё еще жива.
 И снег еще летит.
 И век не остановлен.

<Середина 1970-х>

МЕТРОМОСТ

Из подземного туннеля
Вылетев, увидеть вдруг
Окончание метели,
Зданий рваный полукруг,
Нянек, что, гуляя просто,
Речку, снег, себя самих,
Красный шар в руке подростка
Так не могут видеть остро,
Как проезжий в краткий миг,
Так гадать, во тьму влетая,
Что же значила зима,
Санки, очередь витая,
Налетающая тьма.

<1970-e>

* * *

Отличная была квартира.
Над креслом редкая картина.
Супруг. Его эрдельтерьер.
И двигающаяся стройно
Его жена. И всё достойно —
Беседа, кофе, интерьер...

Но почему-то, почему-то
Я среди этого уюта
И часа высидеть не смог:
Меня оно и не касалось,
Но почему мне всё казалось,
Что в ванной спрятан осьминог?

<Середина 1970-х>

* * *

Непринужденно полуобернусь,
И сам в гостях, другим гостям навстречу
В том возрасте, в котором этот вечер
Застал меня внезапно, ну и пусть.
Кто юн, тем тоже крыть как будто нечем.

Друг друга пропуская в этот стих,
Стол, мебель, стены молча озирают
Меня... Они почти не презирают,
И я втройне не ненавижу их.

30 августа
Мне 54 года

* * *

Ах, можно обойтись и без любви.
Совсем не то влечет, что любо-дорого.
Вот я земные странствия свои
Вогнал в нутро единственного города.

В его толпе почти что сбитый с ног,
Исчезнувший почти в его сиянии,
Любил ли я его? Терпеть не мог.
Я просто подышал на расстоянии.

И ничего не стоили слова,
Они следа на ветре не оставили,
Но жизнь моя, пока была жива,
Так и кружила с этими вот стаями.

...И видя все нелепости твои,
При злобе всей, при всей несовместимости,
Я понимаю: мне не до любви.
Судьбы не выбирают. Эту б вынести.

<1979>

ДЬЯВОЛ ГОВОРИТ

Употреби доверие во зло.
Она сама надеется на это,
Чтоб с наступленьем бледного рассвета
Ей не казалось, что не повезло.

Брось вглядываться в тёмное стекло.
Она и так молчанием задета.
Ты срифмовал уже шесть строк сонета,
А время, между прочим, шло!

Помилуй бог! Когда вы шли сюда,
Вам рота храбрых встретилась курсантов.
Цвет армии, созвездие талантов,
Сто серафимов ратного труда.

Скажи, ну кто б из них в такой постели
Лежал и думал о военном деле?

<Рубеж 1960-х и 1970-х>

* * *

Когда бы мне с рожденья жизнь вернули
 Для самых важных, самых нужных дел,
 Я б в этой жизни не увидел улиц,
 Я б всю ее над делом просидел.

Не разрешая зря пропасть и мигу,
 Секунды не отдав для пустяков,
 Я б век писал серьезнейшую книгу —
 «Методику лирических стихов».

Я б взвесил весны. Рассчитал их части.
 Я б у острот измерил остроту.
 Я выяснил бы, что такое счастье,
 И сколько нужно счастья на строку.

Я об одном мечтал бы, покрывая
 Расчетами тетради без конца, —
 Чтоб вывезла поэзию «Кривая
 Воздействия метафор на сердца».

И если б я ответил в заключенье,
 Заканчивая надоевший бой,
 Как написать хоть строчку без мученья —
 Я умер бы, довольный сам собой...

...Но всё не так. Здесь нет начальных
 действий.
 Два человека. Стертый карандаш.
 А мир непринужден и так естествен,
 Что это всё равно не передашь.

Баллистика в пространстве повисает.
Генетика гадает на бобах.
И бродит математика босая,
С рассеянной улыбкой на губах...

А человек толкает двери. Входит.
Включает свет. Стоит, не сняв пальто.
...Ночь, полая звездами, выходит
На ровное небесное плато.

<1960-е или 1970-е>

ПРОГУЛКА

В расколдованной роще подъездов
На окраине бедного дня
Обнаружилось время и место,
Предназначенное для меня.

Все запасы мои обнищали,
Зверь со мною гулял Вавилон.
Я уж дал ему сто обещаний.
И сто первого требовал он.

Знал он: злобы моей не исторгнет.
Мы гляделись уже как семья.
Он не будет убит. Он издохнет.
Но, как видим, позднее, чем я.

Да ведь всё это просто по ходу
Отвлекают от цели дела:
Я-то вышел сказать про погоду..
Ах, какая погода была!

<Середина 1970-х>

ОКРУЖНАЯ

Час пустынный, час ночной.
А без сна валяться вредно.
Лучше слушайте со мной,
Как размалывают время
Поезда на Окружной.

Потому что там, где Вы —
Километров сорок с лишним,
На другом краю Москвы, —
Там, наверно, тоже слышно.

Понемногу успокоюсь,
Волю дам простым словам:
Ваш ко мне подходит поезд.
Мой сейчас подходит к Вам.

<1970-е, до второй половины 1979>

* * *

Белле Ахмадулиной

Ушел потрепанный скрипач,
Ушли скамейки на дорожках,
Ушел журавль на тонких ножках,
А ты останься, ты немножко
Побудь со мною и не плачь.

Я для тебя, как добрый слон,
Несущий в цирке всю программу,
Ты девочка, а я влюблен
В твою ненайденную маму.

Я думаю не о себе —
О тапках, платъице горошком,
Пока летит велосипед
По перепутанным дорожкам.

Ну что он может привезти,
Что не было бы нам известно?
О, пусть мы ждем его извечно,
О, растяни его пути!

Чтоб было нам не до того,
Чтоб комната не пустовала,
Чтоб телеграмм от докторов
В природе не существовало!

Ну посиди со мной, побудь,
Бояться, видишь, не годится,
Извилист велосипедиста
Еще не кончившийся путь.

<1970-e>

* * *

В удивленном городке
 Ходят тучи налегке.
 Постоят чуть-чуть над домом,
 А потом идут к реке.
 Я пишу письмо к знакомым
 В удивленном городке.

Поезд шел, пишу, неплохо,
 В темноте, пишу, трубя.
 Проводница ночью Блока
 Повторяла про себя.

Люди спали, люди мчались,
 Павши набок, навзничь, ниц,
 И на столиках качалась
 Скорлупа крутых яиц.

Плыли станции, как стансы,
 Спали шпалы на песке...
 Рано-рано я остался
 В удивленном городке,

Отовсюду вдалеке,
 На химической реке,
 Где сейчас сажу на почте
 В шубе, в унтах, в башлыке.

Я пишу не очень четко.
 За стеклом кассирша спит.
 Чемодан как собачонка
 У моей ноги стоит.

<Середина 1970-х>

* * *

Павлу Гутионтову

На вершине горы не хватает коня.
На коне не хватает джигита.
У джигита — аркана. Простите меня,
Если всё это слишком избито.

Нет надежды на горы. Стояли, и нет.
Море схлынет, куда — неизвестно.
Вот вернешься сюда через тысячу лет —
Как узнать это старое место?

Не застанешь нигде ни воды, ни звезды,
Ни прохожих, ни с пивом палатки.
Как же вспомнить заботы свои и труды?
Разве только по этой нехватке.

Чтоб кольнуло — ужель доводилось бывать?
Что-то было не так, не ошибся...
И не стоит гранитом ее забивать
Иль другой разновидностью гипса.

<1974>

* * *

Воскресник в детском саду.
Идут смущенные папы,
Несут большие лопаты,
Подмигивая на ходу.

Здесь каждый лист — колдовство,
Резной, пылающий, цельный.
Про что сказать «драгоценный»,
Уж если не про него?

Но столько много листвы
Уже мешает прогулкам.
И скоро в чистом и гулком
Саду очутитесь вы.

И схлынет день, как вода,
Пронзенный слабым сияньем,
И чьим-то воспоминаньем
Останется навсегда.

<Первая половина 1970-х>

ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК

Когда узнали Буратино,
И все воскликнули: «Он тут»,
Нас пониманье охватило —
Нас тоже часто узнают.

С утра, едва глаза раскроешь,
Еще от бедствий огражден,
А новый день, как старый кореш,
Уже орет: «А вот и он!»

Тропинка темная, лесная
Вдали от главного пути
И та себе петляет, зная,
Что должен ты по ней пройти.

А попадешь в случайный город —
Сухой арык, слепой дувал.
Начнут шептать, и очень скоро:
«Ты здесь бывал, ты здесь бывал».

На мотоциклах наших старых
Куда-то мчимся много лет,
И незнакомки с тротуаров
Руками машут нам вослед.

Нам узнаванье в этом мире
Дано, как ключик золотой.
Двух крайних дат оно пошире,
Да и не делится чертой.

<1974>

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

У края земли,
За последним селом,
Крыло подстели
И укройся крылом.

По нижней природе
Из речек и трав
Пускай он приходит —
Он будет не прав.

К молчанью ль, к ответу
Он вскинет ладонь,
Присядет и ветку
Подбросит в огонь.

На срезе дождя
Обозначен предел.
И ветер, дойдя,
В двух шагах отвердел.

В кругу темноты,
Друг о друге скорбя,
Вернувшийся Ты
И пославший Тебя.

25 ноября 1975

НОЧНОЙ ПОЕЗД

Перегон Ленинград — «Магистраль» — Карадаг.
Отрывая от крана негромкие нотки,
Те, кто умер, живут в небольших городах,
Где и поезд не пробовал вкус остановки.

И пока напролет невозвратные дни
Пробегают безумная наша дорога,
В привокзальном буфете сойдутся они
Поглядеть, как мы катим, и выпить немного.

Вот Смирнов, обернувшийся в маленький зал,
Чтоб еще раз к столу подозвать полового.
С кем же рядом он слушает их острослова?
Пастернак! И не видел почти, а узнал.
А улыбки обоих от шутки Светлова.

Над окном замирает неяркий багрец,
И такое висит невысокое небо.

А отдельно, у этой вон стенки, отец:
Он не пил, и знаком он с поэтами не был.

25–26 авг. Ночь <1987>

ЛЯГУШКА

Весна прошла.
Наступило лето.
Прилетела стрела.
Ах, к чему бы это?

Шагов по воде
Всё еще не слышно.
Ты, царевич, где?
Что с тобою вышло?

Сколько можно сидеть
В лягушачьей коже?
Может, ласты надеть,
И навстречу, может?

<1975>

* * *

Трамвай бродил по городу,
Тянул пути нарочно,
Замедленно и гордо,
Чтобы приехать точно.

И кто-то, видно, стойкий
Стоял, стоял в углу,
Рисуя профиль тонкий
По тонкому стеклу.

Не знаю, хороша ли
Была она,
Но люди не дышали
У этого окна.

Непрочно всё до жалости —
Стекло и снег..
Скажите мне, пожалуйста,
Что станет с ней?

Ценители найдутся ли
Хранить ее черты?..
Музеи, репродукции,
Альбомные листы?..

Спокойно-холодны глаза —
Ну, право, гордость выставки!
А в них бегут, бегут назад
Подъезды, окна, вывески...

<«Синтаксис», 1959, № 1>

В ОТЕЧЕСТВЕ

Я иду в небольшой тишине,
Член достаточно узкого клуба,
И когда ты пробьешься ко мне,
Я растерян и выгляжу глупо.

Ничего! Никаких укоризн!
Ща решим, как до Марьиной Рощи.
Но пространственный мой кретинизм
И усердный, да слабый помощник.

— Так чего ж ты...

— Напрасно хожу?

Потерпи, современность, попробуй!
Может, что-то и я подскажу,
Только выпадет случай особый.

По пустым магазинам гоня,
Вся в кошелках, стихийная сила,
Ты в беспамятстве

это меня

«Пущадь Плошкина где тут?» —

спросила.

И обычно не помнящий, чей,
Тут, в толкучке, я, пень безответный,
Вдруг ответил! И цели своей
Ты, надеюсь, достигла заветной.

<1987>

* * *

Вот и опять предрассветные тени.
Утро застанет нас в граде великом.
На восемьсот тридцать шесть отречений
Ни одного петушиного крика.

<1974>

ИЕРУСАЛИМСКИЕ КАЧЕЛИ

Игорю Губерману

Тарарим. Парарам. Тарарим. Парарам.
Вот опять. Как тогда. Перед сном. По утрам.
В раскаленном краю. В полусонном мозгу.
За углом. На ближайшем морском берегу.
Кипарис под горой. Монастырь. Виноград.
Дверца в рай где-то рядом с воротами в ад.

<Начало 1990-х>

СТИХИ СО СНОСКАМИ

*...Но сознаюсь, что применила
Симпатические чернила...
Я зеркальным письмом пишу.*

А.Ахматова

Видно, прожил я день неверно.
Обругал кого-то, наверно,
Пил, и каялся, и потел...
Словом, стыдно. И вот за это
Очень скоро, за полночь где-то,
Я попал, куда не хотел.

Город серый, прозрачный, синий.
Конской бронзой надышанный иней.
Легендарные всё места.
Марсианская сухость зданий.
От предательства до преданий
Расстояние в полмоста.

(Ладно, я гляжу исподлобья
На надтреснутое надгробье,
К небу взлезшее по трубе, —
Воротясь в палату с парада,
Здесь поживался император —
Тоже было не по себе.)

И, панорамируя вправо¹,
 Нарочито, но величаво
 Через это река течет.
 Расправляет плечи расправа²,
 Неотрывна от срама слава³,
 Высоки позор и почет⁴.

Здесь стреляли⁵. А там вон били⁶.
 Здесь упрятали и забыли⁷,
 Втихомолку потом гордись.
 Не обида тут, не мученье —
 Для меня это смысл, значенье,
 Отстояний простая связь.

Так вот этим городом, годом,
 Открывающимся проходом
 (Грибоедов, Спас-на-Крови),
 Бледной ночью на лицах башен
 И семейным преданием нашим⁸
 Заклинаю тебя — живи...

<1970-e>

¹ Вид на Неву из окна Эрмитажа.

² Арка Генерального Штаба.

³ Ну хоть Суворов и Орлов на памятнике Екатерины.

⁴ Александровская колонна.

⁵ Сенатская площадь.

⁶ Сенная. («Вчерашний день часу в шестом...»)

⁷ Петропавловская крепость.

⁸ Не стану объяснять.

* * *

Река своя у нас есть тоже,
Бульвары в кружеве оград,
Глядишь, и площади похожи,
А всё же здесь не Ленинград.

Иначе вьется улиц лента,
Иначе свет неутомим,
И распространена легенда,
Что в чем-то мы ревнуем к ним.

Мы просто любим. И с Арбата
Сворачивая наугад,
Себя мы ловим невпопад
На ощущение, что куда-то
Свернем — и выйдем в Летний сад.

<1980>

* * *

Приехал, и гулять растерянно идешь,
И независимость показываешь явно,
Пока дрожит проспект, отточенный, как нож,
Который вбит в Неву сравнительно недавно.

Там женщина, чью стать никто не удивит,
Глядит со многих стен, соединяя даже
С надменным обликом всемилостивый вид,
И ясно, кто она — директор Эрмитажа...

И вот что чувствует чужак и новичок:
Он ощущает власть имперского злорадства
И хочет сделать шаг, одернуть пиджачок
И Меншикова всласть клеймить за казнокрадство.

7 августа 1980
Ленинград

ИСААКИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ

1

Земля уходит из-под ног.
Возьмем, к примеру, Монферрана.
Он начинал не слишком рано
И уж ничем не пренебрег.

Шептались. Что с такого взять?
Пришлец, с образованием некто.
Он понимал, что архитектор.
Осталось только доказать.

И он, как тот же Петипа,
Имел излюбленные па:

Земною тяжестью облиты,
Пред ним лежали монолиты,
А он их ставил на попа.

(Так называла это стройка,
Что пересмешничала бойко,
Неграмотна, но не глупа.)

Он неба достигал касаньем
И кончил дело восклицаньем
Александрийского столпа!
Как праздничная канонада
За залпом залп вгоняет в спор,
Над колоннадой колоннада
Образовали тот собор.

Гектар болота здесь смиряли
 И сваи в глубь его вперяли,
 Сжав в немоту их вечный стон,
 И сверху — 300 тысяч тонн
 Надежность олицетворяли.

2

В соборе есть одна модель.
 В ней монферрановские тали
 Нам уменьшенными предстали,
 Веревок стройная кудель
 Показывает, как колонна
 Навеки оставляла лоно...

А над моделью — образ. Бог
 Как раз возносится без крылий,
 Без полиспастов, без усилий —
 Земля уходит из-под ног.

Но нетактичный тот намек
 Туманным кажется лукавством.
 Экскурсовод ведет рассказ свой
 Про дикий Монферранов рок.

Он вовсе не спешил домой.
 Его сюда звала природа.
 Из восемнадцатого года
 Он рвался в пятьдесят восьмой.

Он так ушел в свои труды,
 Как суша слепо входит в пристань.
 Как на восьмом году страды
 Здесь промелькнули декабристы —
 Он не заметил. Он служил,
 Поставил, выстроил, дожил.

И попросил он одного:
Ни славой кончить, ни позором —
Похороните под собором! —
Не надо больше ничего.

3

Да нам-то что в конце концов
До странных глупостей отцов?
Где был алтарь и, скажем, клирос?
Религия и та сокрылась,
Цари бежали из дворцов.

Турист, проезжий ротозей,
В когорте временных друзей
Глазами двигая по сводам,
Шагает за экскурсоводом —
В соборе, собственно, музей.

Под сводом дышится легко.
Мы видим, купол озирая:
Там где-то, чуть пониже рая,
Подвешен маятник Фуко.

Вот тяжкий шар отводят вбок,
Вот он назад летит с размаху,
Напоминая чем-то плаху..
И чуть в сторонке ждет брусок.

И, в темном космосе вися,
Земля, покинута богами,
Плывет куда-то под ногами
И поворачивается,

И через несколько минут —
К чему устойчивость гектара? —

Брусок слетает от удара,
И экскурсанты вдаль плывут.

4

И мы выходим. В этот миг,
Как я и говорил заране,
Я думаю о Монферране —
Да, обмишурился старик.

Давно прошло его житье,
Но этот час мы рядом жили.
У нас землячество свое:
Мы в этом городе чужие.

Царь удивился. Что за вздор?
Католик? В храме православном?
Он что, с ума сошел? Забавно.
Нет, он не ляжет в мой собор.

На родину увезено
Его беспомощное тело.
А что для Франции он сделал?
И там потеряно оно.

Оглянемся. Таков итог.
В волнах балтийского тумана
Плывет гробница Монферрана.
Земля уходит из-под ног.

23 августа 1980
Ленинград–Москва

БЕСТИАРИЙ

ОХОТА НА ПТИЦ

Александру Яшину

Перелесок, берег, лес,
Белых крыльев переплеск,
Воздух бьют, как воду ласты,
Если не побереглась ты
На сто лет запомнишь здесь
Эти страхи, эти страсти,
Перелесок, берег, лес.

Мы охотимся на птиц,
Птицы набраны петитом,
Всё равно им не спастись,
Не подняться, не спуститься,
Грохот, как контрабандист,
Проникая в уши птицам,
Вырывает души птиц.

Им зажмуриться и мчаться,
Нам внезапно называть,
Окриками возвращаться,
Мокренькими застывать,
На ладони уместаться,
Уменьшая, уменьшаться,
Убывая, убивать.

<1960-е>

РАЗМЕР

Тряханёт этот знобкий анапест
Всю Москву до кольца площадей,
Будто конь, разбирающий надпись,
Предназначенную для людей.

Всё кивает. А сбруя и справа
Повторяют, скрепя и звеня,
Что и влево поедешь, и вправо —
Потеряешь себя и меня.

За престиж нам сражаться обидно,
Для турнира не сдвинем подков,
Коль сонорных с шипящими битва
Продолжается десять веков.

И нагнувшись, лобасто насупясь, —
В лес, утративший птицу и лист,
Где нацелен сучок, будто суффикс,
И с корягами корни сплелись.

Там, где зарево немо зевает,
Что-то ждет нас с тобой на обед,
И горбом свои кольца свивает,
Длинношеее, как змееед.

15 февраля 1988

БАБОЧКА

Всё, в общем сжатое в одно,
Так ревностно устремлено,
Так невозвратно, и бесцельно,
И мерно рушится поток,

Что бабочка, ее виток
Висят от времени отдельно.

21 мая 1975

* * *

Андрею

Зачем охотник из ружья
Стреляет рыженькую лиску?
Зачем подходит к ней так близко?
Ведь делать этого нельзя.

И если он не перестанет,
Она сама возьмет ружье,
На лапки задние привстанет,
И он заплачет от нее.

<Начало 1970-х>

* * *

Вот и встречаются ежик и танк.
Длинные, бедные эти иголки
Значили что-то, о лисы и волки,
Стоили что-то — разве не так?

Как мы решились на бегство из рыб,
Из насекомых и членистоногих?!
Что-то сегодня не вижу я многих:
Кто-то отстал, заблудился, погиб...

Я не боюсь. Проще устать.
Но на вращающемся пьедестале
Кем мы не стали? Кем мы не стали?
Кем мы еще должны были стать?

Куда протягивала мосты,
Чего ждала и о чем просила
Вперед нас выбросившая сила
Слепой и воющей пустоты?

<Начало 1970-х>

* * *

В темноте не видит кошка.
Нужен свет ей, хоть немножко.
Среди света, среди тьмы
Кошка спит, живет, играет.
Важных тайн она не знает —
Как не знаем их и мы.

<Начало 1980-х>

* * *

Что значат городские ночи?
Здесь, плотно выстроившись в ряд,
Пространства бывших одиночеств,
Как стекла в ящике, стоят.

И между знаков зодиака,
Захлебываясь и дрожа,
Не потому ль скулит собака
С тринадцатого этажа?

<1977 или 1978>

ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР

А что мы чувствуем уже
На двадцать пятом этаже?
Да, в общем, то же, что в избушке:
От нас уехали подружки...
Им где-то весело... А тут
Сидишь, гадаешь, чем заняться,
Куда пойти, за что приняться...
А этажи себе растут.

13 ноября 1984

СЕКРЕТ БЕССМЕРТЬЯ

Второй наш кот открыл секрет бессмертья
И, как умел, его пересказал.
Он уходил то в ночь, то на рассвете,
А вечером по палке залезал.

Сначала сроки долго были те же,
Но вот он суток на трое исчез.
Теперь он появлялся реже, реже,
Раз в две недели к нам в окошко лез.

Его кормили, пробовали гладить,
А он молчал упорно об одном:
Учитесь! С временем возможно сладить.
В нем нет того, что вы зовете дном.

Нагладились? Давайте выпускайте.
Я весь дрожу, так беспределен путь!
Учитесь ждать, трудитесь, привыкайте,
И вдруг я загляну когда-нибудь?

Вам ничего за мой секрет не жалко,
И разве может быть ему цена?
Уже полгода, как сухая палка
Так праздно ждет у нашего окна.

9 сентября 1987

ВЕСНА НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ

У нас опять воняет львами.
И рыси девственно орут.
И отступает перед вами
Судья карающий — ОРУД.

Павлины млеют, как цветы.
И, необычностью пугая,
Деревья в змеях завиты
И вымазаны в попугаях.

Удав жует гиппопотама.
Уже, гляди, и попа тама.
И бродят волки по пятам:
А где тут был гиппопотам?

А мой двугорбый побратим
Возвышен и необратим,
И двигая губою мерно,
Весь отрешенный от забот,
Он через мир глядит надменно,
Как через каменный забор.

Нет зверя громче ишака.
А зебра ищет жениха.
И вырастая выше штрафа,
Загадочная, как Коран,
Глядит печальная жирафа
На башенный печальный кран.

<Середина 1970-х>

* * *

С головою укроюсь пальто,
Может, что-то другое приснится.
Одинокая птица — не то.
Вот летит однокрылая птица!

<1989>

ЗАПОВЕДНИК

Утки дикие вернулись,
Зайцы будут, лоси есть,
Ото сна леса очнулись,
Певчих птиц не перечеть.

Зверь не пуган и не считан,
Рыбой полнится река.
Так незримую защиту
Держит тайная рука.

<1978>

ПРЕДСКАЗАНИЕ

Яське

Они владеют колдовством двери,
Колдовством пищи, искусством игры.
Но мы всё равно не очень-то верим,
Когда они с нами нежны и добры.

Он счастлив, когда он приходит вечером
И видит, что меня не украл никто,
И прижимает меня, и шепчет,
Когда я вспрыгну к нему на пальто.

Но, если я соскочу с подоконника,
И убегу, и меня убьют,
Он себе заведет другого котенка,
Чтобы опять создавал уют.

<1984>

ПЕРЕВОД

Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь
На руку мне на кровати.
Переведем эту речь:
«Жизнь — это место для встреч
И выраженья симпатий».

<1984>

СЕКРЕТ ДОБРОДУШИЯ

Ворона
На ветке сидит беззаботно.
Валторна
Склонилась над партией нотной.

Играй виртуозно,
Летай по опушке
И чуть несерьезно
Суди друг о дружке.

При карканье,
При исполнении гимна
Не будет особых претензий
Взаимно.

Но если б
Валторна
На ветке сидела,
И если б
Ворона
В оркестре дудела —
То как ненавидели б
Зло и упорно
Валторну — ворона,
Ворону — валторна.

<Начало 1970-х>

АЗБУКА

...Еще не собираем марки —
Там слишком мелкая печать.
Мы только учимся читать,
И нас приводят в зоопарки.

Родители смеялись здесь,
Но мы глядели деловито:
Вот звери — буквы алфавита,
А слово следует прочесть.

Торчал Жираф. Струилась Кобра.
Мартышки висли с высоты.
Еще не складывались в образ
Большие Лапы и Хвосты.

И перед звездным зодиаком,
Приоткрывавшимся вдали,
Тогда вставал единым знаком
Весь круг детенышей Земли.

<1986>

* * *

Познакомься с тобой на веку,
Приобрел я ни мало, ни много:
Стал коровою Господа Бога,
Узнаваемой им по звонку.

Хоть могу забрести далеко
По лугам, по болотам, по маю,
Но по звону и я понимаю,
Сколько стоит мое молоко.

<1970-e>

* * *

Когда сомкнутся хляби надо мной,
 Что станет с Таней, Катькой, Тошкой, Богом¹?
 Не следует заботиться о многом,
 Но список открывается женой.

Мы с нею вышли в здешние места,
 Где царствует бездомная тревога.
 Она мне помогла придумать Бога
 И завела собачку и кота.

Когда я прихожу навеселе,
 Меня встречают всей семьей: видали?!
 Они со мной грызутся и скандалят —
 И держат, держат, держат на Земле.

<1989>

¹ Таня — жена, Катя — собачка, Тошка — рыжий кот.
 (Прим. Т. С.)

* * *

Коське и Яське

Тут в комнате темнота.
Легли вдоль моей руки
Некрупные два кота
И спят наперегонки.

Улегся кто как хотел,
И — вниз по теченью снов,
А что у них, кроме тел?
Ни замыслов и ни слов.

Зато нам ясней всего,
Что значит «без задних ног»,
И нету здесь никого,
Кто б думал, что одинок.

И надо в памяти мне
Выкладывать этот стих,
Чтоб как-то случайно не
Потревожить их.

1–4 декабря 1983
Ждановская–Планерная

* * *

Павлу Гутионтову

Цветок, олень и птица
В июне золотом
Заспорили о том,
Кому быстрее летится.

Олень сказал:
— А ну-ка!
Прыжок — и все дела!
Как я лечу, из лука
Не полетит стрела. —

Сказала птица:
— Что ты,
Так дело не пойдет.
Прыжок — лишь часть полета,
А где же сам полет? —

На них глядел устало
С улыбкою цветок.
Не бегал, не летал он,
И прыгать он не мог.

Но всё большое лето
В тот необъятный год
Со скоростью планеты
Цветок летел вперед.

25 января 1976

* * *

Брату Лёвке

Неотступны и легки
Расходились по округе
Молоточки и колки
Заводной немецкой вьюги.

Цифры, звезды и нули
Вот и час без опозданий
Неожиданных, но и
Обязательных свиданий.

Вот и профиль — в том возке,
Ставшем давнею привычкой
Господина в парике
С тонкой пудреной косичкой.

Вот и слышится труба
В кинозале, в общепите,
Вот и движется судьба
По расчисленной орбите.

Видя, как издалека,
После следующей елки
Умещаются на полке
Уменьшенные века.

<1980>

РЕШЕТКА

Мы друг другу давно по заслугам не верим:
Столько всякого было до этого дня.
Оттого и решетка меж мною и зверем.
Я гляжу на него. Он глядит на меня.

Проплыла надо мною прощальная арка.
Не имеют значенья просторы Земли.
Я везде за решеткой живу зоопарка.
Даже если я зверю не виден вдали.

<1986>

ВОЛК

И нет свободы.
И волк в степи
Просто на самой большой цепи.
И когда, уйдя в свою степь,
Он садится выть на луну,
На что он жалуется —
На цепь
Или на ее длину?

<Конец 1970-х>

ПЕСЕНКА О СОБАКЕ

Когда у вас нет собаки,
Ее не отравит сосед,
И с другом не будет драки,
Когда у вас друга нет.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

Когда у вас нету дома,
Пожары вам не страшны,
И жена не уйдет к другому,
Когда у вас нет жены.

Когда у вас нету тети,
Вам тети не потерять.
И раз уж вы не живете,
То можно не умирать.

А ударник гремит басами,
А трубач выжимает медь —
Думайте сами, решайте сами,
Иметь или не иметь.

<Начало 1970-х>

ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

ПРОПОВЕДЬ

Встав на гору, мой родственник
Как взговорит, давясь
Пустыми, бесполезными слезами:
— Любите же друг друга. Ибо мир не любит вас.
По крайней мере, он не этим занят.

<Середина 1970-х>

БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ

Я говорю об Ольге Мишаковой.
 Чрезмерно хитрой. Слишком бестолковой.
 Явившейся сюда издалека.
 Она в тридцатых землю рыла носом.
 А если проще, — по ее доносам
 Сажали комсомольское ЦК.

И вот в эпоху пятьдесят шестого
 Ее уволили. Но Мишакова,
 Дверь в кабинет толкнув худым плечом,
 Садилась в кресло старое. Сидела.
 Не требовала. Не искала дела,
 Не говоря ни с кем и ни о чем.

Тогда у Ольги отобрали пропуск.
 И в тот же гордый и родимый корпус
 Уже вахтер ее не пропускал.
 Она ж, как прежде, приходила в девять.
 И продолжала эту службу делать
 Как богом позабытый истукан.

Столп соляной был никому не нужен.
 Поговорили. Вспомнили о муже.
 В три дня перевели ее в Рязань.
 Она оставит чёртову привычку!..
 Она ж в четыре шла на электричку —
 Дорога не дорога, рань не рань.

Меж тем в тридцатых и пятидесятых
 Средь комсомольских доблестных вожатых,
 По-видимому, не было святых.
 Служили парни. Делали карьеру.

Случалось, даже подличали в меру
Еще на поворотах некрутых.

И только эта Мишакова Ольга,
Слепая, как торпеда и иголка,
Вонзиться в мозг мой шла издалека,
И если Бог глядел в Москву густую,
То, может быть, и замечал святую
Единственную в области ЦК.

Я жил бездарно — вздорно и нестрого,
Не знал, за что мне славословить Бога,
А мог бы, если б лучше был знаком
С историей (и всей, и этой бабы),
За то благодарить его хотя бы,
Что никаким я не был вожакom.

<1988>

* * *

Всё равно тут и раньше не верили,
И опять не поверят теперь:
Никого между мной и империей.
Между мной и соседями — дверь.

По снегам я иду белорозовым.
Там, где жил, всё равно не житьё.
А боярыню вашу Морозову
Выдал Павлик, племянник её.

<1988>

* * *

Спросите вы друзей и женщин,
Меня похлопав по плечам:
Я очень вежлив и застенчив
Весь божий день. Но по ночам

С лицом, торжественным, как вымя, —
Еще ли я скотом не стал? —
В твое я вслушиваюсь имя,
Афганистан.

И вот я в зеркале — раскосый,
Застрявший здесь геронтократ,
Косноязычный и гундосый,
Четвероногий от наград.

И я под скрип рассветных клавиш
Встаю в порту пяти морей —
Ты как пощечина пылаешь
На морде заспанной моей.

14 апреля 1988

МОНОЛОГ ЯГО, НЕ ВОШЕДШИЙ В ПЬЕСУ

И вы способны верить, черт возьми,
Что счастье — чистеньким, невиноватым?
Мне пятьдесят. Я прожил век солдатом.
Я знаю цену всей этой возни.

Да оглянитесь вы по сторонам!
Не первый день слоняетесь по миру.
В конце концов, не одному Шекспиру —
Но кое-что известно здесь и нам.

Вы старый мавр, калеченный в боях.
Войдите в дом да улыбнитесь сладко —
И девочка, бутон, аристократка
К вам кинется на шею: «Милый, ах!»?

Как много женщин любит стариков!
Хранит им верность. И за пару бак
Весь век несет свой крест домохозяек...
Не правда ли? Ведь этот мир таков?

Послушайте, оставьте трепотню!
Что стоит эта горсть случайных фактов?
Ваш опыт длится пять коротких актов,
А я копил свой ото дня ко дню.

Во Фракии я бессловесно дрог.
У Нила спящих турок резал молча.
На добром и святом законе волчьем
Построен мир, и я — его пророк.

И потому я видеть не могу
Ту сладенькую ложь про честь и верность.

Куда нормальнее обман и ревность,
И много правды в том, что там я лгу.

Ах, Дездемона, кошечка! Подвох
Поторопился мой! Уж извини-ка!
«Неплох собою этот Лодовико...» —
Сказала ты? А он и впрямь неплох!

Вы рады, коль в придуманном раю
Заткнет все щели дутая отвага.
Но вам глаза раскроет честный Яго —
И вы приветствуете смерть мою.

<1974 >

НОЧНАЯ ГРОЗА В ПАЛАНГЕ

Глупо и в общем-то даже неловко,
Как постояльцу, когда за стеной
Муж до рассвета дерется с женой,
С шурином, с деверем, с тестем, с золовкой...

Много ль корысти к дивану прижаться
Где-то в четыре, под легким пальто,
И на другом языке утешаться —
Вот и у них, видно, что-то не то?..

<Середина 1970-х>

МОНОЛОГ НИКОЛАЯ I
После прочтения «Героя нашего времени».
1841 год

Я столько не владею слогом,
Что борзописцам дан иным,
Но мог бы высказать о многом,
Не видном подданным моим.

Быв брошен Богом, предан братом
И чернью, знатной и больной,
Когда б я не рожден солдатом,
Что б стало с этою страной?

Но, сомневаясь, что осилю,
Отнюдь не ждя наград в пути,
Я принял на себя Россию
Как крест, положенный нести.

Когда бы все, как я, смотрели
И службу с ревностью несли,
Чего б мы не преодолели,
Куда б страну не возвели?

Как Петр, я верил не породе.
Что родовитей, то подлей.
Но Бенкендорф и Нессельроде
Служили волею моей.

А тем — чужда идея долга.
Не я ли Пушкина извлек
Из ссылки, отличил — да волка
Как ни корми, он тот же волк.

И ныне вновь. «Герой!» Хотя бы
Сим словом не скрывать недуг!
Не служба на уме, а бабы,
Развратный Константинов дух.

Нет, чтобы доблести бывшие
Случились здесь возрождены,
Мне не Печорины гнилые —
Максим Максимычи нужны.

Малоталантливый мальчишка,
Богатой бабки слабый внук,
Осмеивать дерзает слишком
Прямым обязанностей круг.

Ну ничего. Ну ничего.
Всему свой срок. Возьмем терпенье.
Господь за верность и служенье
Меня избавит от него.

<1974>

ГОЛОСА

Первый голос

Я Эхнатон. И голос бога
Исходит в мир из губ моих.
Но всех богов в Египте много:
Бог Чибис, бог Шакал, бог Мошка,
Бог Нил, бог Тьма, бог Небосвод,
Бог Жук, бог Бык, богиня Кошка,
Бог Крокодил, бог Бегемот...

Бог может ржать и прясать ушами,
Потеть, мочиться на порог,
Чесаться, покрываться вшами,
Мычать идохнуть может бог.

И ощущая, как тупею
В глубоком многобожьем сне,
Религию второй ступени
Я ввел в доверенной стране.

Войдя во тьму, я не погиб там,
И состоялось торжество:
Стояло солнце над Египтом,
И были мы детьми его!

А боги в заживевшей силе
Таскали воду на горбах,
Пахали землю, кладь носили,
Мышей ловили в погребах.

Я Эхнатон. И голос бога
Исходит в мир из губ моих.
Богов в Египте было много,
И сам я уничтожил их.

Второй голос

Я Нефертити. Вам, конечно,
Известна красота моя.
Мисс Человечество, мисс Вечность —
По-видимому, это я.

Но вы не знаете о танце
Змеи, Родившейся в Огне.
Он неизвестен, не остался,
А был он — лучшее во мне.

Усовершенствованье строя,
Желанье пробудить народ
Мне представляются игрою,
Почти не стоящей хлопот.

Меня покачивают ритмы,
И флейта возвышает тон,
Когда усталый и небритый
Домой приходит Эхнатон.

Не существуют злость и тупость,
Интриги, мелкая грызня,
А существует верный Тутмос,
Пытавшийся ваять меня.

Когда серьезные, как дети,
С доверчивостью на лице
Идем в туннель тысячелетий —
Чуть виден свет в другом конце.

Но будет хорошо иль плохо —
Все будут знать, что я была.
И так останутся эпоха,
И муж, и все его дела.

Поэт, других познаменитей,
Напишет, рифмой утомлен:
«Как ни крутите, ни вертите,
Жила на свете Нефертити,
И жил какой-то фараон...»

Первый голос

Я Эхнатон. В стране до срока
Единобожие вводя,
Я знал, что милая эпоха
Ничуть не пощадит вождя.

Египет било бунтов двадцать.
Жрецы вопили. Был народ.
Но был не в силах я не рваться
Хоть на две тыщи лет вперед.

Меня не сравнивайте с теми,
Кто был потом и жил как царь;
Я, просветитель и бунтарь,
Хочу пройти в другой системе.

Меня мой раб приказом строгим
Был принужден изобразить
Отвислобрюхим, кривоногим,
Не смея правду исказить!

Все перенапрягая нити,
История берет свое.
Вот вы, наверно, говорите:
— О как прекрасна Нефертити! —
А мне порой не до нее...

Третий голос

Я Кийа, младшая царица,
 Далекый, отлетевший стон.
 Не понимаю, как жениться
 На мне решился Эхнатон.

Я фивская девчонка Кийа,
 Забытая в моей стране.
 Я появляюсь здесь впервые,
 Но всё сказанье — обо мне.

Когда-то, перед сбродом нильских
 Девчонок, солнцем озарен,
 Проплыл, недостижимо-близкий,
 На царской лодке фараон.

Ну кто б вообразить пытался,
 Когда все уши сожжены
 Легендами о страстных танцах
 Его таинственной жены,

Кто б и помыслить мог про это —
 Соперничать с его женой?
 Кто знал, что горькая победа
 За мной останется, за мной...

Уж я была женой второю.
 Остаться ею бы навек!
 Но чем-то большим, чем игрою,
 Был занят этот человек.

Как тащат баб на сеновал,
 Не глядя, заглушая стоны,
 Так, нарушая все законы,
 Меня мой муж короновал.

Из дел эпилепсией выбит,
Он мне одно велел: «Сумей!»
И управляется Египет
Рукою маленькой моей.

Когда с парадов и пожаров
Я возвращаюсь во дворец,
Уж я не женщина по жанру.
Я — фараон, я царь-отец.

В короне я. И муж увенчан.
Мы отдыхаем после дня.
И пляшет лучшая из женщин
И для него, и для меня.

Молчание

Тут-Анх-
Амон,
Жива твоя гробница.
Векам
Брести —
Задеть ее — не смей!
Меж тем тебе
Предшествовали лица,
Чья сотни раз убита
Даже смерть.

Вырывали их имена из картушей, с камня сбивали
память,
Чтобы и звука страшного — «Атон» — не слыхало эхо,
Опрастывали саркофаги, превращали мумии в падаль
И при тебе, наследник, творили это.

За то, что предшественник твой номенклатуру богов
Египта
Разогнал во имя единого солнечного диска,
Мстили ему, мертвому, старательно, всесторонне, гибко,
Говорили, что так повелел твой тонкий мальчишеский
дискант.

Всё-таки оставалось что-то. Не тень, так отзвук.
И раз убивали смерть, то, значит, вставляли живые
И вбирали в себя невидимый, прозрачный воздух
Две жены, два мужа — Фараон, Нефертити, Кийа.

И тогда на них набрасывались и опять убивали сначала.
И вторую эпоху подряд не спали люди.
Писцы, землемеры, чиновники не гасили плашек
ночами:
Приснится слово «Атон», и человека не будет.

А ты, в золотом обруче, такой тогдашней короне,
Над страхом, над смертью, над жизнью мелкой
и неугомонной,
И не снимаешь его, в нем тебя и похоронят,
На нем твое имя — царя-победителя, вечного бога
Амона.

Но вот придут археологи через пару-тройку
тысячелетий,
Отыщут гробницу, раскопают, заберутся в нее и потом
Снимут со лба твой обруч — любопытные чужие дети —
И внутри прочитают настоящее имя, запретное —

Тут-Анх-Атон...
Закон.
Долг.

Власть.
Ты куклой был пред ними.
Ты жил.
Ушел.
Ни проклят, ни прощен.
Твой лоб во тьме
Всегда язвило имя
Твое,
Твое,
Не чье-нибудь еще.

<Середина 1970-х>

БАЛЛАДА О ЕВХАРИСТИИ

В Галилейской Кане
Нет вина в стакане,
Нет вина в кувшине,
Нет и в бурдюке,
Но воды хватает
В море-окиане —
Почему же публика
Сидит в тоске?

Иоанн Креститель ругался, что Он якшается с мытарями и грешницами, со всякой швалью. Вот он и попал на такую нищую свадьбу. А вокруг, конечно, ворчат:

Чтобы уж на свадьбе
Нечего напиться —
Вы видали где-нибудь
Хуже новостей?
И вообще не должен
Ни на ком жениться,
Кто не в состояньи
Напоить гостей.

Всегда найдется кто-нибудь побогаче или просто повредней. Но есть и последний стол, для нищих и всяких проходимцев. И там почему-то, где надо радоваться, что пустили, вдруг тоже раздается какой-то шум.

Там встает старуха
С каторгой во взоре,
Говорит визгливо
Голосом косым:
— Здесь ругают свадьбу,

Жениха позорят,
Ты сидишь и терпишь —
И ты мне не сын.

А там собралась та бражка, которая вообще всё последнее время таскалась по окрестностям, какие-то рыбаки Симон и Андрей, две Марии, старая и молодая, и с ними этот, припадочный.

Вот тогда и просит:
— Слушайте, евреи! —
Этот ненормальный
С редкой бородой —
Только дайте ножик,
Только поострее,
Только не глядите
На мою ладонь.

Ему дали самый большой бурдюк. Воды, что ли, жалко... Он под столом полоснул себя и пролил юшку в бурдюк. «Наливайте, — говорит, — отсюда».

Удивились гости:
— После кислой дряни
Здесь напиток райский
Для миллиона ртов...

— И в самом деле, — говорят люди знающие. — На пирах сначала ставят лучшее вино, а когда все перепьются, можно подавать и похуже, кто там поймет. Ты же, — говорят жениху, — сначала подал дешевый какой-то уксус, а теперь такое вино, которого никто из нас не пробовал ни в Кесарии, ни в Риме, ни в Тире с Сидоном... Да, так значит...

...Удивились гости:
— После кислой дряни
Здесь напиток райский
Для миллиона ртов...
И стаканы тянут
Радостней влюбленных,
Ангелов блаженной
И пьяней скотов.

Ну, как вы понимаете, свадьба пошла.... И никто не заметил, когда убралась та нищая компания.

И уходит этот,
Белый, как могила,
Колпаком безумца
В темноте звеня:
— Говорил я маме,
Говорил я милой,
По еврейским свадьбам
Не води меня!

28 августа 1981,
день нашей свадьбы

НЕМАЯ

Танцуют руки у немой
И всё не прекращают танца.
В метро, на площади, на танцах
Танцуют руки у немой.

Я знаю, что не просто так,
Что каждое движение значит,
Что вот скольженьем натиск начат,
А всплесками повержен враг.

Мы выражаем мир вовне
Словами нашими и плачем,
И строчками, и тем, что пляшем
Руками в горькой тишине.

Не верь, не верь им: ты вольна.
Я знаю, тяжело калекам,
Но если ты больна балетом,
Полетом если ты больна?!

И вот уходят голоса,
А перед нами, перед нами
Всё пляшет маленькое пламя
И обжигает нам глаза.

<Середина 1970-х>

ГОРАЦИЙ

Бухгалтер Горацій
Слог долгий, слог краткий считает в строке.
Спокойный характер
Его понуждает сидеть в холодке.

Там, кажется, Бавий
В республике римлян ведущий поэт?
Юпитер избави,
Чтоб он устремился за Бавием вслед.

У принцепса дела
По горло, триумфы грохочут, трубя,
Подумай и смело
Реши, что назначишь ты трусом себя,

Так необычайно
Лишь снизу и видится каждый секрет.
И больше не тайна —
В республике римлян республики нет.

<1983>

ЗАВИСТНИК БЕННАИ

Эпизод из «Бабур-наме», прозаической книги Захиреддина Мухаммеда Бабура, видного узбекского лирика, по совместительству ставшего основателем индийской империи Великих Моголов. Рубаи Бабур, конечно, тоже писал, но другие. Эти — вольное подражание.

Посмертные рубаи. Пролог

Нам кажется, что мы вещами обладаем,
Когда мы носим их, когда мы их съедаем.
Но если слово — только вещи тень,
Зачем так остро мы без слова голодаем?

Придите, спорщики, я помирю вас снова.
Для спора нет основ, для мира есть основа.
Вы, может быть, еще получите свое —
Для жизни вещь нужна, а для бессмертья слово.

Вы были правы, вы, бездомные поэты,
Когда оборваны, когда полураздеты
Вы презирали царские венцы —
Но я один за вас доказываю это.

Любовь и отчий край — две двери в мир нетленный.
Без них и государь — всего лишь первый пленный.
За родинку, Хафиз, не жалко городов,
Но только Андижан был родинкой Вселенной.

...И я очнулся там, где всё темно и глухо,
Но это я тащусь по всем пространствам слуха.

Увижу ли и свет я, мертвый шах Бабур,
Царь тел людских и раб их трепетного духа?

2

Алишер в самом деле великий поэт.
Он не только вельможа султана, о нет.
Как тупы и чванливы вельможи!
Алишер в самом деле великий поэт —
Но вельможа при этом он тоже.

С кем играешь ты в шахматы, о Беннаи?
Помнишь, он не одобрил напевы твои —
Новый наигрыш создал ты быстро.
Быстротою такой поразив Навои,
Удостоился дружбы министра.

Алишер, уронивши фигуру из рук,
Ногу вытянул, в зад тебе впер ее вдруг.
— Вот беда, — улыбнулся при этом, —
Здесь, в Герате, коль вытянешь ногу, мой друг,
Сразу в зад попадаешь поэту...

Хоть приятель, а бек! Что с такого возьмешь?
Промолчи, Беннаи! Сам же скоро поймешь:
Не удержишься тут — прогадаешь.
Беннаи говорит: — Ну а коль подождешь?
В чей же зад ты тогда попадаешь?

... Из дворца ты выходишь. Но сам посмотри:
Мясники, брадобреи ли, золотари,
Кто придумает что-то, к примеру,
Назовет свою выдумку «алишери» —
Мол, подобен и я Алишеру.

То ль зубами, то ль ухом поэт занемог.
Повязал себе синюю тряпку, как мог,
Мол, теплее, хотя некрасиво, —
И в Герате

все модницы

синий платок

Надевают, повязанный криво.

Нет, покинем Герат, только вот на осла
Перед этим положим-ка вместо седла
То, на чем никогда не сидели,
Чтобы площадь базарная вдруг поняла:
Чем не «алишери» в самом деле?

Что ж, недаром прославлен в веках Навои,
Но у нас, мой читатель, пристрастья свои:
Беннаи в этот день мы прославим.
Мы о нем переложим сейчас рубаи —
Только пятую строчку добавим.

3

Ты чем-то нравился мне, мрачный Беннаи.
Ценил я шутки невеселые твои.
Но только мы сейчас идем в поход особый —
Сквозь эту дверь пройти трудней, чем сквозь бои.

Ты помнишь дни, когда вернулся ты в Герат?
Хан Шейбани, когда вернулся ты в Герат,
Отдал под власть тебе всех умников Герата,
Тряслись они, когда вернулся ты в Герат.

Кто был хозяин твой? Безграмотный болван.
Своею властью нестреноженною пьян,

Он призывал к себе поэтов и ученых
И сам показывал, как толковать Коран.

...Ты шел по улице. Она пуста. В ней дым.
Не здесь ли ты спешил куда-то молодым?
Смешной и ветреный слегка день Алишера
Всё больше веком становился золотым.

Итак, ты властен там, в Герате. Что с того?
На груде мусора ты царь. Страшней всего,
Когда безвластна власть, когда бессильна сила.
Сломать всё можешь ты. Построить ничего.

Сгинь в пустоте, кричу, пустыни господин!
Но слышу голос вдруг:
— Постой, Захиреддин! —
Как чист и сладостен он, голос Алишера! —
Хороший наигрыш был у него один.

<1986>

* * *

Кто кончался от ран,
Кто в поту задышался от пыли:
Христиане язычников били,
Ну а те — христиан.

Сколько жутких картин,
Страны рушатся под сапогами.
Некрещеных ругали «поганый»,
А крещеных «кретин».

Отовсюду видны,
Мы стоим на большой перекличке.
Две останутся вялые клички
От Великой Войны.

<1980-е, до 21 февраля 1989>

ЗАПИСКИ ХЕФТЛИНГА

Поскольку мы тут не видим немцев —
Они совсем не заходят в зону, —
Мы привыкаем, коль приглядеться,
Еще к спасенью, уже к позору.

И постоим мы, и снова ходим.
Движеньем замкнутость вымещаем.
Не то, что ищем, а всё ж находим,
Харчи и тряпки перемещаем.

Мы начинаем яриться даром,
Повздорим, из равновесья выйдем.
Как ненавистен сосед по нарам! —
Поскольку немцев мы тут не видим.

Объединили мужской и женский.
В бараки ходим друг к другу в гости.
И напряженнее наши жесты,
Мощней и сдержанней поле злости.

Пошли измены. Пойдут и драки.
Уже сегодня, пожалуй, выйдут
Бараки с палками бить бараки —
Поскольку немцев не видим мы тут.

...Ночами ездим по странам дальним,
Бредем лугами, детей качаем —
И с тем же неодобреньем тайным
Отводим взгляды, когда встречаем.

С тебя проклятья никто не снимет.
Все, кто попали в ловушку эту,
Были мы братья? Станем мы ими?
И есть ли другая дорога к свету?

Январь 1983

ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ

1

Пушкин и Бродский едут друг к другу в гости.
Пушкин никак не может выехать за границу,
Хоть здесь в коляске, кибитке, карете
Столько уже накрутил, что бросьте,
Куда там Пржевальскому, успевшему остановиться
На постоянном двореке в чахлом городке Гори,
Где редко встретишь попа и учителя-интеллигента,
Но где у служанки «отеля» родится вскоре
Тот, кто родится, как утверждает легенда,
И, может быть, рыжему мальчику дадут то же самое имя
В сороковом, когда страх то прошел, то длится,
Но тезкам вместе не жить, и Родина с ними
Не в силах управиться, не может распорядиться.
И даже смерть одного, когда у другого бар-мицва,
Ничего не отменит и судьбы у него не отнимет.

А пока, значит, Пушкин не может туда рвануться,
А путь его здесь закручен и бесконечен,
До тех пор Бродский не в силах сюда вернуться,
И они до сих пор не встретились, но ведь это
Еще не вечер.

2

От мальчишки, избранного королем,
А для этого изгнанного из дому,
Гудом переполнен микрорайон
В узнаванье сползающий, как в истому

Горестную, сладостную — это вам
Как повезет, да и суть не в этом,

А в том, что улечься пора словам
В соответствии с заданным им ответом.

Вам покажется, что в этом скрежете нет
Коды, темы, дыра безобразно провисла —
Но замкнет свои тонкие кольца сюжет,
И видны все наивные выдумки смысла.

Эта сказка наглядна, как Рождество,
И торжественна елка, как детское знамя.
Это — тайна для всех и ни от кого
На прелестную музыку «Мы так и знали».

И смотрите, хохочут и шепчут: как даст
Кругаля сюжетик, — и свет в овчинку:
Континенты, эпохи, ненависть государств
Побегут послушно на праздничную картинку.

А те, кто злодеев сыграли здесь и
Не успели отмыться от сажи и крови,
Снимают грим и болтают о новой пьесе,
Где им твердо обещаны совершенно другие роли.

<1988>

НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ

Черт подери их там, в Испании!
Проснешься ночью, весь в испарине,
И думаешь: что за народ!
Клопочут Франция, Италия,
Алжир, Марокко и так далее,
А эти — всё наоборот.

Какие рыцари в Испании!
Они от мавров нас избавили,
Собой Европу заслоня.
Но, чтобы было с чем возиться им,
Ввели такую инквизицию,
Что мавры, знаете, фигня.

А простолюдины Испании?
Наполеона лихо сплавил.
Но только он пропал вдали,
Под благодарные моления
Спустились с гор и в умилении
Себя Бурбонам поднесли.

И вот сидят они в Испании.
Им без холуйства, как без памяти,
И неуютно без оков,
И раздражает независимость,
И дохлый их генералиссимус
На стеклах всех грузовиков.

<Начало 1980-х>

* * *

Взрослые умерли. Их не осталось.
Директор школы там, в кабинете,
Вечером чувствует горечь и жалость:
Он ведь остался один на свете.

И у него нет старшего друга
И бабки-ворчуньи: ворчит, а лечит.
Если б его кто поставил в угол,
Хоть ненадолго стало бы легче.

А потом он встает и идет к двери
Потому, что уже собираются те, кто
Сейчас в десятом, а они верят,
Что он большой и что он директор.

...И вот заплясали тени на окнах
Соседней школы. Я шторы поднял,
Гляжу на дождь и не знаю, сколько
Сейчас, и когда ты придешь сегодня.

25-26 июня 1982

В ГОСТЯХ

Значки на пиджаках, портреты на обоях.
И снежный человек уже промчался мимо.
И йога телепат приводит за собою.
«Пришельцы», наконец. Почти невыносимо.

Давайте создадим гипотезу Ушельцев.
Оглянемся — нам всем кого-то не хватает:
Касанья чьих-то рук, собачьей теплой шерсти
И взгляда дальнего, что тянется и тает...

А что? Ведь только так понятна наша тайна,
Всё очень сходится, и будет объяснимо,
И почему мы здесь, так вздорно и случайно,
И семьи не у всех, и негде брать любимых.

<Середина 1970-х>

ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Ни на кого нельзя смотреть снаружи —
Единственный закон земли Мальбек.
Базар, толпа, случайный человек —
Ни ты ему, ни он тебе не нужен.
На тамошних калек и некалек
Поднять глаза — нет оскорбленья хуже.

Ты кто, чтобы оценивать людей
И подвергаться их оценке темной?
Согни свой взгляд, ленивый и нескромный,
Подсмотренным не хвастай, а владей.
Есть, где нам разойтись средь площадей,
На местности пустынной и огромной.

Горбатый только третий год горбат.
Красавица сегодня лишь красива.
Они идут, вперед или назад,
Их останавливать несправедливо.
Один индюк чужому взгляду рад,
Да он и без тебя живет счастливо.

И оборванец — кандидат в цари,
И мудреца не украшает старость.
Вот если ты готов, что б с ним ни случилось,
Приблизиться к нему, понять хоть малость,
Каким себя он видит изнутри —
Тогда обид не нанесешь. Смотри!

<1975>

ПАРКОВЫЙ ТРИПТИХ

Памяти отца

1

Вечер на меридиане,
Вечер в переулке.
Время переодеваний,
Сборов на прогулки.

От торжественности хмурый,
Глаженный и бритый,
Вытекает в парк культуры
Отдых деловитый.

Что мерещится тем часом
На невидном месте
Человеку с «эсным» басом¹
В духовом оркестре?

2

Не поверил раньше сам бы —
Осознал впервые:
Мне, пожалуй, всех ансамблей
Ближе духовые.

Марш военный! Как он четко
Выбит и откован!
Как чугунная решетка
Сада городского.

¹ Эсный бас — второй бас в полном составе оркестра.

В нем не только гром орудий,
Грохот наступлений —
Часть лирическая будет
Во втором колене.

Это ведь увидеть надо,
Оценить и взвесить.
Над боями, над парадом
Одинокий месяц.

Труб нежнейшее касанье,
Хроматизм кларнета...
А в муззводовской казарме
Душно было летом.

Вздых валторны в этом месте
Скажет остальное —
И напрасно капельмейстер
Разлучен с женою.

Далеко ушла разведка
Сквозь разрывы дыма...
Эсный бас вступает редко —
Где необходимо.

3

Полька, вальс напропалую.
Танцы, пиво, танцы.
Я не пью и не танцую,
Не влюбляюсь, не ревную —
Что же я остался?

Как понятны зверь и птица
Для специалиста,

Я хотел бы научиться
Понимать басиста.

Поменяться с ним местами —
Что-то вроде жажды.
Встать за нотными листами,
Оглядеть однажды

Шар огромный, двухполярный,
Космос, все творенья
С этой, малопопулярной,
Редкой точки зренья.

<Начало 1970-х>

* * *

Отец мой жив. Боюсь, потом умрет.
Пока не лучше ль видеться пореже?
И вздор во сне, и стыд наутро те же.
Тринадцатый по его смерти год.

<1972 или 1973>

* * *

У кольцевой одно местечко.
Там мой отец. Там все подряд.
Сухой лесок. Гнилая речка.
И памятники там стоят.

Там всё так тихо и понятно.
Там можно лечь и ждать весны...
Но мы торопимся обратно —
Досматривать плохие сны.

<1970-e>

СЕН-СИМОН

С утра мороз не крут,
Земля белым-бела.
— Вставайте, граф, вас ждут
Великие дела!

Анри де Сен-Симон
С утра побрит, одет
От белых панталон
До кружевных манжет.

Анри де Сен-Симон
Уже подсел к делам.
Да будет мир спасен
К семнадцати часам.

Проект почти готов:
Отныне и навек
Отнюдь не будет вдов,
Голодных и калек.

На солнце и в тени
Снежок — не описать.
Как раз в такие дни
Приятно мир спасать.

И, поглядев на снег,
Всё пишет, пишет он...
Великий человек
Анри де Сен-Симон

Мы знаем наперед,
Что крив его маршрут,

До срока он умрет
За несколько минут.

И будет снег лежать,
И будет даль бела,
И долго будут ждать
Великие дела.

<1960-е или начало 1970-х>

РУССО

Я, наверное, калека,
Как я выжить только мог...
Рост не выше человека,
Очень мало рук и ног.

Только всё это непросто.
Мне простили бы вокруг
Скромные размеры роста,
Недостаток ног и рук,

Но уже который год свой,
Рыжий вплоть до седины,
Я ношу в груди уродство —
Сердце с левой стороны.

<1960-е или начало 1970-х>

КАСКАДЕР

Жиль Деламар
Заходит и смеется:
— Всё поломал!
Осталось, что не бьется. —

Шаг — на карниз
И пять шагов по крыше.
— Жиль! Оглянись!
Пройди чуть-чуть повыше!

— Что ж, поверну,
Пока еще не поздно:
Шаг — на луну
И пять шагов по звездам... —

Шаг — на бульвар,
Огни, машины, лица...
Жиль Деламар
С гвоздикой в петлице.

Жиль Деламар
Заходит и смеется:
— Всё поломал,
Осталось — что не бьется.

<1960-е или начало 1970-х>

БАЛЛАДА О КЛАССНОЙ КОМНАТЕ

Белые стены.
Пол.
Потолок.
Здесь постепенно
Проходит урок.
Слева, на задней —
Генка Шмельков,
Самый несчастный
Из учеников.

— Ты вот вчера не доделал задания,
Позавчера не пришел на собрание,
Два дня назад у тебя опоздание,
Нету в тебе никакого сознания... —

А за окном
Голубая зима
Мчится,
Скользит
И смеется.
И барабанит
Лучами в дома
Белое солнце,
Веселое солнце.
Мимо звонков,
Невдалеке,
Жизнь пролетает, звонка,
На паре коньков,
На одном коньке,
Без одного конька.

Время несется.
Кончается пятый.
Дремлют на солнце
Черные парты.

Вечером здесь
Загорается свет —
Собирается
Педсовет.

Белые стены.
Пол.
Потолок.
К вечеру —
Даже белей.

Слева, на задней,
Сидит педагог —
Самый несчастный
Из учителей.

— Дело ведете вы так бестолково.
Новый урок ваш вчера забракован.
Вы воспитать не сумели Шмелькова.
Нету в вас, видно, чего-то такого... —

А за окном
Бесконечная ночь.
Тихо.
Холодно.
Поздно.
И улетают от города прочь
Синие,
Дальние,
Грустные звезды.

Люди
Идут и идут —
Погляди —
По хрусту маленьких льдин
С друзьями один,
С любимой один,
И просто один —
Один.

<1960-e>

* * *

Я королем был довольно славным,
Мне подходила моя земля.
Но население, как ни странно,
Предпочитало — без короля.

Мне фонари, будто многоточье,
Кричали что-то наперерыв.
Вот и ушел я однажды, ночью,
Дверь за собою не притворив.

Служа в газете для пропитанья,
Я потихоньку вживаюсь в роль,
И забывается эта тайна —
То, что когда-то я был король.

Быть журналистом ничуть не скучно,
Свободы много в такой судьбе.
Но по ночам ты лежишь беззвучно
И улыбаешься сам себе.

<Середина 1970-х>

БАЛЛАДА О РЕКОРДЕ

Я вам расскажу о Скотте,
 О Скотте Фицджеральде,
 Я вам расскажу о Скотте,
 О Скотте расскажу.
 А вы его не жалейте,
 И зла ему не желайте,
 Прошу вас пройти со мною
 К Скоттову рубежу.

На море, как в квартире:
 Ветер сушит манатки,
 Плотик три на четыре —
 Комнатка в коммуналке.
 Комнатка в ритме вальса
 (Ветер, не хулигань!),
 Всё остальное — ванна
 Круглая, как лохань.

На Средиземном море
 Синь переходит в зелень.
 Синь переходит в зелень
 И покачивает плот,
 А на плоту качается
 С нежной женою Зельдой,
 С любимой женою Зельдой
 Долговязый Скотт.

А мне это всё до лампочки!
 Стоит ли жить в бреду?
 Я от тебя уеду,
 А от себя уйду.

Поставлю себе избушку
Там, где она одна,
Кусочек неба со звездочкой
Вырежу для окна.

Скорее бы стать старым
И на службе выполнить план...
Небо на волны ставит
Маленький гидроплан.

Ну что же, хотите — спойте
О солнце на фюзеляже.
У Зельды глаза стальные,
У летчика цвета дня...
А я буду петь о Скотте,
О Скотте Фицджеральде —
Сегодня все остальные
Герои не для меня.

Об этом писать бы Зощенко:
Уж больно тесна жилплощадь.
Скотт сидит на краю,
Ноги в ванной полощет,
Скотт сидит и внимательно
Смотрит за горизонт.
И если трясется плотик,
И если трясется плотик,
И если трясется плотик,
Значит, море его трясет.

Орлы достигают скорости
И высоты жирафы,
Львы — это образ мужества,
Силы пример — слоны,
А я буду петь о Скотте,
О Скотте Фицджеральде,

Сегодня другие звери
Ни капельки не важны.

Дальше ведь как бывает,
Скотт по Монмартру путается,
В сторону отзывает,
Держит друзей за пуговицу,
Рассказывает о летчике,
Тянет свою струну
И продолжает очень
Любить жену.

Не стоит сомневаться,
Я это знаю твердо:
Журнал «Огонек», № 20
За 64-й.
Так это излагает
Писатель Хемингуэй.
Вы, пьющие из лохани,
Море еще круглей!

Мы знаем успехи в спорте,
Мы помним о физзарядке,
Но все: и регбист, и стайер,
И лодочник над рекой —
Думаем мы о Скотте,
О Скотте Фицджеральде,
О том, как он поставил рекорд.

<1960-e>

АНТИТОЛКУЧКА

Андрею Вознесенскому

Что продаешь? Отсутствие ноги?
Так поживее! Циник и пролаза,
Соперник твой, — уже стоит без глаза,
И без голов сбегаются враги.

Да, выдался у нас базарный день!
Тут, видно, все: раб притащил свободу,
Кукушка — материнскую заботу,
Столица — тишину, пустыня — тень.

А вот и я в сторонке достаю
И предлагаю вашему вниманью
Нехитрые товары: пониманье,
Ее любовь, веселую семью...

Ну что ж, добавим молодость мою.

<Середина 1970-х>

АНОНИМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Отсвет имени на строчке
В сотни раз прекрасней слова.
Я ничем вам не помог, мои слова.
Чтобы вам не согнуться снова,
Не пропасть поодиночке,
Друг за друга вы держитесь, как трава.

<1975>

ПЕСЕНКА МЕНЕЛЯ

* * *

Тогда скажи им так:
«Вот был один дурак,
Смеялся, пел, вертелся,
Потом куда-то делся...»
Москва, скажи им так.

А то не говори
Ты, круглая дорога,
Ты погрустишь немного.
Денька хотя бы три?..
А им не говори.

Бывали дни похуже.
Безбрежность вод морских
Напоминали лужи,
Потом не стало их.

<1978>

* * *

...И выплыли, выплыли, знаешь,
Туда, где таился восток,
Та парочка, за руки взявшись,
Солдат, ухватясь за винтовку,
А я — вот за этот листок.

<Середина 1970-х>

КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛЬС

Мимо рассветов прошел и закатов
 И не разведал секретов твоих:
 Где дирижеры берут музыкантов,
 А лейтенанты берут рядовых?

Что всё же понял — список ролей:
 Этот инкогнито. Тот без признанья.
 Есть отреченья. Известны изгнанья,
 Но не встречается некоролей.

Только шагни, за тобою встают —
 Даже оглядываться не стоит —
 Верное войско твое молодое,
 Сомкнутый строй, строгий салют.

Так как, однако, и экстренных мер
 Хоть раз в неделю мало, к несчастью,
 Кто кое-как управляется с властью,
 Кто не справляется. Я, например.

Но выжимая эту войну,
 Эту страну, засуху эту,
 Я всё равно готовлюсь к ответу,
 Даже когда и не тяну.

Так что начнем. Донесения. Сбор.
 Карту. Резерв. Глубину обороны.
 Ниже знамен разлетались вороны,
 Давит виски головной убор.

<1975>

* * *

То хохочет, то подсказывает глупо.
Разлетелся, объяснил, предусмотрел!
Деловит он, будто он директор клуба,
Знать не знающий, что клуб уже сгорел.
Все умрут, и, как положено, — под камень.
Ну а этот так и будет всё равно
Успевать, не успевать, махать руками,
Пересказывать в автобусе кино!

<1970-e>

* * *

Не только голубые тени
В снегу сумеете различить,
Но зелень вьющихся растений
И рек струящуюся нить.

Снежинок кружево сквозное,
Спускающееся с небес,
Несет в себе предвестье зноя
И птицами звенящий лес.

Не только лыжи и салазки,
И дым из труб от стужи толст, —
Зимой весны далекой краски
Напращиваются на холст.

<1970-e>

* * *

В пространстве холода и сини,
Что называют январем,
Над средней полосой России
Побольше солнца соберем.

Пронзенные лучами дали
Расскажут пусть в любом дворе,
Что никогда не наблюдали
Такого солнца в январе,

Чтоб в звонком воздухе высоком
Так свет ломался и сверкал
В осколках льда, в ладонях окон
Пинг-понгом городских зеркал.

Сыграв отчетливо и резко,
Стремился месяц в этот раз
Кристаллом ясности и блеска
Остаться в памяти у нас.

<Середина 1970-х>

ПЕРВОЕ МАЯ

Я бродил, увлекшись праздником,
Не глядя на часы.
Надвигая первоклассникам
Фуражки на носы,

Тротуаром, будто бережком,
Напевая ерунду,
Улыбающимся девушкам
Кивая на ходу..

<Середина 1970-х>

ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ

1

Давайте запомним точно:
Нет больше вьюг...
Так далее... И цветочки
Уже вокруг.

И преподаёт в танцклассе
Ритм бытия
Принцесса с наколкой: «Вася!
Навек твоя!»

2

...Сияет, наглая.
И вдоль разбитой мглы
Навалом ангелов,
Как на конце иглы.

Бледнее кризиса
Дрожит неровный свет,
И утро близится,
А, может быть, и нет

<Середина 1970-х>

* * *

Бог людей, Бог людей
На меня во гневе страшном.
Он грозит мне днем вчерашним —
Я дрожу, как лиходея.

Бог котов, Бог собак
На меня взирают немо.
Оцинкованное небо —
Наша крыша, как-никак.

Но меня прощает он,
Выскользнувший из-под коды,
Председатель всей природы
Бог крылатый Махаон.

29 июля 1995,
Суббота

ПОДПИСЬ К СНИМКУ
23 июня 1973

День один, одна река,
Два такие же крючка,
Два похожих червяка,
Брат, как я, готовится:
Он забрасывает влёт.
Я забрасываю влёт..
Так почему же
всё-таки
у него клюёт,
А у меня не ловится?

* * *

Говорю: — Среди природы...
Говоришь: — Сойдет и тут.
Говорю: — Проходят годы.
Говоришь: — Пускай идут.

Говорю: — Не хватит света.
Говоришь: — А есть и мрак.
Говорю: — Зачем мне это?
Отвечаешь: — Просто так.

25 мая 1978

* * *

Зря его только по свету мотает.
Он и не должен уже ничего.
Темной и медленной славе его
Смерти его не хватает.

<1978>

В ЮЖНОМ ГОРОДЕ

Проходит девушка по городу.
Так строги черные очки,
Так независимо и гордо
Пощелкивают каблучки.

А девочка сидит на лавочке,
И парень встал, как над огнем.
И символические плавочки
Краснеют трепетно на нем.

А женщина стоит на палубе
И, в куртку кутаясь плотней,
Всё думает: а вдруг достала бы
Волна, ревущая под ней...

И море, море, море горькое
Вливается во все края
И стискивает город горсткою,
Где солнце,
Люди,
Ты
И я.

<Середина 1970-х?>

ЛЕТО 1972 ГОДА

Господни ангелы, лазутчики со звезд,
И бывшая жена смотреть могли спокойно:
Неделю пятую я вел себя достойно —
Не раскисал и чепухи не нёс.

Но слезкой их назойливой томим
(Гуляешь, а с тебя снимают мерку!),
Я мог пройти любую их проверку,
Но сам не собирался верить им.

Хотя и шли бесплотные стада
Сгоревших роц сквозь город от Каширы,
Троллейбусы не то чтобы спешили —
Всё было даже слишком, как всегда.

Тянулась операция «Жара»,
И кто б там ни сопел и ни старался,
Проигрывать и я не собирался:
Возможно, шла последняя игра.

<1981>

НОЧНАЯ ПТИЦА

Перетянул.
Перетерпел.
Вот и послушай
Новый мотив:
Был ты не промах.
Сладко ты пел.
Что же ты жив?

Всё понимаешь
Ты по ночам —
Молча лежишь,
Знаешь тайком,
Так уж обиды
Ты не встречал?
Так уж с неправдой
Ты не знаком?

Чем же ты горд?
И чему же ты рад?
Перед собою
Сам распрямись.
Если живешь —
Хаживал, брат,
Как на медведя,
На компромисс.

Сколько их было,
Комнат стальных,
Мелких годов,
Крупных минут...

И не кивай
На остальных —
Пусть на тебя уж
Лучше кивнут.

Что-то ты понял,
Что-то видал.
Мог бы утратить
Милый наив.
Не прекращался
Старый скандал.
Что же ты жив?
Что же ты жив?

1980

* * *

Странно: пусть не на войне,
Никакая не атака, —
Но от гриппа или рака
Умереть дано и мне.

Были дни мои не резки,
Я чрезмерного не знал,
И трагический финал
Не подходит к этой пьеске.

Огляжу свое житье
Посреди забот субботних...
Отчего Политработник
Верит в мужество мое?

Отчего он так уверен,
Что среди житейских дел
Предназначенный удел
Нам к лицу и соразмерен?

До чего мы тут дойдем,
Что ломаем, что построим,
Раз уходят негерои
Героическим путем?

<Лето 1981>

ПЕСЕНКА МЕНЕЛАЯ

Закончилась Троянская война.
Вернулась в дом усталая жена.
Ей больше, может, нравился Парис —
Но победили греки, покорись.

Ахилл, Аякс, и Гектор, и Приам
По Елисейским разбрелись полям,
Сгорела Троя, ужас затая,
И обеднела Греция моя.

В моей квадратной комнате живет,
Обед готовит, стелет, ест и пьет
Семи царей несбывшийся каприз,
На десять лет состарившийся приз.

Я в каждый из имеющихся дней
Обязан быть счастливей всех мужей.
Ведь если ты обычная жена —
Зачем была Троянская война?

<Начало 1970-х>

В БОЛЬНИЦЕ

— Прохаживался. Шутил.
Свершал отступленья от правил.
И что-то с собой захватил,
А что-то, как видно, оставил —

(Так я размышляю о том,
Кто раньше здесь спал и обедал.
Сюда поступивший лишь в среду,
Ведь я не на месте пустом) —

Оставил в щелях и пазах,
Которых, наверно, немало
В палате, в столовой, в глазах
Клиентов и медперсонала.

Пока тут привыкнешь, как те
Тебя уточняют глазами,
Ты в чьей-то чужой теплоте,
Как в краденой, что ли, пижаме.

<Январь 1976. Боткинская больница>

КОРИДОРЫ

Лампы, кафель, под березу обшивка,
Пара кресел по укромным местам —
Это, в общем, небольшая ошибка.
Это может быть как здесь, так и там.

Ах, в конце концов, ведь всё это форма!
Словно тихое вокруг колесо.
Только там не может быть телефона.
Он один и гарантирует всё.

И ходите — углы огибайте,
Среди окон, полов, потолков.
И монетки в кармане сгребайте:
Вон их сколько, штук на десять звонков.

<Январь 1976. Боткинская больница>

ЭЛЕГИЯ

Всё глубже мир Фармакопей.
В него подобием струи
Растенья, знахари и змеи
Несут сокровища свои.

И потрясенные народы
В нем обретают свой покой
От страха, от плохой погоды,
Мужских забот и женской моды,
От дыма, что струят заводы,
От мысли, что проходят годы,
От качки лётной и морской.

Но нам-то что до сих материй?
Звонков, расчетов бухгалтерий,
Уходов жен, приходов жен,
Землетрясений, ураганов
И в переулках хулиганов?
Наш быт больницей окружен.

Фармакопея здесь царица.
Она уже давно стремится
Весь мир собою заменить.
Там снег идет, там чей-то локон,
Но это за преградой окон.
А мы-то здесь. Наш корпус — кокон.
И всё прочней и толще нить.

Здесь беспокоиться не стоит.
Всё пустяки, что беспокоит,
Что нас печалит, что страшит.
Вот-вот обход. И врач спешит.

С семьей, с работой, с пятилеткой
Все трудности одной таблеткой
Отменит, снимет, разрешит.

Мы засыпаем. Полшестого¹.
И время тоже полшестого.
Рассвет или закат — пустое.
И призрак корпуса шестого²,
А вслед за ним двадцать седьмой³ —
Растаяли. Мы засыпаем.
Домой не просимся. Мы знаем:
Мы прибыли к себе домой.

<Январь 1976. Боткинская больница>

¹ Состояние органов.

² Сумасшедший дом.

³ Морг.

БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО

А мы тут ближе ко вторым воротам.
И хоть дорожка в общем-то одна,
Вам не видна она за поворотом,
А нам до поворота не видна.

Мы не скучаем, мы не голодаем.
Мы в десять спим, встаем примерно в семь.
И тишину всё лучше соблюдаем —
Когда-нибудь научимся совсем.

<Январь 1976. Боткинская больница>

РЕАНИМАЦИЯ

Третьи стихи с цитатой

На свете счастья нет, но есть покой и жажда,
Реанимации не злой, но страшный суд.
Тебе там не дадут глотка воды однажды,
Но там тебя спасут.

А я-то думал, там сплошная заграница —
Мигают лампочки и ангелы скользят,
А там ночь долгая... А там «Попить, сестрица!»
И тихо: «Вам нельзя».

<1995>

* * *

Не дочитываю книг,
И уже не дочитаю.
Всё равно, наступит миг —
И без них я всё узнаю.

Всё узнаю, всё пойму.
Только вот неинтересно,
Что там станет мне известно
В тесноте и одному.

<Начало 90-х>

* * *

Белле Ахмадулиной

Девчонке хочется несчастья.
Ей беды детские не в счет.
Оно встречается нечасто,
И ей не встретилось еще.
Она не слушает приёмник
И не гуляет дотемна.
«Наверно, я у нас приемыш», —
Сидит и думает она.
А что отец лежит в инфаркте,
И мать на кухне устает,
Так ей пока что в этом факте
Чего-то всё недостает.

<1975>

* * *

Если вдруг пойти в аптеку,
Лечь на полку среди склянок,
Несомненно скажут те, кто
Вас увидит — это странно.

Равно как себя по почте
Отправление на Север
Будет понято не точно
И одобрено не всеми.

В силу этих обстоятельств
Как несмелым и неловким
Нам приходится стоять здесь
На трамвайной остановке.

В телефонной грехась будке,
Напевая серенады,
Ждать трамвая так, как будто
Никуда спешить не надо.

<1970-e>

**ПОЗНАКОМЬТЕСЬ
С АЛЕКСАНДРОМ АРОНОВЫМ**

Подражание английскому

К нам пришел Александр Аронов.
И понравился сразу не всем.
Тем отдельных никак не затронув,
Он коснулся ответственных тем.

Иногда он бывает спокоен.
А пройдет две недели — чудак,
Боже мой, говорит, боже мой, он,
Как же так, говорит, как же так.

Часто бабушки на перекрестках
Уважительно прячут внучат,
Когда книжки несет он в авоське,
Что-то громко при этом шепча.

Он не то чтоб решительней тигра,
И, пожалуй, внушительней слон.
Но зато оглушительно тихо
В тех местах, где отсутствует он.

<Начало 1970-х>

* * *

Последний день я прожил хорошо.
Стройны его часы, как колоннада.
Куда давно мечтал пойти, пошел
И не пошел туда, куда не надо.

Когда уже он прошумел на треть,
Я спохватился, я расхохотался.
Успел разок на небо посмотреть
И кое-что доделать попытался.

Не думал я, как стану умирать:
Ведь всё равно мы к этому готовы.
Меня просили что-то там соврать —
Я извинился: в этот день? Ну что вы.

Тебя любить мне не мешала тень
Ни суеты, ни ревности, ни сплетни.
Я прожил хорошо последний день.
Теперь бы мне еще один, последний.

4 августа <1984>

НЕЭВКЛИДОВА ЛИРИКА

* * *

Совсем в другой системе
Живут другие, но
Простое наше время
Для тех других — вино.

И каждый, кто захочет,
К хозяйке подойдет:
— Плесните мне часочек!
— А мне, пожалуй, год.

Бокалы поднимают,
Постукают — звенит,
И пьют, не понимают,
Чем так оно пьянит.

<Начало 1970-х>

СЕМИНАР

— Первую жизнь играть с огнем,
Следующую — вести дневник,
Третью жизнь разбираться в нем
И подойти к написанию книг...

— Вы не поверите, я бы мог,
О уважаемый педагог,
Вообразить, что всего одна
Сразу, допустим, на всё дана...

— Дерзость и глупость, мой юный друг,
И ни на что не похожий вздор,
Верьте опыту, до сих пор
Не помогали в сфере наук.

<Середина 1970-х>

ДЕТСКОЕ

Скажите, а вы все
Не в заговоре, нет, —
И с дверью, и с шоссе,
И с грудой планет?

И, обернувшись вдруг,
Я не поймаю сам
Тот взгляд, каким ваш круг
Обменивается?

Иль за кулисы дня,
Присвистнув и без слов,
Взгляну — как до меня
Козьма Индикоплов?

Всерьёз — порядок слёз,
Жары, улыбок, гроз?
И ты ушла — всерьёз?
И мы умрем — всерьёз?

Иль, ваш экзамен сдав,
Я из соседней тьмы
Услышу: — Ты был прав.
Теперь и ты, как мы.

<Начало 1970-х>

ГОСТЬ

Мне нравится ваша планета
И воздух ее голубой.
И многое — в частности, это,
Как вы говорите, «любовь».

Вы всё объяснили искусно,
И я разобрался вполне.
Мне очень понравилось «грустно»,
И «весело» нравится мне.

Я понял «скучать», и упорно
Я стану стремиться сюда.
А ваше «целую» и «помню»
Нам надо ввести у себя.

Ваш «труд» — это правильный метод,
И мудрая выдумка — «смех».
Одно мне не нравится, это —
Что вы называете «смерть».

<До 10 марта 1968>

ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

Потом они себе второй закон
На площадях прибили темной медью.
Ошибка, гнев, неправильный поклон,
В чем ты был дерзок, что нарушил он —
Всё одинаково каралось. Смертью.

Но не ввели ни плахи, ни меча,
Ни скопом не казня, ни в одиночку,
И у невидимого палача
Любой преступник получал отсрочку.

«Жесток иль слаб сего закона нрав?» —
Смущались поначалу души граждан.
«Так будет с каждым, кто бывал не прав...»
«Так будет с каждым, кто...»
«Так будет с каждым...»

И дешевели старые долги,
И медленно яснеть как будто стало.
Всё вздор — вражда. Какие там враги?
Того, что все умрем, на всех хватало.

<1975>

ПРЕДВЫПУСКНАЯ ЛЕКЦИЯ

Порою они находятся среди переводчиков.
 Реже — библиотекарей, бывает — учителей.
 Мало поможет вам курс различия почерков
 И спецсеминар о наличии в рукописях полей.

Тонкий привкус достоинства, возможно, будет
 существовен,
 Но и ему бы я тоже не слишком-то доверял:
 Случается их обнаружить в таком положении и месте,
 Где железобетонный робот терпенье бы потерял.

Будто бы несколько реже женщины, чем мужчины,
 Не знаю, не уверен. Подростки и старики.
 Мы так подходили и эдак. Ничем они не отличимы.
 Но вы пройдете вселенную ради одной строки.

Вас много лучше учили. Я не забываю этого.
 Вижу все ваши мысли, никого не виню:
 «Практически он не может ничего посоветовать —
 Чёрта ли тратить время на всю его болтовню?!»

В складе старого хлама, историей именуемом,
 Отцветшая кровь, скука, перелистывание вотще.
 Бесплоднейшие усилия следуют неминуемо,
 И вы еще усомнитесь, стоило ли вообще.

Знать не желаю, кто мы — ученые, боги, практики, —
 Но все живущие в помощь вам двинут свои труды,
 Ибо ценней минерала не встречается в данной
 Галактике:
 Там есть эманация цели для атома и звезды.

А я уже сделал карьеру. Мой индекс войдет
в бессмертье.
Вам я читаю лекции, во-первых, а во-вторых,
Сколько цивилизаций удержал я на этом свете,
Однажды найдя Марию Сергеевну Петровых!

<Середина 1970-х>

* * *

Тане

В трех правых мирах и в трех левых мирах
Сегодня сидят на высоких пирах,
Но смеха не слышат они за стеной,
В том мире, где ты поселилась со мной.

В трех верхних мирах и в трех нижних мирах
Сегодня крушение, горе и страх,
Но вечер торжественный и голубой
В том мире, где мы оказались с тобой.

На всех по дорогам несутся парах
В трех прошлых мирах, в трех грядущих мирах.
В лесу, через поле, в горах, над рекой —
И только у нас тут с тобою покой.

Здесь только натянуты, будто струна,
Вниманье, спокойствие и тишина.
Одни мы с тобою, и мы не одни...
Какие у нас невозможные дни.

13 сентября 1984

СЕМЕЙНАЯ БАЛЛАДА

Мамы нет... Исчезла сумка...
Вход защелкнул на замок...
Инопланетенок Тумка
Почему-то одинок.

Поглядел в иллюминатор,
В синий воздух городской —
За окошком терминатор,
То есть вечер над Москвой.

Звезды редки. Тучи мелки.
Непонятные края.
Не в своей сидишь тарелке,
Хоть тарелка и своя.

И, помедливши немножко,
Он решается уже
Заглянуть в одно окошко
На десятом этаже.

Он воспитан, но не очень.
Чтоб куда-то время деть,
Этот Тумка очень хочет
К нам в квартиру подглядеть.

В струях, туго заплетенных,
Корпус к дому подведя,
Тумка-инопланетёнок
Тихо смотрит из дождя.

Это было б нам сюрпризом,
Если б знали мы в тот час:
Мы смотрели телевизор,
Ну а он смотрел на нас.

Перед ним окно, как рама.
В раме несколько людей.
...А когда вернется мама,
Тумка всё расскажет ей:

— Всё чудесно, незнакомо.
Удивляет, знаешь, что?
Мама дома. Папа дома.
Не ругается никто.

Существо другого мира
Будет помниться, друзья,
Наша мирная квартира,
Наша дружная семья.

...Не увидим мы, летят как
В путешествие свое
Мама-инопланетянка,
Тумка около нее.

Он увидит всё на свете.
А домой вернется он —
На совсем другой планете
Будет вынесен закон:

Чтобы взрослые и дети
Не ругались никогда.
Чтобы взрослые и дети
Собирались иногда.

Пусть любой по вечерам
Семьи дружные застанет —
Если как-нибудь заглянет
В переплет оконных рам.

<1960-e>

СКАЖИ, ЗЕМЛЯ

Куда ты, девочка, попридержи,
просить твой бег не стану, миг — и нету,
но знак подай, но что-нибудь скажи,
знак, пол-улыбки, дальнюю примету,
чтоб вспомнить мне, чтобы узнать, со дна
той самой темноты, изнемогая —

«Две шляпы у меня: с лучом одна
и черная в горошину другая».

2 часа ночи 29 мая 1975

* * *

Тане

Уроки космоса —
 Что нет в нем ширины,
 Несется комната,
 За ней увлечены
 Те, кем мы брошены,
 И те, кто брошен, и
 Всего хорошего,
 Любимые мои!

...А нам рассказывали,
 Будто здесь — привет! —
 Узлы развязаны,
 Нет верха, низа нет,
 Но те, кто брошены,
 Опять сегодня здесь.
 Не стало прошлого,
 А всё, что было, — есть.

От тяготения
 Уйдя вдоль пустоты,
 Летел из тени я —
 Летишь из света ты.
 Здесь шум отсутствует,
 Но в дальнем вираже
 Ладони — чувствуешь? —
 Притянуты уже.

И только спутаются
 Улицы во мгле,
 Мы, моя спутница,
 Вдвоем на корабле.

Какие признаки,
Что тут не сон, не бред?
А эти призраки,
Летящие вослед.

Ишь, авиаторы,
Взлетают по волнам,
В иллюминаторы
Заглядывают к нам,
Ныряют в замети
С зонтами и в пальто —
Речь не о памяти,
И не исчез никто.

Гляди, за ставнями,
В рассвет погружены,
Твой муж оставленный
И две ничьих жены.
Я не отдам тебя,
Наш путь необратим! —
Одна гарантия:
Пока живем — летим.

<Осень 1981>

ПЕСЕНКА О ТЁЗКЕ

Ни стран, ни городов у Александра.
А он в победах был неутомим.
Наверно, это было бы досадно,
Когда б случилось только с ним одним.

До тридцати пяти годов
Не досражался и готов.
И с этих пор уже ни стран, ни городов.

Зато он пылью стал, послушной ветру.
И это получилось хорошо.
Он мог теперь лететь по белу свету,
Куда с боями так и не дошел.

Текла вода, росла трава
И открывались навсегда
Ему все страны и любые города.

Я тоже был выносливым и вздорным,
И добивался той, кому не мил.
Но мы еще свое упрямство вздернем
И выслушаем, что нам скажет мир.

Мир говорит, что он таков,
И нам не хватит ста веков,
Чтоб увидеть его при помощи штыков.

<1960-e>

* * *

А. А. А.

А эта женщина жила,
Когда скрывались мы в прихожей,
Случалось, плакала она,
Но и насвистывала тоже,

Пока во глубине зеркал
Запаздывали расставанья,
Пока нас Сталин отвлекал
От ужаса существованья.

<1988>

* * *

Ну хорошо, пусть мы уйдем.
Но раз-то в год. Ну пусть в два года..
Какая на Земле погода?
Что стало с другом? Что с врагом?

Ну хорошо. Наш пробил час.
Другим все радости на свете.
Но дети наши, наши дети —
Как всё же там они без нас?

<1975>

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Стоит бесконечное лето,
Поля неоглядно длинны,
С рассвета светло до рассвета,
Когда мы приходим с войны.

И между подруг синеоких
В том круге, где времени нет,
Сидим на скамейках высоких
И пьем нескончаемый свет.

Под нами салюты взовьются,
Сводя свои руки в замок,
Чтоб как-нибудь дотянуться
До стоптанных наших сапог.

И кто ж это вспомнить захочет
В бескрайней сверкающей мгле
Тот черный промерзлый окопчик,
Где кончился путь по земле.

<1986>

* * *

А мне бы почта полевая
Опять письма не принесла,
Мне б измена тыловая
Помимо прочего ждала.

Одних чего-то ранят часто,
К другим цепляется сержант..
И к пуле, и к грызне начальства —
И к этому есть свой талант.

Ну что, измена? Плакать, что ли?
Ведь тоже следствие войны.
Мне б никакой отдельной боли
Не полагалось от страны.

<1975>

МАРКИ

Тиме

А может быть, марки вот так разложить —
 Сначала — потом — и на третье, —
 Чтоб расположеньем уже предложить
 Концепцию хода столетий?

Но марки-то лягут, согласья полны,
 Чернея, краснея, белея.
 И между боями кровавой войны
 Поместятся их юбилеи...

...Нет, дай-ка положим людей на подбор —
 Портретная ровная стенка:
 Дзержинский, Руссо, Робеспьер, Косиор,
 Мичурин, Вавилов, Лысенко.

Мой парень плечом ко мне тесно приник
 И в щеку внимательно дышит.
 Моих рассуждений, пока я про них
 Молчу, он, конечно, не слышит.

Он верит, что я-то уж знаю, как жить,
 И к мудрости взрослой ревнует...
 А что если марки нам так положить,
 Чтоб синюю с синей — и ну их.

<1974>

РАЗДУМЬЯ ЛУНИНА

Вот способ сохранения любви.
Живой живет, он так непостоянен,
Так непохож, так сдвинут, даже странен,
Почти не тот, хоть и́наче зови.

Вот способ убережь от ветра честь.
Здесь, наверху, почти всё время ветер,
Здесь на ветру, на голом этом свете
Так трутся буквы, — имя не прочесть.

Вот ближний путь для славы навсегда.
Те, кто так говорит, конечно, правы.
Одна беда. Там нет любви и славы.
А честь? Пожалуй... Честь, пожалуй, да.

<1982>

ДВУНОГИЙ СТОЛ

Александрю Кушнеру

У этого стола две ножки на земле.
Он сделан ласково, с привычкою к порядку.
Присаживайся, ну, клади свою тетрадку,
Не думай ни о чем. Тетрадка на столе.

Понятно, кое-что покоя не дает,
Подмигивает так и дразнится немножко:
Удобен, прочен, прост — а всё же чуть не тот:
А третья где его, четвертая где ножка?

Ну что ж, насвистывай, коль уж не можешь так,
Расслабься, сделай вид, что всё почти понятно.
Он, в общем, кухонный. А есть еще верстак.
А где-то письменный. На Мойке, вероятно.

Ты, главное, присядь, скреби свое с утра.
Опора есть, и всё. Не думай слишком много.
Уж с полчаса визжит рубанок у Петра.
Ах, строчка, стружка-кружевце, дорога.

Куда б она теперь тебя ни увела,
Чего б она потом еще ни захотела —
Две ножки на земле у этого стола.
Он не шатается? А там — какое дело?

15 мая 1987

* * *

Что сказать мне о поле вам Куликовом?
В стане я пробудился опять татарском.
И мой слабый дух подстегнули там грязным словом
И воинственным кличем, который слегка потаскан.

Благодать знатокам победных великолепий,
Для себя мы в истории правого дела ищем.
Но ведь кто-то был должен прийти к той речке из степи
И своими телами заполнить Мамаевы тыщи.

А когда железо ударилось о железо,
Хорошо, оно оказалось острее бритвы,
И с таким облегченьем дал я себя зарезать...
Вот и весь мой вклад в исход Куликовской битвы.

<1980>

* * *

Что говорил вам внезапный гость
В том грозовом июле?
— Жидкость не помнит удара.
Гвоздь
Ржавеет там, где гнули.

<Середина 1970-х>

* * *

Родился —
Шла Столетняя война.

Женился —
Шла Столетняя война.

Жил, думал —
Вот скоро кончится она,

А умер —
Шла Столетняя война.

<1970-e>

ЭПИЗОД

Стенька Разин победил.
Громко в трубы вострубил,
А кого не убедил,
Тому голову срубил.

Даже матушку-столицу
Государыню Москву
Перенес к себе в станицу
По домишку, по мостку.

От Саратова до Польши
Не сочтешь его полков.
Оказалось, даже больше
Казачков, чем мужиков.

Все кричат: — Давай нас жалуй!
А иначе власть к чему? —
Оппозиция, пожалуй,
Больше по сердцу ему.

Началась большая пьянка.
Шло казачество ко дну...
Атамана персиянка
Утопила на Дону.

<1970-e>

ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС

В моей стране жилищный кризис.
Мы в комнатенке не вдвоем:
Живем мы, с Родиною сблизясь,
Мы с ней ложимся и встаем.

Бескрайние ее просторы,
Здесь, между стулом и стеной,
Ее поля, леса и горы
Всегда общаются со мной.

Не знаю, надо иль не надо,
Но в нашу хлипкую кровать
Приходит на дом мирный атом
И остается ночевать.

И если выпадет минута
Коснуться милого плеча,
То это можно почему-то
Через Федота Фомича.

Привили мы своей надежде
Диалектический талант:
— Федот Фомич не то, что прежде,
Гораздо лучший вариант.

<1988>

СПЕШУ НА ДАЧУ

Когда Бирнамский лес шагнет на Дунсинан...

Дождь. Авоська. Холод. Свертки. Ветер.
Транспортный, потом перронный бег.
Оглянись! Ты на котором свете,
Дачный муж, серьезный человек?

Электричку взять ты хочешь с бою,
Весь в заботах, словно в мелком сне.
Тридцать лет слежу я за тобою —
Не сказать, что ты понятен мне.

Что ты мчишься, глупый и отважный?
Втянут нас и перетрут миры,
Если мы в занятиях самых важных
Потерям отблески игры.

Встань. Вернись. Иди в буфет щербатый,
К пьяницам, толпящимся в тепле.
Проникай, неловкий соглядатай,
В заговор живущих на земле.

Твой бегущий моментальный снимок
Щелкнет память и отправит вниз...
Сколько там гримас, прыжков, ужимок!
Влез в вагон? Теперь хоть оглянись:

С саженцами всяческой породы
От присевших в панике небес
Мчат на электричку садоводы,
Как внезапно тронувшийся лес.

<Первая половина 1970-х>

ОТРОЧЕСТВО

Экскурсия

Всё это здание наше несложно.
Можно в него? Разумеется, можно.
Пусть только сдать не забудет никто
Шляпу, профессию, возраст, пальто.

В первом же, самом парадном покое
Запрещено оставаться в покое.
Можете прыгать на стол и окно.
Чинно вести себя запрещено.

Новую дверь приоткроем слегка.
Что там такое? Обвал потолка?
В зал не вмещаются крики и медь.
А, запрещается здесь не шуметь.

Дальше другие идут помещения.
Только там новые ждут запрещения.

Если вас всё это дикое стадо
Мучит, пугает, в кошмарах преследует,
Дальше вам, видимо, лучше не надо.
Право, не стоит. Считаю — не следует.

Если ж готовы, пойдёмте со мной.
Что там за новой, за новой стеной?

<Начало 1970-х>

ПЕСЕНКА ШМЕЛЬКОВА

Ну и что, что двойка!
Всё равно не прав учитель,
Всё равно не прав директор,
И роно, и гороно...
А вы не видели,
А раз не знаете — молчите,
А я хороший,
А я хороший всё равно.

Не боюсь Рябого —
Охота связываться было!
И пускай он всех колотит
Целый день и целый век...
Вот если б дали мне
Сейчас живого крокодила,
То все б узнали,
Какой я храбрый человек.

Не надену шапку,
Никого не буду слушать.
Мне нужна совсем другая,
А не эта ерунда.
Пойду на улицу,
Отморозу себе уши —
Пускай отмерзнут,
Вот вы узнаете тогда!

<1960-e>

* * *

Тебе лично

Если б ты на этом свете
Был один подвластен смерти,
А другие, то есть мы,
Жить всё время оставались,
Тут ни с чем не расставались,
Избежав предвечной тьмы, —

Как бы мы тебя любили!
Что попросишь, — раздобыли,
Сострадав и скорбя,
Начиная сразу с детства,
Не могли б мы наглядеться,
Наглядеться на тебя!

...Но ведь так и происходит:
Человек один проходит,
Мы, другие, — это род,
Род ведет свою дорогу
И пока что, слава богу,
Он живет, живет, живет.

Так что в полночи и в полдни
Понимай, и знай, и помни:
Ты у нас любимый гость.
Всё тебе — привет и ласка.
Остальное — только маска:
Равнодушие, скука, злость.

<1983>

* * *

Я был внутри. Я видел нить
Последнего стального цвета,
Которой держится всё это...
Я не умею объяснить,

Но силы неба и земли,
Как преодолевая пытку,
Всю вечность рвали эту нитку,
Но так порвать и не смогли.

<1989>

НАЗИДАНИЕ

Подражание В. К. Т.

Годов, столетий остерегайся,
Столь они скудны.
Внутри мгновенья располагайся,
Внутри секунды.

Доколь откладывается свиданье
В мартовский вечер,
Не сетуй милой на опозданье,
Живи до встречи.

Не жди от жалованья обновки
Яркой да тленной.
Нейдет автобус — на остановке
Займись Вселенной.

Сует смятеньем не напрягайся,
Сдерживай рвенья,
Внутри секунды располагайся,
Внутри мгновенья.

Душа надеяться не отстанет,
Шита на вырост.
Зря месяц денется, день обманет,
А миг не выдаст.

4 июня 1975

* * *

Свой третий век переживают ели.
Летучие слова везде окаменели.
Толпою, как песком, отполирован путь.
А там под дождиком уже поля продрогли,
И дуб к ветвям становится подробней,
Чтоб перед снегом в небо заглянуть.

<1978>

ЗАПОВЕДИ КАРАТЕ

Успей до драки разглядеть врага.
Уверенно ль поставлена нога.
Готовы ли уже для боя руки.
Успел ли оклематься от разлуки
С той, что ему как воздух дорога.
Как он хотел с растерянным лицом
Достойным стать мальчишеского круга,
Как с матерью не ладил. Как с отцом
Они вот только поняли друг друга.
Как скупо было счастье у него,
Едва ли две короткие недели.
Как он шептал: да ладно, ничего...
И враг ли он тебе на самом деле.

<Декабрь 1983>

ПРЕДПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ

Немало неотложных дел
У нас текущею весною.
Мы отменили Юрьев день
И сразу право крепостное.

Трудись не покладая рук.
Учи народ его работе.
Мы завели порядок вдруг,
Да вот пейзаже снова против.

Для дела время есть у них,
И час есть для увеселений.
Но говорят, что никаких
Таких не надо поселений.

Ввели опричнину, браток,
Она, глядишь, не для момента.
И отрицательный итог
Нам важен у эксперимента.

Теперь о вере. Не тая —
Язычество царит меж нами,
Пока мы грады и края
Всё награждаем орденами.

Ордынцы налетели тут,
Бормочут что-то бестолково,
И снова руки не дойдут
Никак до поля Куликова.

<1987>

РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ

— Был день мой пуст. Серó тянулась нить.
Тщета гнала и время отнимала.
И всё же я успел не позвонить...
— Совсем немало, о, совсем немало.

<1970-e>

ПЕСЕНКА ПРО ЭЛЕУТЕРОКОКК

Подземный человек
Проплыл два океана
И выскочил на брег
Среди Узбекистана.
Бегом бежит в ларек:
— Скорей, — кричит, — мне нужно...—
А продавщицы дружно:
— Элеутерококк! —

Одна кинозвезда
Склонилась к тромбонисту..
Он был как никогда
От счастья неистов.
Заходит к ней в чертог,
Но сразу шасть наружу..
— Куда же ты? — Мне нужен
Элеутерококк. —

Китайский богдыхан
В том веке был задира.
Ни дня не отдыхал,
Чтоб стать владыкой мира.
Противный был царек.
Буянил и скандалил,
Пока ему не дали
Элеутерококк.

Над крышами села
Ужасная погода.
Такая же была
Уже четыре года.
А жителям — плевков! —

Не пашут, не боронят,
С утра до ночи гонят
Элеутерококк!

Элеутерококк — чудесное растение.
Элеутерококк, в тебе одно спасенье.
Хозяин рук и ног,
И весел, и спокоен,
Кто пьет чудесный корень
Элеутерококк.

<1960-e>

* * *

Нет, не великим, малым стать нужней:
Вместиться в строчку и остаться в ней.

<Середина 1970-х>

МОЦАРТ

Равнинная тихая местность
Куда-то уходит во тьме.
Еще никому не известно,
Что гордость равнины в холме.

А холм и не помнит про это,
Всю ночь его сводит с ума
Резная игра силуэта,
Ведь дерево — гордость холма.

Оно научилось стремиться
В неслышный, старательный рост.
Но гордость у дерева — птица
Среди разыгравшихся звезд.

В кругу мирового величия
Нахохлен пернатый комок.
И музыка эта не птичья,
А веток, пригорка, дорог.

<1986>

ГДЕ ИСКАТЬ

Сойдя на переходе с этой ленты,
У стенки встань и подожди меня.
Девчонки пробегут, пройдут студенты,
И станет чуть меняться время дня.

На службе никого не оказалось,
И дом стоит по-прежнему пустой.
Но что б тебе в тот день ни показалось —
Еще немного всё-таки постой.

Ты знала ведь, что там искать не стоит.
Прошу, прими спокойно всё как есть.
Не огорчайся, друг мой, всё пустое,
Я где-то здесь, наверно, где-то здесь...

И, уходя средь говора и смеха,
В растекшемся пространстве золотом,
Скажи себе: он, может быть, проехал,
А может быть, проедет здесь потом.

<1977>

* * *

Как муж один не знает ни о чем,
Поэт не может знать, что он бездарен.
За вашу дружбу он вам благодарен —
Не ухмыляйтесь за его плечом.

Пусть в самом деле он и слаб, и мал —
Всё это вас не делает веселей:
Он дурачок, и нищий, и веселый,
Он — это я, а вами б я не стал.

<1975>

ЧЕТЫРЕ УРОКА НОЧЬЮ

Учитель Слон твердит, трубя
И топая ногой по фразе:
— Ритм представляет из себя
Догадку о всеобщей связи...

Учитель Крокодил, на мель
Вползя, диктует над рекою:
— Элементарную модель
Вселенной назовем строкою...

Учитель Дождь вошел из тьмы,
Уже с порога повествуя:
— Боль есть свидетельство, что мы
На самом деле существуем...

И говорит учитель Свет,
Перстом тебя касаясь строго:
— Пиши: для нас возврата нет,
И нам осталось так немного.

<1974>

ВТОРЫЕ СТИХИ С ЦИТАТОЙ

Еще любить не миновать,
И увлечение найдется,
Вот разве только ревновать
Мне, вроде, больше не придется.

И, значит, я не заспешу,
Не упаду, не охромею,
Весенним воздухом дышу,
Особой цели не имею.

Апрельский день везде хорош.
Спешить, мне кажется, не верно.
Со мною спутница — ну, что ж,
Ей в ту же сторону, наверно.

Я всё внимательней гляжу
И понимаю понемногу,
Что понемногу выхожу
Один на позднюю дорогу.

<Начало 1970-х>

* * *

Сергею Ниточкину

Как старая сторожевая,
Душа летит, полуживая,
Однажды обогнав свой крик,
Который, помнишь, лишь раздался
И сразу на полтона сдался
И сам к себе почти привык.

Он что-то знает, что-то может,
Его неправедность тревожит,
Он скорби различает здесь.
Ну а она слепа, безгласна.
И если с чем-то не согласна,
То это мир, каков он есть.

И если я не помню цены,
Не понимаю, что со сцены
Несет нам шут очередной,
То, может быть, припав повыше,
Я, наконец, ее услышу
Немою, темною, родной.

<1988>

* * *

*Гляжу, как безумный, на черную шаль,
И хладную душу терзает печаль.*

Пушкин

О чём теперь? Об этой черной шали?
Какая разница, в конце концов, о чём?
Слова задвигались и так легко дышали,
И гулкий мир толпился за плечом.

О городе забыть с постылой властью
Меж бедных потрясателей основ.
И научить еще Россию счастью —
Сдвигать и гнать большие волны слов.

Как день восьмой в шестое время года
Здесь, под рукой, с рассвета дотемна,
Не может быть, чтоб вся эта свобода
Осталась вдруг пуста и не нужна.

Какие б мы проблемы ни решали —
От воли до погибельной войны,
Они сейчас сошлись на черной шали.
И будут, чёрт возьми, разрешены.

<1988>

* * *

— Обычный текст, — сказали ангелы, —
Ни свет вставали ни заря,
Из Полинезии, из Англии,
Похоже, что тащились зря.

Ты покидаешь тучку милую,
С утра несешься в дальний путь,
Чтобы ему через бескрылое
Плечо в блокнотик заглянуть.

А что прочтешь? Что вечер кончится,
Что трудно утру наступить,
Что больше пить ему не хочется
И что не хочется не пить.

Что дали скучное задание,
А так нормальное житье,
И про одну обиду давнюю —
Конечно, как же без нее.

Что часто злится он на девушек,
Тогда как сам бывает плох...
А мы-то ждали, мы надеялись,
Что он нам скажет, есть ли Бог.

<1975>

* * *

Да, пожалуй, и надо бы быть поскромней.
Где сосна, а где пальма... Иные побеги.
Ну, допустим, что не было в жизни коней.
Но прошита зима была скрипом телеги.

Что за дальний напев мою кровь охладил?
И какие ему отвечали припевки?
Неужели я в íзбу никогда не входил,
Не будил среди дня разоспавшейся девки?

Отбыло, откружило и наземь легло,
И струна твоя болью моею задета.
И звезде моего Вифлеема легко
Освещать терема твоего Назарета.

Июнь <1987>

ТУННЕЛЬ

ТУННЕЛЬ

Поэма

*Работа мне нравится эта,
В которой важнее всего
Идти, удаляясь от света,
Чтоб снова достигнуть его.*

Б. Ахмадулина

Конечно, кое-что в этой поэме является плодом фантазии. Хотя ее персонажи — ушедшие и живущие, названные и неназванные — абсолютно реальные люди, начиная с того, чьи идеи послужили толчком к возникновению поэмы, — с Николая Федоровича Федорова (1828—1903), великого, хоть и долго безвестного русского утописта. Человек он был поистине удивительный. Толстой спорил с ним о смысле жизни. Достоевскому он подсказал «Братьев Карамазовых». Циолковский называл его своим учителем. Аскет и бесребренник, отвергавший собственность даже на книги, Федоров ничего не издал при жизни. Его мысли излагали ученики — не исключено, что с искажениями. Тем не менее очевидно, его идеи оказали уже более значительное влияние на нас, чем можно было предположить. Добавим, что при всей невероятности — вдруг?! — может оказаться реальной его концепция: мы не только победим смерть будущую, но и все жившие будут воскрешены.

Во всяком случае, многие предсказания странного мыслителя до сих пор сбывались.

Итак, все персонажи поэмы названы своими именами. Кроме двух.

Один — поэт, которого никто из нас никогда не забудет.

Другая — женщина, которую не забуду я.

1. ГДЕ НАС БРАТЬ

Размышления над старым снимком

«Приспособление Дагера,
Конечно, только полумера.
Но не свидетельствует ли
О странной участи Земли?» —

Так думал Федоров в Ташкенте
Над первым кадром в киноленте,
Которой не было еще
(Но расстояние не в счет).

Уже вставало солнце слева.
Без радости, но и без гнева
Глядел в задумчивости он
На желтый, выцветший картон.

Казалось бы, немного — внешность.
Но вместе с нею будет нежность,
И это первое звено
С последними сочленено.

Как из зерна выходит колос —
Теперь они запишут голос,
Потом движенье сохранят —
Вопрос уничтоженья снят.

Конечно, мы еще не знаем,
Какие звенья допоздна им
Клепать с утра в тугую цепь,
Но уж неотвратима цель.

Теперь — хоть верьте, хоть не верьте —
Сперва не станет новой смерти,
Потом они сойдутся в сад
И всех отживших воскресят.

Прошел старик в чалме из ситца,
На вас городской косится —
Пускай косится, всё равно
Нам всем воскреснуть суждено.

К нам всем, едва глаза закроем,
Придет рождение второе,
Мы оглядимся, пыль стряхнем
В своей стране грядущим днем.

И Федоров невозмутимо,
Узрев всё, что неотвратимо,
Пошел записывать в тетрадь,
Что не опасно умирать.

Отступление

...А всё-таки как она вскинет
Бровями: — Давно? Кто бы мог..
Потом: — Отчего? — и застынет,
Недонатянувши чулок.

Но ты не печалься, прохожий,
Ты с нею, как я, не знаком:
При жизни моей она тоже
Подчас застывала с чулком.

Письмо к Федорову

«Уважаемый учитель,
Ради господ, простите,
Что пишу Вам в сей январь,
Милостивый государь.

Изучил Ваш труд прилежно.
Воскрешенье неизбежно.
Но живых и живших для,
Вижу я, мала Земля.

Нас выводит наше дело
Из обжитого предела,
И не будет знать преград
Предлагаемый снаряд.

Человечество отселе
Жить не станет в колыбели.
Всем воскресшим до поры
Я дарю еще миры.

Я пока не встречусь с Вами.
Ограничимся словами.
Но потом, коль захотим,
Свидимся в миру просторном.
Остаюсь слугой покорным —
Циолковский Константин».

Реплика автора

Не пересказывать. Решать:
возможно ль это, правда ль это?
Фонограф там, кинематограф —
не следующие ль шаги?

Нет, не могу поверить! Бред!
Но — изобретена ракета?!
Безумие. Бессмертны все — и
врали, ничтожества, враги?

Баллада об Указе

Так мы толпимся у входов и касс,
Ждем разрешенья,
Будто бы он и не вышел,
Указ
О воскрешенье.

Знает Указ наизусть большинство.
И по церквам, возгласив торжество,
Хором на Пасху и на Рождество —
Все, за эпохой эпоха, —
Двадцать веков повторяют его:
Поняли плохо!

Так девятнадцать столетий спустя
Освобождали мы здешних крестьян.
Как говорили!
Пышную чушь на банкетах несли.
Не от цепей — от родимой земли
Освободили.

Слово — вначале. А дальше — слова.
Ратник и витязь
Пали под темную власть естества...
Остановитесь!

Вечность, к тебе возвращается век! —
Делом согрета.

А указал нам проход
Человек
Из Назарета.

Голос из будущего

— Вы просите столь немногого,
 Что даже смешно, мой друг.
 В конце концов, сколько ног у вас?
 В конце концов, сколько рук?

Структуры эти белковые
 Не бог весть какой бином.
 Логичные, бестолковые,
 Построены на одном.

Пока что мы двигались ощупью,
 И вывод пришел простой:
 Девятки четыре общего
 У всех вас за запятой.

Потом, конечно, отличия —
 Подробности, стиль, душа.
 И все эти штуки с личностью —
 Довольно неясный шаг.

Задерганные, беспечные,
 Прождавшие нас века,
 Телами вы обеспечены,
 Но это и всё пока.

Что мог, обещал я твердо вам
 Из века так двадцать четвертого,
 Ну или соседнего с ним
 (Увидимся — объясним).

Большая Реанимация
 Пытается произойти!

Почти что вся информация
У нас на руках.
Почти...

Вы жили. Потом вы не жили.
Концы дотянуть — связать.
Вы будете с нами, ежели
Нам скажете, где вас взять.

Отступление

...Значит, ждите, говорят. Что вам века?
Обещали, что потом наверняка.

Ты продрогнешь на таком большом ветру.
Дай слезинку с глаз от холода утру.

Ничего, пока дойдут они до нас,
Старый метод самодельный есть у нас.

Вот и место для прощания — вокзал
Любенеющих, как Хлебников сказал.

Пожелтеет и сгустится на заре
Наше время, ты проснешься в январе.

Ты секунд не различаешь до утра.
Вот гора, прошла гора, опять гора.

Высох, стек, глядишь, опять родился Нил.
Я давно исчез. Тебя олюбенил.

Герой № 1

«...Лирик вел себя примерно.
По французскому был первым.
А окончивши лицей,
Целовал княгиням ручки,
Никогда не пил с получки,
А играл лишь в дурака.

Он всегда писал понятно,
Чистил ногти аккуратно
И боролся с саранчой.

Поднимаясь утром рано,
Он стремился неустанно
Слабости преодолеть,

Стать серьезней, стать приличней.
В результате славы личной
Он трудом своим достиг.

И собранье сочинений,
То, что нам оставил гений, —
Поучительнейший факт...» —

Почему же между строчек
Мы так счастливо хохочем —
Всё не так, не так, не так?!

Почему же с ходу ясно,
Как глупа и неопасна
Эта сладкая вода?

Значит, был он в самом деле,
Никуда его не дели
И не денут никуда?

Вот уж истинно кому
Выйти в день, оставя тьму,
Не составит затрудненья.
Каждое души движенье,
Радость, слабость, сокрушенье,
Жест, усмешка, ерунда —
Да ему и так всегда
Полшага до воскрешенья.

2. ДРУГИЕ

**Арион,
или
Первое, что он вспомнит**

Нас было много.....
Иные.....
.....
Вдруг.....
.....вихорь.....
Лишь я.....
На берег выброшен.....

Баллада о стыде

Мы все экзамен не сдадим.
Но чей-то правнук сдаст.
И будет он стоять один,
Совсем один. Без нас.

Стоять. Молчать. Глядеть во тьму.
И знать ее насквозь.
И помнить всё о тех, кому
Дойти не довелось.

И скажут парню: «Так нельзя,
Взгляни по сторонам», —
Его далекие друзья, неведомые нам.

«Идет заря и рядом с ней —
Другое бытие.
Пойдем, отпразднуем пышной
Бессмертие твоё».

И будет на пиру сидеть
Тот, Кто Экзамен Сдаст,
Не разжимая губ, сидеть,
Не поднимая глаз.

Голос последнего в очереди

...Допустим (среди дня,
Вот так, для разговора),
Хватятся и меня,
Пускай не слишком скоро.

Проснусь я у ольхи
Под дудочку пастушью,
Навряд ли за стихи,
Скорей за простодушие.

Так, значит, это я?
Не чересчур ли просто?
А где мои друзья?
Я только перекресток.

Нескучная родня,
Нежесткое начальство —
Они. Без них полдня
Не мог прожить я часто.

Тем невозвратным днем,
Который там, в начале,
Мы пели об одном
И про одно молчали.

О том, как их любил, —
Подвыпив, увлекаясь,
Я часто вслух трубил —
Теперь не отрекаюсь.

Одно — наверняка:
Мне здесь ни жать, ни сеять
Без Лидки¹, Черняка²,
Без вас, Борис Евсеич³.

Давайте всю семью!
Эй, Кузнецов⁴, ты где?
Где Щекочихин Ю.?⁵
Где Жаворонков Г.?⁶

Не всё ль равно, с кого
Начнут виток маршрута?
Проснусь я от того,
Что близок был кому-то.

А место есть в степи —
И здесь, и остальное?
Нас только зацепи,
Потом не остановишь.

Знакомая Земля.
Уже Некрасов⁷ рядом.
— Привет, есть два рубля.
Пошли. Отметить надо.

**Опять о поэте,
которого воскресят первым**

...Его вопрос давно решен:
Уж если выходить из гроба —
Без Дельвига не может он,
Без Анны Керн не могут оба.

И соберутся там, как встарь,
Пиры, чадаевские речи,
Каверин, Кюхля, Пущин, царь.
И даже тот, у Черной речки.

Заповедь

...Ученый, ты — Время.
К тебе принесло.
Отнюдь не безвредно
Твое ремесло.

Для блудного сына —
Родительский дом.
Потом медицина
И школа потом.

Прими за основу,
Что принцип таков:
Не выкинуть слова
Из песни веков.

Отступление

Вопрос об истории очень непросто и неясен:
Имеет ли смысл увеличивать знания о
Пропавшем, сгоревшем, исчезнувшем сборище басен,
Которое сплошь непонятно и столь же темно?

О нет, не до славных теперь мне побед Александра,
И нет, не до пировых ныне мне горьких побед.
Я сам, я живой, стал историей. Если б и сам я
Мог вспомнить, зачем это всё, раз уж этого нет?

Кому этот камень стиха, этой боли железо?
Чему и зачем эта зряшная ясность нужна
О том, как когда-то слагала такой-то отрезок
Красивая женщина, ныне чужая жена?

Отрезок. Отрезано, значит. От резкости этой
Так хочется не изучать! Неужели нельзя?
Что там происходит, за самой последней победой?
Привет, Александр. Здравствуй, Пирр. Как живете,
друзья?!

Заповедь

Да будет твой закон прямым,
Неотменимым, неизмятым —
Хромого воскрешай хромым,
Горбатого — горбатым.

Не благодетельствуй — воздай
Без липкой щедрости восточной
И добродетелью считай
Лишь пристальную точность.

Пускай дорожкой через сад,
Не в Палестине и не в Риме,
Войдет к Пилату арестант:
— Мы не договорили.

Профессор, лирик, музыкант
Заходят за Великим Кормчим:
— Вы не забыли языка?
Наш разговор не кончен.

Шесть миллионов не просить,
А требовать сойдутся в зале,
Чтоб Эйхмана им воскресить:
Они не досказали.

Вставай, наш враг. А впереди —
Нам больше не до хитрых пыток —
Дверь открывается. Входи.
Встань средь твоих убитых.

3. ОТВЕТЫ И ВОПРОСЫ

Реплика автора

...И слабость ощутив свою,
влетев в такое наважденье,
Укрыться в заросли стиха
под чей-то ямб, хорей, спондей,
Взять пару-тройку интервью
на тему о втором рожденье
И тем хоть дух перевести
решился Ваш корреспондент.

Ночь, ледяная рябь канала,
Аптека, улица, фонарь.

Черняк:

— А потом уж все твои приметы —
Цвет волос, походку, голос, взгляд —
Штатные литературоведы
В срок, тебя не хуже, объяснят.

Хлебников:

— Я умер, я умер, и хлынула кровь
По латам широким потоком.
Очнулся я иначе, вновь
Окинув вас война оком.

Сельвинский:

— И снова умрешь, и появишься снова,
Год ли спустя, миллион ли годов —
Частный случай на вечной основе,
Который мгновенно возникнуть готов.

Аронов:

— Когда серьезные, как дети,
С доверчивостью на лице
Идем в туннель тысячелетий —
Чуть виден свет в другом конце.

Маяковский:

— А если так,
то с подобным неучем
нам и разговаривать не о чем.

Шекспир:

— Не всем мудрецам, Горацио,
приснились еще чудеса...

Окуджава:

— А всё-таки жаль,
что нельзя с Александром Сергеевичем
Поужинать в Яр
заскочить хоть на четверть часа...

Вопрос

...Что значит умереть? Не встретиться нигде,
Вертись хоть сто веков по всяким там орбитам?
И неподвластным быть всем будущим обидам?
И не уметь помочь ни в счастье, ни в беде.

И чтобы мальчик мой теперь меня не знал,
Лишь смутно иногда припоминая?
Что ж, если так — спасибо, понимаю:
Верней, чем я, никто не умирал.

Еще вопрос

...Что чувствует воскресший в первый,
Всё не кончающийся год?
Его подчас подводят нервы,
Себя он как-то не найдет,

Он думает: теперь спеши —
Иль не спеши — в таком вот стиле...
Полпамяти и полдуши
Тебе нашли и возвратили,

Неполноту свою, как сон
 Навязчивый, избыть не может.
 Шагнув, глядишь, застынет он
 И прячет взгляды от прохожих.

Что недоделал он в своем
 Достаточно случайном веке —
 Ему оттягивает веки
 И пребывает с ним вдвоем.

Реплики автора

...Еще хоть несколько минут,
 и на века воспоминаний.
 В конце концов, любовь мгновенна,
 хоть вроде бы конца ей нет.

На набережной океана
 вы встретились, вас понимали
 (Или казалось так), и это —
 событие. Остальное — след.

Я что еще хочу успеть
 спросить, всё время забываю:
 Так как же, значит, он явился
 и, творческий вспомнив путь,
 Всех перечислив, он теперь
 глядит, одну не называя —
 Как в силах он?
 Надолго ль хватит?
 Что скажет он когда-нибудь?

**Что мог бы сказать поэт,
когда его воскресят**

Итак, теперь Ланской?
Почет, покой, успех?
Скажи, какой тоской
Твой легкий куплен смех?

Постой, ты не река.
Мы всё-таки семья.
Я отпущу века.
Побудем, ты и я.

Ты помнишь, как в ночи,
На белые твои...
Ты помнишь? О, молчи,
Не надо, Натали.

Был санок бег. Был сон,
И белый, и немой,
Был путь. И занесен.
И нет пути домой.

Был черный звон. Венок.
Шпалеры у аркад...
Неправда, что он мог,
Щенок, кавалергард?

Не надо про детей,
Я знаю, ты права.
Из всех моих затей
Безумные слова

Остались. И теперь
Не упрекнет никто...
Скажи, зачем тебе
Опять взбрело про то?

Как в мраморном бреду,
 Сквозь губы: «Утоли...»
 ...Что ж, я еще приду.
 ...Как хочешь, Натали.

Последнее отступление

...Обыкновенно в случаях таких
 Я говорю, изобразив усталость,
 Что всё пройдет. Что скрытый крик утих.
 Что уж немного, в сущности, осталось.

С собой свое нося не первый год,
 Сильней мы — правда? — тех, кто только начал.
 Я говорю себе, что всё пройдет,
 И ведь не дольше жизни неудача.

Мне помогало до недавних пор,
 Что всё пройдет. Но вот по нашей смете,
 Втянувшись в поздний этот разговор,
 Я признаю всю бесполезность смерти.

Здесь, в мышеловке бесконечных лет,
 Мы волею-неволей смотрим шире.
 Что ж, выхода и там, как видно, нет:
 Чего мы не решили — не решили.

Так было по-людски — пропасть во тьму,
 Забыть, послать, едрит твою налево!..
 Зато мы понимаем, почему
 Без радости смотрел он и без гнева.

(Так вы не догадались? Он любил,
 В Ташкенте, нет ли, важно, что напрасно.
 Дагерротип глаза ему свербил —
 «Всего лишь внешность»... Солнце шло направо.

Не вынеся безмолвья, разговор
Он начал этот. Мог бы заявить я,
Что горд находкою — но про кого
Не сделаешь такого же открытья?)

Следы стыда, нелепости и слез
Свалить и сбросить в этом брэнном теле..
Но что поделатъ? Мы живем всерьез,
Хотели мы того иль не хотели.

Эпилог

...Без книжек, без детей, следа не оставляя,
Фонтан — монета — день! Газета — день — статья,
В собрании потеря, где самая большая —
Неназванная здесь, всё менее моя,

Сойдутся все опять, как дальние вершины
Сходились на виду рассветной тишины,
Я думал обо всех: проблемы разрешимы,
За исключением той, что не решили мы,

И больше не ищу, что может быть глупее,
Затолкан суетой в чужом житье-бытье,
На конус уходя, всё глуше, всё слабее,
Последним отзвуком скрываюсь в забытьи.

<1973>

¹ Лидия Говорукина — актриса, в 1973-м году жена автора.

² Вадим Черняк — поэт, сотрудник «Московского комсомольца».

³ Борис Йоффе — театральный критик, литературный секретарь «Московского комсомольца».

⁴ Кузнецов — самая распространенная русская фамилия. Строфа, в которой она мелькает, выпала из последней, снабженной авторскими сносками, рукописи. Павел Гутинтов в 70-х спрашивал у Аронова о Кузнецове, и тот отвечал, что это его коллега по Центральному экономико-математическому институту АН СССР. Нельзя исключить, что носивший это родовое имя и впрямь работал в середине 1960-х (как сообщили в отделе кадров, и сегодня здесь несколько Кузнецовых). Однако четверо сослуживцев Аронова по ЦЭМИ, опрошенных мною летом 2014 г., не помнят сотрудника с такой фамилией. Фамилия Кузнецов отсутствует в телефонных книжках поэта, в том числе и ранних. Нина Аршакуни предположила, что имеется в виду Анатолий Кузнецов, автор романа «Бабий Яр», с 1969-го невозвращенец. С ноября 1972-го вел из Лондона еженедельную программу на «Радио Свобода». «Эй, Кузнецов, ты где?» — вопрос уместен: поэма Аронова писалась зимой 1972–1973-го. (Прим. А.Ч.)

⁵ Юрий Щекочихин — журналист «Московского комсомольца», ученик Аронова. (Прим. А.Ч.)

⁶ Геннадий Жаворонков — журналист и писатель. (Прим. А.Ч.)

⁷ Юрий Некрасов — сотрудник «Московского комсомольца», позднее Министерства юстиции.

С АРМЯНСКОГО
(айрены Напета Кучака)

* * *

Что вы плачете, люди? Две боли печальны всерьез:
Коль одна из них смерть, то любовь, несомненно,
вторая.
Да и тот, кто покоя достиг, разве требует слез?
Я, несчастный, томлюсь, не живя и не умирая.

* * *

Уходи, я, пронзенный тобою, поник.
Уходи, уходи же, исчезни скорей!
Если ты в этом мире последний родник,
Я умру, но не выпью ни капли твоей.

* * *

Тому завидую, кто милую от всех
Увел — пусть рухнет мост за ними!
Пусть заметет их след чистейший снег!
...А там, в саду, он днем ее обнимет.

* * *

Уйду, далеко уйду, и там не останусь, уйду.
У греков, в чужой стране, изгнанник, не обернусь.
Когда услышишь, где я, — я дальше еще уйду.
Когда услышу, где ты, — я цепь порву и вернусь.

* * *

Умоляю: это платье шейте той, о ком тоскую!
Ткань из солнца, но изнанка чтоб из лунного огня.
Темной тучей подбейте, вытяните нить морскую,
Звезды дайте на застежки, петли свейте из меня.

* * *

...А перед рассветом на кровлю твою я вышел.
Упал: подкосились ноги, не в силах меня носить.
И слышу, как балка шепчет: «Влюбленный лежит
на крыше!»
Где подлое это дерево выучилось доносить?

* * *

Сердечко моё растерялось, всё выложило, что имело.
Любимый, купи, что хочешь, — согласна и уступить.
Назначь мне любую цену, начни же, торгуйся смело,
Чтоб никакой невежа не смог прийти и купить.

* * *

С другим она проходит впереди.
И обняла. И что-то шепчет жарко.
И сердце мне сказала: «Как ни жалко,
Насильно мил не будешь». Брось. Уйди.

* * *

Часок меня не было — ты уж подумала: «Пусть!
Ушел навсегда он, я знаю... Куда — не сказал...»

Но я же не умер! А с этого света вернусь.
Мне тысячу дев за тебя предлагали — не взял».

* * *

— Твоя грудь — белый храм, где горят два огня.
Я лампадщиком стану ему!
— Ты еще несмышлениш: забудешь меня —
Белый храм погрузится во тьму..

* * *

Обидевший странника станет скитальцем сам.
Уйдет в чужую страну, к чужим небесам.
Там если и золото льется дождем, то мимо —
Всё золото только зола в разлуке с любимой.

* * *

Пряжи круг спряла и второй спряла —
Всё еще не видно зари.
Налила вина, к твоей двери пришла:
— Ножки мерзнут в снегу, отвори!

* * *

Ты сто айренов знаешь, спой лишь тот —
О нас, о тех, кто в эти дни живет,
Стих — это песнь любви о человеке,
О страннике, каким я был вовеки.

<1977>

* * *

Если бы книжка сама открывалась,
Если бы книжка сама закрывалась,
Вы удивились бы, но не весьма.
Вы бы подумали: что за причуда?
В книжке возможно одно только чудо —
Если бы книжка писалась сама.

Вы бы тогда, открывая страницу,
Знали, что там ничего не хранится,
Только появятся, прямо сейчас.
Если вам холодно, бабочки зноя,
Если вам горестно, что-то смешное —
Долгий и неповторимый рассказ.

<Начало лета 1981>

**ИЗ СОЧИНЕНИЙ
ИВАНА МАКАРОВИЧА
ГНЫПЫ**

Иван Макарович хорошо знал технологию поэтического труда: он дослужился до полковничьих звезд, курируя в Ведомстве именно литераторов, знал их досконально, видел, что горшки обжигают отнюдь не боги. Его огорчало то обстоятельство, что многие важные темы остались его подопечными либо не охваченными вовсе, либо — с очевидными качественными (не говорю уж об идеологических) изъянами. И, уйдя на заслуженный отдых, решил сам, лично, никому не перепоручая, восполнить все имеющиеся пробелы.

Его биография, как мне кажется, нигде так и не была записана, придумавшие отставного полковника Вадим Черняк и Александр Аронов излагали его жизненный путь исключительно в устной форме, всякий раз расцветывая изменяющимися подробностями. Но достоверно известно, что не смирившийся с пенсионным бездельем Иван Макарович был пристроен на должность швейцара в Центральный дом литераторов, и, разумеется, со всем своим гражданским темпераментом отдался новой ответственной работе. Кстати, там же, рядом с Гныпой, служил и герой другого поэта, тоже «изрядно знаменитый» в литературе:

Он Шолохова видел, он Пастернака знал,
Он с Нобелевских премий на водку получал...

Вот и Иван Макарович. Он только, наблюдая нравы посетителей ЦДЛ, все чаще с тревогой задумывался о судьбе многострадальной русской литературы. Он сомневался в этой связи даже в своем молодом преемнике в лубянковском кабинете:

И лоб его меньше нахмурен,
И в голосе мягче броня.
И всё-таки как этот Чурин —
Не знаю! — заменит меня.

То есть, перестройку, возникшую как результат преступного небрежения и ослабления заботы, он предчувствовал еще в середине 60-х...

Но это — другая история.

Так или иначе, самодовольный графоман Гныпа очень многое понял, многое предсказал, многое подсказал. Во всяком случае, лично мне, когда уже в 1988 году я оказался в журналистской командировке в Нагорном Карабахе, именно строки о встрече Ивана Макаровича с японцем (Я подошел, взглянул ему в лицо,/ Протягивая наши папиросы./ Потом спросил: «Зачем сожгли Лазо?»)/ И у него нашлись ко мне вопросы) помогли четче сформулировать в известинской заметке важный вывод. Ни один национальный вопрос не имеет ответа с того самого момента, когда он задан...

Что конкретно «из Гныпы» сочинил Вадим, а что — Саша, они не могли разобраться и сами. У нас, в «Московском комсомольце» на Чистых, «Ивана Макаровича» перепечатывали во всех кабинетах, Черняк с Ароновым, вместе и поврозь, вносили в эти перепечатки уточнения и правки, потом тексты с их автографами благополучно терялись, восстанавливались по памяти, что-то, конечно же, при этом искажалось и пропадало вовсе...

В этой книге мы собрали то, что нашли в ароновских рукописях, что вспомнили, расположили в произвольном порядке. Отдаем себе отчет в неполноте и возможных ошибках и заранее извиняемся за них.

П. Гутионтов

ПОЛЕМИКА

Нет, не могу никак забыть
Тех строк, которыми я связан:
«Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан».

Какой нелепый афоризм
Придуман классиком умело!
Тогда, конечно, был царизм,
Теперь совсем иное дело.

Знаком с понятием красоты
По танцам, песням и картинам,
Поэтом быть обязан ты,
Как быть обязан Гражданином!

И, призван новою судьбой —
Из тех, кто раньше были немые, —
Пусть смело создает любой
Разнообразные поэмы!

И юный, и в кудрях седин,
Твори уверенно и гордо!
К сему подписываюсь твёрдо:
Поэт, а также Гражданин
Иван Макарович Гныпа.

ФИЛОСОФСКОЕ

Весна — пора дождей и грязи,
И отличается от зим,
Как говорящие мага́зин
От говорящих магазин.

НАБЛЮДЕНИЕ

Вот гражданин, в трамвае едущий,
Должно быть, он сойдет на следующей.
А тот, по улице идущий,
Уже сошел на предыдущей.

* * *

Закончилась драма,
Окончен жизни путь.
Течет вода из крана,
Забытая заткнуть.

СТИХИ НА НЕДОСТАТКИ В РАБОТЕ ВИННЫХ ОТДЕЛОВ ТОРГОВОЙ СЕТИ

Побывал в магазине,
Попросила жена.
Там кретин на кретине
Все — в отделе вина.

Поначалу обидно
Стало: где продавцы?
Лишь затылки мне видно
Да тугие крестцы.

Обращаясь к затылку,
На который смотрю,
— Покажите бутылку
Мне вот ту, — говорю.

Подают..
Вижу с краю
Этикетка в грязи.
— Что за чёрт, — замечаю
Я им в этой связи, —

Жидкость странного цвета,
Ею печки гасить!..
Как же можно за это
Три с полтиной просить?

Ведь отнюдь не старинный
Мы имеем букет... —

Только смех беспричинный
Я услышал в ответ.

А чего ж тут смешного?
За бутылку вина,
Да к тому же плохого —
И такая цена?

ЗНАКОМСТВО

Мне помнится был тёплый март... Иду
Я по зоологическому саду,
Где лёд уже подался на пруду
И облепили голуби ограду.

Дремало в клетках разное зверье,
А по вольерам пенилась водица,
И радовалось сердце за неё,
И радостью хотелось поделиться!

А там, где таял почерневший снег,
Пятнистый от нахлынувшего солнца,
Шёл с фотоаппаратом человек,
По облику похожий на японца.

Я подошел, взглянул ему в лицо,
Протягивая наши папиросы.
Потом спросил: — Зачем сожгли Лазо?.. —
И у него нашлись ко мне вопросы.

**НА ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ,
случившееся вчера
в парке имени Баумана
после 22.00**

Только женская. И та
Почему-то заперта.

* * *

Пусть опоздает на обед,
Кто будет ждать зеленый свет.
Но ты, идя на красный свет,
Обедать будешь — или нет?

* * *

Монет не опускайте гнутых,
Вам автоматы не вернут их.

НА ПОКУПКУ РЫБЫ

Как-то в Вышнем Волочке
Я увидел на толкучке
Утром рыбу на лотке:
Три примерно равных кучки.

Славная была уха,
А заvertка пригодилась
Для короткого стиха —
Тема сразу появилась.

Эти вот двенадцать строк
О наваристой наваге
Я бы записать не смог,
Будь та рыба не в бумаге.

* * *

Пока не требует Шапиро¹
К священной жертве Аполлон,
Среди детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Когда ж потребует Шапиро
К священной жертве Аполлон,
Промеж детей ничтожных мира
Опять же — всех ничтожней он.

¹ Знаменитый администратор Центрального дома литераторов в Москве

* * *

Как говорит заика Витя,
Когда влетает в сетку гол:
«Чем чемпионы знаменитей,
Тем темпераментней футбол».

* * *

Все птички зачирикали в апреле.
Так много добрых признаков весны.
У человека зубы отболели,
И он спокойно сходит со стены.

НЕБЛАГОУСТРОЕННОСТЬ

Увидев как-то днем кровать,
Я захотел ужасно спать.
И лёг. Но подняла в два счёта
Меня голодная икота.

А ночью, как это ни глупо,
Решил я съесть тарелку супа.
Налил. Но рот едва открыл,
Как тут же сон меня сморил.

С какой ни глянешь из сторон
На мир, что всех похвал достоин,
Приходится признать, что он
Местами неблагоустроен.

ОПЫТ

Средь раскидистых ветвей
Пел какой-то канарей
Или, может, канарейка,
Но поди срифмуй «ветвей»-ка...

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

— Любовь не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне! —
Провинциальные еврейки
Не раз про то твердили мне.

Я слушал, тихий и несмелый,
И ничего не говорил.
И надо мною ангел белый,
Как лебедь белая, парил.

* * *

Как говорил еврей из Армавира,
Однофамилец Байрона Гордон:
— Пардон, но будешь ты царицей мира!
А если нет, то всё равно пардон.

НА ПОСЕЩЕНИЕ СЕРПЕНТАРИЯ

Выступаю как знаньеноситель.
Вот написано: «Змей-искуситель».
Ну, конечно, ошибся писатель!
Будет правильно: «Змей-искусатель»!

Оттого недоверчив я к музам,
Что ища на проблемы ответа,
Лично был не однажды покусан,
И мне мало понравилось это.

У японцев в сравнении с нами
Точка зрения, впрочем, другая:
Там гордятся еще временами
Хокуся (читай — Покуся).

Не люблю я змеиной породы,
Ни доверия к ней, ни почтенья!
Пресмыкающиеся уроды
Мне приносят одни огорченья.

Как сказал старичок-академик,
Герпетолог из Кировабада,
Нынче попросту бешеных денег
Стоит капля змеиного яда!

И берет меня, право, досада:
Яда мне и задаром не надо!
Молоко и жирней, и дешевле,
И полезней считалось издревле.

Резюмирую: разные гады
В жизни мне не давали пощады —
И душили меня, и кусали,
Но ни разу не искушали!

**НА ПОСЕЩЕНИЕ СОСЕДКОЙ ИВАНОВОЙ
Приокско-террасного заповедника, где она
пыталась познакомиться с молодым егерем**

Ловила баба лося,
Но ей не удалось.

**СТИХИ,
НАПИСАННЫЕ ДЛЯ НАТАШИ,
ДОЧКИ СОСЕДЕЙ ИВАНОВЫХ**

1

Это все наоборот:
Это мой красивый кот.
А вот эта гадина —
Не моя, а Катина.

2

Ела кашу Наташа.
Было слышно окрест,
Что Наташа — не наша.
Наша кашу не ест.

НА БЕЗВРЕМЕННУЮ СМЕРТЬ СОСЕДА ИВАНОВА

Неудачник был и чудаки,
И в анкете сплошные прочерки.
Жил не так и умер не так:
Угодил под фургон «Пончики».

СОНЕТ

Суровый Дант не презирал, конечно,
Сонета. Равно, как и жар любви
Петрарка в нем же изливал успешно.
В то время, как Шекспир имел свои
С ним отношенья. В ад сходя кромешный
И возвращаясь на круги свои,
Садился он с тетрадкой визави
Ее сонетом заполнять поспешно.
И то сказать
.
.
. И я
Пишу сонетом классикам привет,
Оставив свой служебный кабинет.

ПОГОВОРИМ?..

ПРОЗЁВАННАЯ КЛАССИКА

Об Александре Аронове и его стихах

...Это было так не похоже на него, то шумного, то до загадочности тихого, но в любых обстоятельствах готового улыбнуться.

«Саша, что случилось?»

Оказалось, он только что из ЦДЛа (Дома литераторов, в просторечии «Гадюшника»), куда ходил, чтобы написать отчет с юбилея Сергея Михалкова. Идти не хотел, но оказалось, что в тот день больше некому. И, сидя в первом ряду партера, журналист Ал. Ар. честно конспектировал судьбоносную речь. «Чувствую, — изрек виновник торжества, — что настало время остановиться... оглянуться», — опустив глаза в репортерский блокнот, процитировал Саша.

Строка «Остановиться, оглянуться...» была визитной карточкой поэта Александра Аронова. Леонид Жуховицкий этой строчкой назвал, может быть, лучшую свою книгу — роман о жизни московских газетчиков. Саша там не назван, но узнаваемо мелькает. И стихи эти цитируются. К тому времени (шли 70-е) строка уже разошлась в тысячах газетных заголовков (разумеется, без указания на автора.)

Впрочем, в тот раз унынья ему хватило разве что на время писания заметки. При желании историк отыщет ее в подшивках «Московского комсомольца».

Крылатая ароновская строка откликнулась и у другого поэта. Вот в «Письмах римскому другу»: «...Как сказал мне старый раб перед таверной, / Мы, оглядываясь, видим лишь руины.../ Взгляд, конечно, очень варварский, но верный...». (А. и Б. в начале 60-х были влюблены в одну женщину, и узнаваемый портрет «старого раба» Бродский

удостоверил не только реминисценцией, но, как заметил году в 81-м московский психолог Володя Слуцкий, и двойной анаграммой: «стАРый РАб перед таверНОЙ... вАРвАР-ский НО Верный».

Комментарий к портрету. «Человек с лицом белого негра» — так описывают Аронова сослуживицы-мемуаристки. Потому-то строка «старый раб перед таверной» — весьма прозрачна ассоциативным своим рядом: раб — негр; таверна — прибежище выпивохи.

Саша, особенно вполпьяна, простодушием и открытостью напоминал и школьного сторожа Меффа Поттера из «Приключений Тома Сойера», и беглого негра Джима из «Приключений Гекльберри Финна». Того, что скрывался на острове, не зная, что уже получил вольную.

Вот и первую свою легальную книжку, которую он попросил составить Олега Хлебникова и меня, Аронов назвал «Островок безопасности». (М.: Советский писатель, 1987).

В юности он ездил в Питер возвращать ушедшую к Бродскому жену Нину, и, оглядываясь, видел руины собственной семьи. Что Бродский ему и напомнил этой своей обраткой.

Из письма Леонида Жуховицкого. 25 июля 2014:

Году в 60-м прошлого века Саша Аронов принёс мне короткую, строк на двести, поэму. Кроме лирического героя там были два важных персонажа: поэт Семёнов (угадывался Бродский) и некая вдова (возможно, Ахматова). Поэма называлась «Пути сообщения». К тому времени мы с Сашкой плотно дружили уже лет пять. Он мне казался одаренным и своеобразным стихотворцем, но — не более того. «Пути сообщения» меня поразили глубиной и трезвой мудростью. Позже нигде в печати я эту поэму не встречал. Неужели — утеряна?

Когда рыбаки теряют или, страшась рыбоохраны, топят сети, они на месте утраты ставят специальный знак, буюк с флажком. Вот и я, как буюк над утонувшей сетью, поставлю свой знак — приведу восемь запомнившихся строк:

Семёнов вдовой был когда-то расхвален,
Он был гениален и этим гордился.
Ему было важно, что он гениален.
А мне было важно, что вот я родился,
Что вот никого я не хуже на свете,
Что можно гордиться серьёзной женою,
Что будут, наверно, когда-нибудь дети,
Что дождика нет, и что Нина со мною.

Очень хочется верить, что когда-нибудь эта поэма отыщется. Ведь известно, что рукописи не горят. Может, и не теряются?

Еще несколько слов о Сашке.

Летом все вокруг в зелени, всего полно, в том числе и стихотворцев. А к зиме листья облетают, лежат на земле, быстро превращаясь в слякоть, и среди жалких голых стволов видней становятся елки, сосны, да еще дубы, с мертвой, но прочной листвой. Аронов — поэт зимний. Тринадцать лет прошло, как умер, сколько имен опало! А Сашкина фигура все крупней и крупней.

Не мое дело раздавать титулы. Но наедине с собой все чаще думаю, что мой друг Сашка почти великий, а то и просто великий поэт. Почему не решаюсь произнести это вслух, чего Сашке не хватило для всеобщего признания?

Мне кажется, великий поэт — это талант плюс судьба. Талант у Сашки был выдающийся. А вот судьбы не хватило. Не был гоним, не сидел, из страны не изгонялся, не рвал воздух на митингах, не клеймил конкурентов, даже в пьяных скандалах замечен не был, хотя выпить очень даже любил. Стихи писал великие, а биография рядовая! Журналист молодежной газеты...

Странно и немного обидно, что масштаб поэта первыми разглядели не коллеги по жанру, не критики, даже не друзья, а редактор «Московского комсомольца» Паши Гусев. Сразу после смерти Аронова у входа в редакцию самой популярной газеты России повесили мемориальную доску. А мрамор материал прочный, и сто лет продержится. Вот и получил мой друг Сашка свой билет в вечность. Дай Бог, чтобы ему не было слишком холодно в этом одиноком пустом пространстве!

...Готовя эту книжку, совершенно случайно в стихотворении Сергея Городецкого «Петроградские виденья» (1912 год) я наткнулся на строку «Остановился. Оглянулся». Это про Гоголя: «...С Морской, всю шею в шарф укутав / Пугливо Гоголь выходил. / Остановился. Оглянулся. / Вдохнул прохладную струю / И тяжким взором вверх метнулся, / Как бы предчувствуя зарю».

Случайная встреча на Невском Гоголя и Пушкина. Но при таком уровне версификации кому это интересно?

«...всю шею в шарф укутав». Как будто можно укутать в шарф часть шеи.

Аронов, конечно, не знал этих стихов Городецкого. Иначе бы обязательно рассказал. Это Евтерпа, раздосадованная результатом первой попытки, через полвека решила ее повторить. С петербургским стихотворцем не вышло, попробовала с московским. И на сей раз шепнула в то ухо, которое способно было и расслышать, и правильно продолжить: «Остановиться, оглянуться / Внезапно, вдруг, на вираже...»

В 94-м Валентин Берестов посвятил нашему герою такие «стихи с цитатой»:

Остановиться, оглянуться
Призвал Аронов наш народ,
Что в вихре войн и революций
Всё время двигался вперед.
Остановились. Оглянулись.
Перепугались. Отшатнулись.
И бодро двинулись назад
С орлом двуглавым на штандарте,
С другой границей на карте.
А всё Аронов виноват!
А ведь начальство понимало,
Когда поэтов зажимало,
Что стихотворная строка
Сильнее лозунгов ЦК.
Недоглядело. Не поймало.
Сочло, видать, за дурака.

Истинный лирик, он мог бы (редкий случай!) стать и замечательным прозаиком. Недаром Андрей Вознесенский вспоминал, что по юности Аронов «был похож на кудрявого лицеиста». В этом сравнении, может быть, сверкает и капля неизжитой даже собственным успехом, прозрачной, как слеза, зависти.

Декларируя отказ от соперничества (с другим соревнуйся!), Аронов посвятил Вознесенскому стихотворение «Антитолкучка» (середина 70-х):

Что продаешь? Отсутствие ноги?
Так поживее! Циник и пролаза,
Соперник твой, — уже стоит без глаза,
И без голов сбегаются враги.

Да, выдался у нас базарный день!
Тут, видно, все: раб притащил свободу,
Кукушка — материнскую заботу,
Столица — тишину, пустыня — тень.

А вот и я в сторонке достаю
И предлагаю вашему вниманью
Нехитрые товары: пониманье,
Ее любовь, веселую семью...

Ну что ж, добавим молодость мою.

О том же (но и другом, более важном) в стихах 83-го:

Бухгалтер Гораций
Слог долгий, слог краткий считает в строке.
Спокойный характер
Его понуждает сидеть в холодке.

Там, кажется, Бавий
В республике римлян ведущий поэт?
Юпитер избави,
Чтоб он устремился за Бавием вслед.

У принцепса дела
По горло, триумфы грохочут, трубя,

Подумай и смело
Реши, что назначишь ты трусом себя.

Так необычайно
Лишь снизу и видится каждый секрет.
И больше не тайна —
В республике римлян республики нет.

За гордый отказ от ритуального заигрывания с эпохой эпоха по-бабьи, мелко мстила. Не соблюдаешь ритуалов? Не чтишь идолов? Ну и вали из моей поэтической песочницы.

В 70-е он считал себя атеистом. Но помилуйте, какая песочница, и при чем тут плоская эта дура со всеми «лучшими ее представителями», если ты живешь делом, начатым пять тысячелетий назад твоим предком-первосвященником, старшим братом пророка Моисея? Ответ его иудейского имени ты сохранил в звуке русской своей фамилии (у евреев фамилий как категории нет). Аронов — потомок Аарона. Того самого, говорившего на горе за косноязычного младшего брата. Твое вечное, пятитысячелетнее дело — поиск Слова. («Когда мы уточним язык, / И камень назовем, как надо, / Он сам расскажет, как возник...») И потому Древний Египет столь же естественно входит в пейзаж стихов, как и картинки Чистопрудного бульвара:

Когда раздвинешь город наш,
Другой откроется пейзаж —
Я в месяц раз произвожу такую сверку —
Ни стен, ни кровель листовых,
Ни мостовых, ни постовых,
Жара вокруг, песок внизу, и небо сверху...

Истово верующий в слово, он почему-то считал себя неверующим. И говорил, что на месте Господа он брал бы в рай сначала атеистов. Им ведь хуже, чем тем, кто обрел веру.

Гений — современник потомков, а не современников. Но опасно опережать эпоху на два шага. На полшага — другое дело. А так, как бы ты ни тянул руку со своими авторскими

дарами, вместо читательской ладони встретишь пустоту необжитого пространства. И пустоту непонимающих глаз.

В газете авторская Ал-Аровская колонка называлась «Поговорим».

Из широкого эстрадного круга «Лужников» этот парень решительно выпадал. У современников были другие приоритеты, а потому и другие кумиры.

До прозы он не опускался. До уровня прозы он пытался поднять газетный текст, самый крохотный, набранный когда «св. петитом», а когда и вовсе микроскопической нон-парелью. И если ему напоминали про «законы газетного жанра», отмахивался: «Газета — это лист бумаги. Что напишешь, то и будет газета».

Летом 1998 г. журнал «Playboy» (русская версия) опубликовал некий литературный анекдот, начинавшийся так: «Московский двор. Осень. Мальчик вышел погулять и похвастаться перед дворовыми ребятами новеньким мячиком. Он играет с ним, но никто к нему не подходит...» Ну и т. д.

Действующие в этой версии писатели беспардонно перепутаны: Хемингуэй поставлен на место Ремарка, а вместо Хемингуэя возник ниоткуда Сартр. Знаю, потому что услышал эту, еще не инверсированную московскую байку в Литературном институте, курсе на третьем (на дворе середина 70-х). И в тот же день в коридоре «МК» с восторгом пересказал Аронову. Тот стал придираться и вносить какую-то правку, и я спросил, а почему он знает, как правильно? И услышал: «Так это мой старый рассказ...»

Перескажу, как запомнилось:

Закончилась война. Мальчику из хорошей московской семьи на день рождения подарили футбольный мяч. Это было в январе, а в апреле мальчик разбил мячом окно дворницкой. И сейчас, чавкая грязными сапогами, за ним бежит по бульвару дворник дядя Дюша.

— Что я здесь делаю и зачем мне надо было бить это дурацкое стекло? — думает мальчик, — читал бы лучше в папином кабинете «Трех товарищей»!..

...А в это время в Швейцарии, на берегу озера Лаго-Маджоре, в открытом кафе маленького городка Локарно нежится на солнышке писатель Эрих Мария Ремарк. Он покуривает «житан» и совсем не смотрит на обнаженных купальщиц. Он думает:

— Что делаю в этой курортной дыре я, единственный, кто знает цену настоящей мужской дружбы? Впрочем, если б я мог писать, как мой друг Хэм, я бы совсем иначе рассказывал и о судьбах потерянного поколения...

...А в это время Эрнест Хемингуэй, прячась под навесом из сахарного тростника от ненасытного кубинского солнца, раскуривает очередную темнокожую сигару. И думает:

— Конечно, это я изобразил мужество и достоинство человека, сочетая истинный трагизм с подлинной романтикой. Но мои герои — какие-то слишком сильные, и я начинаю опасаться, что у них картонные чувства. Во всем мире есть один человек, способный меня понять. Это какой-то русский по фамилии Платонов, чью короткую новеллу мне пересказали вчера... Да, нам было бы о чем поговорить, окажись я сейчас в его холодной Москве...

...А в это время в Москве Андрей Платонов, чавкая сапогами, бежит по Тверскому бульвару, прижимая к фартуку грязный кожаный мяч. И думает: «Ну, паршивец, попадись!..»

Свидетельство Павла Гутионтова («Я этот рассказ, конечно, тоже слышал. Аронов часто к нему возвращался и по-разному рассказывал») мне подтвердил и Леонид Жуховицкий («Именно так Саша мне и рассказывал»).

И пусть Андрей Платонов никогда не работал дворником при Литинституте. (После войны он получал капитанскую пенсию.) Просто он жил в том дворе, и студенты Литинститута частенько видели, как он сгребает снег дворницкой лопатой. Или метет дорожки. Им и в голову не могло придти, что этим можно заниматься просто так, по душевной необходимости.

Аронов мёл тщету московских бульваров, как Платонов литинститутский двор. Разве что фартука не было, а вместо

опавшей листвы — листы читательских писем да реплики собственных заметок, опадавшие в той Москве 60-х отнюдь не в пустоту. Он тогда был заведующим школьным отделом, и подаренная им Платонову фраза «Ну, паршивец, попадись!..» выстрадана и опытом его школьного учительства (сразу после пединститута), и тремя десятками лет его работы в «МК». Писать в стол было неинтересно. И он писал в столбик. Даже не писал — пел:

...Служа в газете для пропитанья,
Я потихоньку вживаюсь в роль,
И забывается эта тайна —
То, что когда-то я был король.

Быть журналистом ничуть не скучно,
Свободы много в такой судьбе.
Но по ночам ты лежишь беззвучно
И улыбаешься сам себе.

Во второй половине 60-х «МК» оставался реликтом «оттепели», не то чтобы оппозиционным, но фрондирующим изданием. Так было, пока в марте 67-го не сняли с работы Алексея Ивановича Флеровского, его редактора. Но и после, при Удальцове, Аверине, и Гущине, ситуация существенно не менялась. Газета, будучи совершенно советской, была какой-то не по-советски человеческой. И главным человеком (ее неформальным лидером) были не главные ее редакторы, а Саша.

Наверное, успей Александр Гинзбург опубликовать диссидентские стихи Аронова в «Синтаксисе», его судьба сложилась бы иначе. И лучшее, что светило поэту — жаркое солнце ближневосточной эмиграции. Но для этого поэта разрыв с родной речью ничего доброго не сулил. Он не Бродский, на английский он бы не перешел.

На страничке «Сверстника» о комсомоле не писали. А потому эта шарашка оказалась альтернативной свободой. Она давала и впечатления, и — в сугубо ограниченном, дозированном количестве! — воздух для поэтического дыхания.

Она же и пыталась выхолостить душу, подменить лирику газетчиной.

Мандельштам, когда-то служивший в том же «МК» (газета тогда носила другое имя), однажды признался, что для поэта в газетной работе самое трудное — «ежедневное общение с газетными людьми».

Аронов честно пытался стать человеком газеты. И за это платила его лирика.

Нередко газета накладывала свой отпечаток и на то, что поначалу казалось вполне пристойными стихами. Подчас стихи начинались как стихи. И как стихи держались строк пять:

Не в стаде ль своим искали отцы
Слова для добра и зла?
И бога сделали из овцы,
А дьявола из козла.

А стадо входило в маленький лес...

Но эпоха, вкупе с газетной лирикой начала космической эры, задушила проклюнувшийся шедевр:

Бежали к морям поля...
И через пространства пустых небес
Летела, кружась, земля.

И это при по-королевски проброшенной замечательной строке «Бежали к морям поля...»

Из десятков (или сотен?) стихотворных ароновских подписей к снимкам лишь несколько стали полноценными лирическими артефактами.

...Шолом-Алейхем заметил: «Талант, как деньги: или есть, или нет».

Аронов поправил: «Талант, как деньги: то есть, то нет».

И он же, Аронов, говорил: «Поэтом нельзя быть. Поэтом можно бывать».

Он утверждал, что у поэзии есть только две настоящие задачи: побороть смерть и вернуть разлюбившую женщину. А однажды прибавил: «Странная это профессия... чтобы дописать стишок, к утру надо помереть. А потом встать и идти на службу».

До «МК» он работал матлингвистом в Центральном экономико-математическом институте АН СССР. В интернете удалось разыскать ответ Аронова на вопрос анкеты (начало 90-х, сборник к тридцатилетнему юбилею института).

«Что в ЦЭМИ было, по вашему мнению, наилучшим?»

Аронов, как всегда, честен: «Работа, в которой ничего не понимал».

Ушедший в газетный народ этот король королем и оставался. Но почему-то это никого не оскорбляло.

«...Неуроненное Ароновым / Журналистики русской перо» — написал Евтушенко на стене его крохотного кабинетика.

Верно написал, но, увы, не про главное Сашино дело. По-честному, надо было бы «...поэзии русской перо». Да, видимо, не легло в размер.

За что же этого, казалось бы, классового чужака любили газетчики от редактора до машинисток? За то, что был хорошим журналистом? Ну да, очень хорошим и очень честным. Только вряд ли дело в этом. В чем?.. А в том, что был по-детски открыт. И с любимым, как ребенок, — на равных. Он предлагал дружбу как норму общения, норму общежития (среди многих известных мне поэтов так жил только Берестов). Дружбу и полцарства впридачу. И уж твое дело отвергать или принимать то и другое.

Он был подлинным эгоцентриком, но без единой капли эгоизма. Свой лирический эгоцентризм он распространял на ближних и дальних, всех, кого он с легкостью включал в орбиту своих переживаний и сопереживаний.

Это было воистину по-королевски.

Но если с тобой на равных сам король (пусть и не коронованный официозом), поневоле задумаешься, может, ты и впрямь сам чего-то стоишь?

Его и держали за успешного, постоянно печатавшегося газетчика. И потому слава его была и впрямь какой-то уж слишком сокровенной.

Общение на его уровне общения предложить ему могли лишь немногие.

А жажда-то жгла...

Уже в 70-х он, не слишком пьяный, шел по фойе домжурра. А с улицы входил Высоцкий. Они едва не столкнулись.

— Ой, Володя...

— Я вас не знаю!!

— Извините.

Когда Саша рассказал мне об этом своем конфузе, оба мы не знали, что это же самое произошло (или произойдет?) с самим Владимиром Семеновичем. В Париже, на улице, он рванется навстречу знаменитому французскому барду, своему кумиру. И получил аналогичный отлуп.

Попал ли Аронов под обиженную «обратку», или это сама судьба так наказала ВВ за надменность, теперь уже не установить.

Шанс на знакомство и цеховое общение был упущен. А второго фортуна не дала.

В один из приездов Ахматовой в Москву он бегал по ее просьбе в магазин:

— Саша, не могли бы вы сходить за вином?

— За каким, Анна Андреевна?

— Саша, вино — это водка.

В тот же день двадцати-с-чем-то-летний Аронов набрался смелости и спросил Ахматову, правда ли, что Цветаева относилась к ней с трепетом?

И услышал:

— Это поначалу. Потом она выметала меня изо всех углов...

И правой рукой — взмахом из стороны в сторону — Аронов повторял жест Ахматовой.

Аронов тогда водки не пил. И робел не только перед Ахматовой, но и перед девушками. Он говорил: «Целоваться я

начал поздно. На третьем десятке. Зато это мне так понравилось...»

Веселая московская компания. Литературное объединение «Магистраль». Все молодые. Все — гении, или около того. Правозащитник Павел Литвинов (тот, что в том же 68-м вышел на Красную площадь, протестуя против оккупации Чехословакии) запомнил очень смешную эпиграмму и, когда я под рубрикой «Прозёванная классика» выложил в фейсбуке стихи Аронова про Николая I, бросил в комменты: «Сева Некрасов писал: «Очень много у Аронова Маяковским уворовано».

Что ж, Маяковский для Аронова — конечно, учитель.

Но Аронов даже по юности — не подражатель Маяковского. Он, может быть, единственный стоящий поздний его ученик. Но были и другие учителя. Разбирая ароновские рабочие тетрадки, я обнаружил нигде не напечатанное (даже и на пишущей машинке!) его стихотворение начала 80-х, его поэтическое кредо:

Корова пасется на пышном лугу.
А я-то что сделать смогу?

А мимо несется стремительный конь.
Но ты меня с этим не тронь.

Вот если корова верхом на коне —
Тогда она скачет ко мне.

Виктор Шкловский в опоязовской своей молодости придумал понятие художественного *остранения* (так, с одним «н»). Он полагал, что новизна прозаических (да и поэтических) текстов определяется тем начальным, остранимым взглядом творца, который становится и причиной, и основой высказывания. Но то, что для большинства стало приемом, для Аронова было естественной обыденностью его необычного зрения.

Его лирика столь ярка и красочна, что терпеливо ждет своего иллюстратора. Как жаль, что книжки его не издавались, и его стихов не видел тот же Завен Аршакуни, гениально проиллюстрировавший «Буксирчик», единственное детское стихотворение Бродского.

Сказочник и экспрессионист, он при всей своей открытости оставался для современников землей неизвестной. Даже умный Генрих Сапгир в конце жизни посетовал, мол, по молодости от Аронова многого ждали, но он не пожелал присоединиться к Лианозовской поэтической школе и в результате надежд не оправдал.

Что-то похожее, разумеется, не помяная ни школы, ни направления, об Аронове говорил мне в 70-х Межиров.

Но это ошибка зрения. Не Аронов не оправдал надежд. Их не оправдала эпоха. И когда это стало ясно, читатели с эпохой выплеснули и поэта. Просто перестали его слышать и понимать того, кто вне самодеятельных школ и групп пошел собственной горной, лирической тропой.

А, казалось бы, всё начиналось так захватывающе...

Поэт Дмитрий Сухарев вспоминает о второй половине 50-х: «Формально «Магистраль», которой командовал Григорий Михайлович Левин, считалась всего лишь кружком Центрального дома культуры железнодорожников. Фактически это был главный столичный литературный клуб. Где бы запел свои песни Булат, если бы не было «Магистральной»? В ней начиналась жизнь стихотворных сборников, обретали вес имена. То и дело «Магистраль» подвергали гонениям, запрещали, разгоняли, но клуб был неистребим, и в ногу с ним крепчала московская поэзия. Было замечательно видеть все это, участвовать в этом».

Здесь занимались поэты разных поколений: кроме Окуджавы еще и Владимир Львов (тоже фронтовик), Елена Аксельрод, Эльмира Котляр, Владимир Леонович... Сюда заходили и читали здесь стихи Павел Антокольский, Семён Кирсанов, Наум Коржавин, Валентин Берестов, Белла Ахмадулина, Евгений Винокуров, Олег Чухонцев, Борис Чичибабин и Евгений Евтушенко...

Виктор Шендерович пишет: «Именно от Аронова я услышал бродское «На смерть Жукова». До сих пор в ушах — его голосом».

Вот и я узнал эти стихи из ароновских уст. Врезался в память комментариев, мол, «в смерть уезжает пламенный Жуков» — почему пламенный? Потому что крематорий.

Он мог прожить день, не съев бутерброда в редакционном буфете, но испытывал мучительный голод, если в день не проглатывал нового «стишка». И носился с каждым стихотворением, в котором находил хоть одну живую строчку. И приводил в пример Высоцкого, начало его баллады о конькобежце на короткие дистанции (1966): «Десять тысяч — и всего один забег остался...», говоря, что энтропия первой строфы («Я, говорит, болен. Бюллетеню. Нету сил...», равно как и оборот «Бескудников Олег» (фамилия перед именем) рассказывают о герое буквально всё.

Или вот он окликает меня в редакционном коридоре (это уже на Пресне). Не «Привет!», не «Как дела?», а «Слышал уже кружковский шедевр?.. «Левша сковал гвоздочки для подковок...»?..

И от первой строки переходит сразу к концовке:

«На нашу жизнь посмотришь с высоты — / Какая ювелирная работа!..»

Он так вкусно выговаривает последние три слова, что сразу веришь: стихи и впрямь гениальные.

Поэт до мозга костей, и стихи, и окружающий мир он воспринимал не только в звуковом их трехмерии, но в том четвертом измерении, о котором говорил Мандельштам. Потому-то его парадоксы столь неожиданны и столь естественны. И абсолютно неподделываемы. (Хотя многие и пытались.) Они авторские, ароновские.

Так невозможно симитировать и берестовские — совсем иные! — вербальные парадоксы, и цветковые парадоксы питерского живописца Завена Аршакуни (недаром при знакомстве все трое так вцепились друг в друга, что было не оторвать). Подражатели неплохо умеют синтезировать форму. Но как синтезируешь вложенную в творение душу? На

том, бедняги, и горят. («Тьфу на вас, если вы не понимаете, что это Рембрант!»)

В моем альбоме сохранилось вписанное ароновской рукой в 70-х его стихотворение «Пушкинская площадь». Посвящено оно Булату Окуджаве:

Мы были заняты в одном спектакле.
Встречались здесь. Болтали дотемна.
...А всё-таки, вы знаете, она —
Ещё и площадь Пушкина, не так ли?

Вроде бы всё просто. А поди-ка, повтори...

От «Магистрала» у Аронова остались в дар судьбы два друга, два замечательных поэта: Юрий Смирнов и Вадим Черняк.

С Вадимом он потом много лет проработал в «МК».

Пять стихотворений Аронова (в том числе знаменитая «Веселенькая история») были опубликованы Александром Гинзбургом в самиздатовском поэтическом альманахе «Синтаксис» (№ 1, декабрь 1959). Мне Аронов говорил, что он отдавал Гинзбургу и «Русскую вариацию», и, если память мне не изменяет, антисталинское (а по сути антисоветское) стихотворение «Среди бела дня...» (Возможно, под осторожным заголовком «1956-й».) И что они тоже были напечатаны в одном из выпусков журнала, видимо, в четвертом, работу над которым прервал арест Гинзбурга. Однако пока подтвердить это не удается: до нас дошли лишь первые три выпуска.

Еще одно ставшее знаменитым его стихотворение «Гетто. 1943 год» появилось только в огоньковской книжечке в 1989-м. Елена Аксельрод сообщает, что написано оно в конце 70-х. Это ошибка. Помню, как в начале 70-х на совещании молодых писателей Римма Казакова смутила многих заявлением, что она бы печатала «Гетто», и «О чем ты там польская плачешь еврейка...» на первой полосе «Правды». Конечно, «будь она редактором этой газеты».

Помимо «Синтаксиса» были и другие самопальные публикации. «Со стихами Аронова впервые встретился в самиздатовском мгушном сборнике в самом начале 60х и сразу запомнил автора» — пишет мой друг по ФБ, москвич Николай Рязанский.

Вот и поэт Николай Глазков (это он в 40-х придумал слово «самсебяиздат», которое читающий народ быстро упростил до «самиздата») в 70-х частенько навещал Сашу в «МК». И даже посвятил ему акrostих. Он опубликован в «Туннеле», в ароновской книжке, которую автор уже не увидел.

В середине тех же 70-х Григорий Кружков его тогдашний сосед (с 75 по 81-й жили в соседних домах) писал:

В Орехово-Борисово
Найдешь ли чёрта лысого?
Ни Пушкина, ни Чехова
В Борисово-Орехово.

Зато в нем есть Аронов,
Поэт для миллионов.
Кружок его дружков —
Дружок его Кружков.

По просьбе Аронова дружок-Кружок даже сочинил строфу в ароновское стихотворение «Школа поэтов».

Григорий Михайлович вспоминает, что встречались они практически ежедневно, но за шесть лет он никогда он не видел Аронова пьяным. Тот и выпив, что случалось довольно часто, был готов обсуждать стихи. К вину же относился бережно. Однажды нес из магазина два бутылки портвейна и поскользнулся. Упал, но обе руки успел поднять. Вино спас. А через день пошел к врачу, и оказалось, что за два спасенных фиала заплатил двумя сломанными ребрами.

Из письма Григория Кружкова (5 августа 2014):

Однажды, из-за какой-то лени или склонности к компанейству, я обратился к нему с предложением вместе

перевести «Охоту на Снарка» Кэрролла. Дескать, давай попробуем, вещь знаменитая! Он ответил: «Давай. В чем там дело?». Я ему объяснил и поставил первую задачу... А надо сказать, что английского языка Саша не знал — ну, ни вот столько. Зато он был умница... В общем, мы сели... И я поставил ему первую задачу: назвать по-русски главного персонажа, Белмана. Но обязательно на букву «б». Он сказал: «В чем проблема?» Не сходя с места, протянул руку, достал словарь Ожегова и стал читать вслух все слова подряд на букву «Б», поглядывая на меня. Так в кино у человека, который не может говорить, стараются узнать, кто преступник, перебирая буквы... И я слушал, как такой пострадавший свидетель на больничной койке, ожидающий нужной буквы, чтобы хлопнуть ресницами. Наконец, Саша дошел до слова: «Балабон». Тут я хлопнул ресницами и воскликнул: «Вот оно! То, что нам подходит. Пусть он будет Балабонном». Тут есть и звук колокольчика: дон-дин-дон! — и весь образ этого красноречивого предводителя.

Пару вечеров мы с Ароновым провели за придумыванием и обкаткой начальных строф, но, увы, Саше это довольно скоро надоело, так что доканчивал я главу в одиночку. Ну и дальше — уже сам.

В 1975-м в редакцию (еще на Чистые пруды) пришел со стихами экскаваторщик Смирнов-Фролов. Что-то из его опусов Аронов отобрал для публикации. Уходя, молодой поэт счел нужным отметить, что у него не псевдоним, а фамилия. И он под ней печатался даже в многотиражке. «Да нам-то что? — печально вздохнул Аронов, — будь вы хоть Рабинович Таврический...» Прошло немного времени (осень того же года) и Смирнов-Фролов попал на одно из подмосковных совещаний молодых литераторов. Экскаваторщик оказался с семинаре у Владимира Солоухина, который отнесся к его стихам куда строже, чем Аронов: «Завязывайте вы с этим баловством, профессия ведь у вас хорошая». Вечером пьяненький экскаваторщик, чистая душа, рыдал на плече у Аронова (приехавшего в Софрино не как руководитель

семинара, а как газетчик): «Что же это делается, Саша?.. Заедают жиды русского человека!..» Не байка, я оказался очевидцем обеих этих бесед.

В жизни не видел поэта, который был бы так ласков и бережен к графоманам.

Как муж один не знает ни о чем,
Поэт не может знать, что он бездарен.
За вашу дружбу он вам благодарен —
Не ухмыляйтесь за его плечом.

Пусть в самом деле он и слаб, и мал —
Всё это вас не делает весомей:
Он дурачок, и нищий, и веселый,
Он — это я, а вами б я не стал.

Исключением, пожалуй, были лишь авторы «датской поэзии» (то есть те, кто приносил *стихи к датам*). «Как стихи?» — не раз спрашивал я после таких *графских* визитов. И слышал в ответ: «Как рифма ботинки–полуботинки». В контексте того популярного стишка, из которого эта рифма была извлечена («Папе сделали ботинки...»), ответ можно было считать матерным.

А своим стихам он цену знал.

Вот две сценки из новых коридоров «МК» (уже на Пресне):

1 марта 1980. Аронов сидит в пустом коридоре на подоконнике (он так часто делал, отсутствие окна в кабинете его тяготило). Когда я появляюсь в створе, он произносит: «Иди сюда, я стишок написал».

Я лезу в сумку за блокнотом и ручкой, хотя прежде никогда так не делал. Мол, давай сразу и запишу.

— Не, так запомнишь.

У меня неплохая память на стихи, но заявление старшего друга слишком категорично. Спрашиваю, почему он в этом уверен?

Машет рукой:

— А ты послушай...

Читает «Любимая, молю влюбленный...»

Просит меня повторить.

Я повторяю.

Он: — Ну вот, я же говорил...

...А вот в том же коридоре, на том же месте, только пятью годами раньше. Лето 75-го.

Аронов чем-то мучительно озабочен. На лице застывшая гримаса глубокого размышления.

— Саша, ты чего?

— Я сказку хочу написать. Что-то среднее между «Графом Нулиным» и «Золотым петушком»...

У меня глаза лезут на лоб. Но с расспросами не пристаю. У нас это не в обычае. А то еще разболтает и родит раньше времени. А мне потом отвечай.

Назавтра. Тот же скупой интерьер. Тот же Саша. Только сияющий, как самовар.

— Написал?

— Написал.

— Как назвал?

— «Царевна и змей».

Однажды он сказал: «Ученик — это звание пожизненное».

Я пришел к нему в «МК» в восьмом классе. В моем Тушине на углу Новопоселковой и Лодочной стоял на железных ножках стенд «Московского комсомольца», и я читал его, когда шел из школы.

В газете была подростковая страничка «Сверстник». 12 сентября 1968-го на ней появилось стихотворение неизвестного мне автора. Было в нем что-то такое, что в промежутке между осенним дождиком и газетным листом сжало сердце.

И до сих пор сжимает, когда бормочу:

Прямо в осень идут кусты,
Все заметней листвой горя.
Заколочены и пусты
Пионерские лагеря...

Потом я узнаю, что стихи написаны 21 августа 1968-го: Аронов с другом возвращался из недалёкой командировки в пионерский лагерь, когда по радио сказали, что советские танки вошли в Прагу.

Я был очень советским школьником, но пронзительность этих строк («Заколочены и пусты...») говорила о большем, чем говорила. И больше, чем я понимал. *Темный смысл*, столь прозрачный и непереключаемый ни на что иное, обладал музыкальной и чем-то еще явственно щемящей.

И когда, уже в октябре, на той же странице некто Андрияшин предложил совместно сочинять детектив из жизни школьников, я понял, что должен а) написать; б) не пользоваться услугами почты, поехать в газету самому.

Написал в тот же вечер (чего-то там про КВН в школе и, кажется, пропавшую гитару). И на другой день отправился на Чистые пруды. На всякий случай прихватив с собой и стихи. Они у меня уже были перетюканы на «Оптиме», отцовской пишущей машинке. Большею частью на листах в клетку из тетрадок по математике.

Поэтому, когда очень шумный, но очень располагающий к себе человек с лицом негра-альбиноса сказал, что детектив пойдет, но не пишу ли я стихов, я даже не удивился.

Всем, кто примет участие в сочинении детектива, газета обещала вручить «памятные жетоны» и «подписку на Конан-Дойля». (Обманули, конечно.) Тогда я не знал, что изо всей Москвы оказался единственным откликнувшимся на ароновский призыв школьником. И что детектив мы писали вдвоем с Ароновым. Только я под своим именем (восьмиклассник 819-й школы), а он под именами придуманных им (сейчас бы сказали «виртуальных») девятиклассников.

В длинном пенале школьного отдела стол Андрияшина/Аронова (он был заведующим) тогда стоял по центру. На входящих хозяин его, не превращая профиля в фас, косил правым глазом. Под присмотром левого находилось глядящее на Чистопрудный бульвар окно. Этаж был вторым.

«Тебя надо познакомиться с Юркой», — вдруг изрек взломаченный столоначальник и куда-то мгновенно исчез,

а через пять минут появился вместе с загадочно улыбающимся парнем. Этот — весь на ниточках, на шарнирах — на пару лет меня старше. Школьник, он уже работал в газете. А еще у него была смешная фамилия Щекочихин.

Но тут в пенал заглянул другой сотрудник газеты. Молчаливый, ироничный, явно не из советского века, Вадим Черняк. (Его кабинет был через коридор напротив. Видимо, Саша захотел и ему представить выуженное им *молодое дарование*.) Знал ли я, что знакомлюсь еще с одним поэтом, который позже на многие годы станет мне другом?

...Два моих стихотворения Андрюшин (то есть Аронов) тогда и правда напечатал.

Не сказав, он переписал концовку одного из них. Стало лучше.

Но это было чужое.

Года три в «МК» я не заглядывал.

А уже на втором курсе ВТУЗа понес стихи в «Комсомольскую правду». Там тоже была школьная страничка — «Алый парус».

Оказалось, что капитан АП — тот самый буратинообразный Юрка. Он недавно перешел сюда из «МК».

Я стал вечерами пропадать в «Комсомолке».

Однажды (в начале 73-го) Юрке кто-то позвонил. Он долго слушал, а потом сделал мне знак: возьми параллельную трубку... На том конце провода знакомый голос читал стихи. Это был Аронов, только что написавший замечательную (и совершенно до сих пор не оцененную) поэму «Туннель».

Поэма про Николая Федоровича Федорова, про то, что люди живут для того, чтобы научиться воскрешать своих отцов. (Циолковский, начитавшись Федорова, придумал космические станции, чтоб было куда расселять воскрешенные поколения. И ракету, чтобы долететь до станций. О чем я тогда, с телефонной трубкой у уха, и узнал.) Я прослушал поэму почти с самого начала. Она заворожила:

...Допустим (среди дня,
Вот так, для разговора),

Хватятся и меня,
Пускай не слишком скоро.

Проснусь я у ольхи
Под дудочку пастушью,
Навряд ли за стихи,
Скорей за простодушие.

Так, значит, это я?
Не чересчур ли просто?
А где мои друзья?
Я только перекресток...

Разумеется, назавтра мы с Юркой отправились на Чистые пруды, в «МК». А на мое двадцатилетие Аронов посвятил стихи моей маме. В тех стихах он назвал меня «дурачком», и мне, дураку, было малость обидно. Не понимал, что это посвящение в наш Дурацкий скомороший цех.

Аронов — один из самых пронзительных русских лириков второй половины XX века. И уж, конечно, он не сводим ни к песенке о собаке, которую с переделанными словами поют в «Иронии судьбы», ни к другим блистательным его «нипроштошкам» (так он называл свои песни).

У него не одна, а полтора десятка песен, распетых им самим, или его другом Вадимом Черняком. Мы десятки, сотни раз пели их в журналистских компаниях.

Ах, если бы попали на экран «Наина Всеволодовна», или «Аэрофлот», или «Досматривать кино не очень хочется...»

Увы, не случилось. Да и не могло случиться. Его невинные нипроштошки выламывались за грань разрешенного, как и книжка его лирики. Вроде бы ничего антисоветского, но всё — крамола. Где?.. А в самой свободе взгляда и дыхания.

Большой поэт говорит с потомками за всех своих современников. За тех, чьи голоса растают вместе с их временем. По ароновским стихам лингвисты будут изучать московскую речь второй половины XX века. Не газетные клише

эстрадной поэзии, а ту, подлинную, живую. Он дышал ею, и она сама вливалась в строку.

Потому-то — прозёванная классика. И проморганный душным, безголосым временем классик. В первой половине XX столетия такими были поэт Наталья Крандиевская и прозаик Федор Крюков.

Поэтов Аронов делил на «волновиков» и «корпускулярников».

У первых (у большинства «эстрадников») масса энергии, избыток слов и ослаблено ощущение формы. У вторых стихи нарезаны на четверостишия и словно бы никак не могут преодолеть тяжесть земного тяготения.

А он даже в коротком стихотворении пытался соединить и корпускулу, и волну.

Как?.. А так, как это делал Пушкин, чьи стихи современникам тоже порой казались легкими безделками, а то и просто пустышками. И только потом стал очевиден заложенный в основу стихотворения уровень космической боли автора, самим фактом стихотворения и преодоленный. Именно поэтому, как заметил Александр Минкин, Аронов смог написать своего «Пророка» (после Пушкина и Лермонтова!). За это же и расплатился на последней финишной инсультом, инфарктом и опять инсультом.

Его стихи прозрачны?.. Ну да, только это обманчивая прозрачность. (Они просто светятся!) Пойди пойми с первого чтения, что посвященный Александру Кушнеру его «Двуногий стол» (прошу простить мой редакторский волюнтаризм, в рукописи просто «Стол») — это не про стол, а про самого поэта. Который существо, как известно, двуногое и, как правило, безбытное.

Или вот еще ребус, который новому читателю будет не так просто разгадать. Стихи 60-х, или начала 70-х (точнее датировать пока не удалось):

Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?
Голубенький, как будто звон
Росы, пока она не смята,

Голубенький, как будто марка, —
Конвертик бел, герой влюблен, —
Куда же потерялся он,
Хрусталик дня в начале марта?
.....

Ну, хорошо. Иду домой.
Стараюсь думать о работе.
Гуляю с сыном. Утром вроде
Начальник был доволен мной.

А за стеной магнитофон,
Смешная песенка Лемарка...

Чудо, что у современного глотателя стихов есть Википедия, из которой за пару минут он узнает, что Франсис Лемарк — французский композитор:

«После войны он продолжил выступления на парижских сценах, где познакомился с Ивом Монтаном... Эти годы также ознаменовались их тесным сотрудничеством, которое благодаря Лемарку пополнило репертуар Монтана тремя десятками песен. Тема Парижа и аккордеон были неотъемлемой составляющей почти всех произведений Франсиса Лемарка в его творчестве, а песня «A Paris» стала его визитной карточкой и своеобразным музыкальным символом французской столицы».

Так вот про что «смешная», голосом Ива Монтана, песенка магнитофона. Про невозможность увидеть Париж.

Му́ка уже свободного, но еще невыездного поколения. У Юрия Кукина про то же: «Ну что, мой друг, свистишь? Мешает жить Париж...»

Вот тут и трактуй стихи... В других, оставшихся за пределами этого собрания стихах, Аронов обронит:

Вот есть на свете, говорят, Париж.
Мне наплевать. А то бы бесшабашен
Гулял я там...

Гулял бы... Забыл, что ли, что и до тебя поэты бывали невыездными.

Вот тот же твой Пушкин.

...Всё так. Вроде бы и не поспоришь. Но на самом-то деле известно, что речь про другую песенку. И впрямь «смешную». Про гусеницу.

Бывают ведь повороты и покруче:

...И в перспективу ты втыкаешься, как в тир,
Накалом скорости оплавлены места,
Есть только полосы, мир полосат, как тигр,
Лишённый морды, шеи, лап, хвоста.

Почему «мир полосат, как тигр»? Да потому что стихи посвящены «поездке на Восток» Александра Гинзбурга. Поездке недобровольной. Вот только непонятно, к какой его посадке они относятся и когда написаны. То ли в 60-м, то ли в 67-м.

Париж, говоришь?..

Актриса Лида, услышав его строки —

...Само метро на что похоже?
Сойди под город и, скользя,
Сейчас, пока еще ты можешь,
Закрой, чтобы открыть, глаза.

Мудрейший, со своей авоськой,
Безумный, со своей тоской,
Закрой на «Электрозаводской»,
Открой на «Автозаводской».

— резюмировала: «Теперь понятно, как ты в метро едешь».

Свидетельствую. Так и ездил. Однажды попрощались с ним на «Проспекте Маркса» (сейчас это «Охотный ряд»). Я уже вышел из полупустого вагона. Сделал шаг и слышу за спиной громкий Сашин голос: «Проспект Миркса».

А ведь не пьян был товарищ.

В 70-х он говорил, что был четыре раза женат на двух женщинах. Мол, одна жена нечетная, а другая четная: Нина, Лида, Нина, Лида. Обе они однажды ушли. И однажды вернулись.

Итак, по очереди, и две музы — Эрато и Евтерпа (одна отвечает за любовную поэзию, другая за лирическую) пестовали его дар. И ревновали друг к дружке, пока не слились в образе Тани Сухановой, художницы и последней Сашинной жены.

Там, где над стихами стоит «Тане», — это ей, это про нее.

В одной из тетрадок (ежедневник на 1977-й) есть набросок незаконченного стихотворения «Таня»:

Есть один закрытый склад:
Небо старое хранится,
Тучи прошлые висят...
Отвести их, наклониться —
Я целую ученицу
Триста месяцев назад...

Она училась в 635-й школе (на улице Москвина), переходила в десятый. А он, двадцатичетырехлетний, был преподавателем литературы в параллельном классе. Влюбилась она. А во время коллективного посещения спектакля в филиале Малого театра (что там показывали, Татьяна Константиновна не запомнила), было обсуждение постановки. Он выступал. И она так на него смотрела, что после он не мог не подойти. (Это мне уже Саша рассказывал.) Ну и пошел проводить.

Педагогическая общественность узнала про поцелуй уже на следующий день.

Учитель отделался легкой головомойкой (молодой специалист, не уволишь). А Таня ушла в вечернюю школу.

Полагали, что их разлука будет пожизненной. Кто ж мог подумать, что через двадцать лет они встретятся и поженятся.

В 80-е свои рифмованные реплики к снимкам он подписывал прозрачным псевдонимом «Ал. Ар.», и в день его пятидесятилетия, когда о Сашинной книжке можно было только мечтать, в его слепом газетном кабинетике я сочинил единственный в моей стихотворной практике «датский опус». Залитый (надо думать, портвейном) листок из моего

блокнота Татьяна Константиновна Суханова обнаружила в одной из дюжины сохранившихся в семье ароновских тетрадок:

«А Л-АР-чик просто открывался!»

Ну, да, конечно, прав поэт.

Гляди, и ключ не затерялся.

И это за полсотни лет!

...И мне он просто открывался:

Одно, другое, третье дно...

Порой со счёта я сбивался:

Ещё одно, ещё одно!..

Ну, говорю, хватил ты лишку!

И как тебе не надоест?

Когда-нибудь открою книжку

Твою, сказав: «Обычный текст».

...Я не знал, что он хотел так назвать последнюю свою книжку. Да отговорили издательские умники.

«Автор одной поэмы, нескольких баллад и мелких пьес числом до семисот». Так написали бы о нем в XIX веке. В том самом, в котором еще существовала поэтическая критика и были критерии (кстати, не только количественные) для оценки масштаба явления.

Александр Аронов нечасто датировал свои стихи. Даты, поставленные в угловых скобках, предположительны. Они определены или по положению в его рабочих блокнотах и «ежедневниках» (увы, до нас не дошли его тетради 50-х и 60-х), либо по воспоминаниям близких поэта.

Андрей Чернов
30 июля 2014

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРЕНИЙ,
включенных в эту книгу
(без учета сочинений И. М. Гныпы)

АЗБУКА (...Еще не собираем марки...)	224
Айрены Наапета Кучака. С АРМЯНСКОГО.	392
А когда овладеет прямая тобой досада... (НАПУТСТВИЕ)	187
АКСЕЛЕРАЦИЯ (Эта женщина очень длинна...)	155
А мне бы почта полевая...	339
А может быть, марки вот так разложить... (МАРКИ)	340
А мы тут ближе ко вторым воротам... (БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО)	312
АНОНИМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ (Ответ имени на строчке...)	286
АНТИТОЛКУЧКА (Что продаешь? Отсутствие ноги?..)	285
АСКЕТ В ГОРОДЕ (Аскет, понятно, небогат...)	102
Ах, можно обойтись и без любви...	180
А часов приблизительно в семь...	101
А что мы чувствуем уже... (ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР)	216
АЭРОФЛОТ (Аэрофлот, Аэробред...)	171
А эта женщина жила...	335
БАБОЧКА (Всё, в общем сжатое в одно...)	211
БАЛЛАДА О ЕВХАРИСТИИ (В Галилейской Кане...)	252
БАЛЛАДА О КЛАССНОЙ КОМНАТЕ (Белые стены...)	278
БАЛЛАДА О РЕКОРДЕ (Я вам расскажу о Скотте...)	282
БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ (Я говорю об Ольге Мишаковой...)	236
Белые стены... (БАЛЛАДА О КЛАССНОЙ КОМНАТЕ)	278
Блок писать почти не мог...	13
Бог людей, Бог людей...	298
БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО (А мы тут ближе ко вторым воротам...)	312
Бухгалтер Гораций... (ГОРАЦИЙ)	256
Был город бел... (РАЗРЫВ)	10
— Был день мой пуст... (РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ)	358
Бьют в небо яблоки. Сижу...	111

ВАЛЬСОК (И когда я увидел, что всё хорошо...)	140
В БОЛЬНИЦЕ (— Прохаживался. Шутил...)	308
В вагоне мы к плечу плечом... (ЧТЕНИЕ)	63
В Галилейской Кане... (БАЛЛАДА О ЕВХАРИСТИИ)	252
В ГОСТЯХ (Значки на пиджаках, портреты на обоях...)	267
В давнем учебном году...	156
ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ (Живут это люди...)	151
ВЕСНА НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ (У нас опять воняет львами...)	218
Весна прошла... (ЛЯГУШКА)	194
Весна сидит на верхней палубе... (ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ)	106
ВЕСНА (Цвета снега, цвета сна...)	114
ВЕЧЕР В ГОСТЯХ (Рассказывала Майка. Я не мог...)	136
ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ	
1. Пушкин и Бродский едут друг к другу в гости...	263
2. От мальчишки, избранного королем...	264
Вечер на меридиане... (ПАРКОВЫЙ ТРИПТИХ)	269
В зеркале тоже кто-то живет...	16
Взрослые умерли. Их не осталось...	266
Видно, прожил я день неверно... (СТИХИ СО СНОСКАМИ)	199
В исключительном количестве различных...	162
В Марьине тоже расцветают вишни...	112
В моей стране жилищный кризис... (ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС)	347
ВОЗВРАЩЕНИЕ (Стоит бесконечное лето...)	338
ВОЛК (И нет свободы...)	231
Во мне был резкий звон... (ТИШИНА)	12
Ворона на ветке сидит беззаботно... (СЕКРЕТ ДОБРОДУШИЯ)	223
Воскресник в детском саду...	190
В ОТЕЧЕСТВЕ (Я иду в небольшой тишине...)	196
Вот и встречаются ежик и танк...	213
Вот и опять предрассветные тени...	197
Вот рвешься ты, единственная нить... (ЮНОШЕСКОЕ)	33
Вот способ сохранения любви... (РАЗДУМЬЯ ЛУНИНА)	341
«В полиграфическом профтехучилище»...	83
В пространстве холода и сини...	295
В расколдованной роще подъездов... (ПРОГУЛКА)	184
Всё, в общем сжатое в одно... (БАБОЧКА)	211
Всё глубже мир Фармакопеи... (ЭЛЕГИЯ)	310
Всё дальше отходим, всё дальше отходим назад...	141
Всё неотвязней, всё прелестней... (ГИМН МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ)	173
Всё равно тут и раньше не верили...	238

Всё это здание наше несложно... (ОТРОЧЕСТВО)	349
Встав на гору, мой родственник... (ПРОПОВЕДЬ)	235
В темноте не видит кошка...	214
ВТОРАЯ ПОПЫТКА (Хоть в бурной молодости нам...)	93
ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЪБЕКА	
(Потом они себе второй закон...)	325
Второй наш кот открыл секрет бессмертья...	
(СЕКРЕТ БЕССМЕРТЬЯ)	217
ВТОРЫЕ СТИХИ С ЦИТАТОЙ (Еще любить не миновать...)	366
В трех правых мирах и в трех левых мирах...	328
В удивленном городке...	188
В четырнадцать лет...	131
ВЫХОД (Где-то здесь. На полслова правей...)	72
В этой комнате свет и тепло...	117
В ЮЖНОМ ГОРОДЕ (Проходит девушка по городу...)	302
ГДЕ ИСКАТЬ (Сойдя на переходе с этой ленты...)	363
Где нынче ни проснемся, мы в пути... (ЛИМИТА)	116
Где-то здесь. На полслова правей... (ВЫХОД)	72
ГЕТТО. 1943 ГОД (Когда горело гетто...)	39
ГИМН МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ	
(Всё неотвязней, всё прелестней...)	173
Глупо и в общем-то даже неловко...	
(НОЧНАЯ ГРОЗА В ПАЛАНГЕ)	242
Глядя в ночь, не глядя на ночь...	54
Говорю: — Среди природы...	300
Годов, столетий остерегайся... (НАЗИДАНИЕ)	353
ГОЛОСА (Я Эхнатон. И голос бога...)	245
ГОРАЦИЙ (Бухгалтер Гораций...)	256
ГОРОД ДВОЙНИКОВ (Есть город в Дании, накрытый...)	14
ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР (А что мы чувствуем уже...)	216
Горожанин, выкормыш, калека... (ДЕЛЯНКА)	79
Господни ангелы, лазутчики со звезд... (ЛЕТО 1972 ГОДА)	303
ГОСТЬ (Мне нравится ваша планета...)	324
Гуляю по морю пешком...	48
Да будут до утра... (ПАМЯТИ МИКЛОША РАДНОТИ)	35
Давайте запомним точно... (ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ)	297
Да, пожалуй, и надо бы быть поскромней...	370
ДВУНОГИЙ СТОЛ (У этого стола две ножки на земле...)	342
Девчонке хочется несчастья...	315
ДЕЛЯНКА (Горожанин, выкормыш, калека...)	79
День один, одна река... (ПОДПИСЬ К СНИМКУ 23 июня 1973)	299

ДЕТСКОЕ (Скажите, а вы все...)	323
Для того с такою яростью...	126
Доверю дождю, он явился потрогать поверхность...	25
До голубой звезды стукнется синева...	132
Дождь. Авосяка. Холод. Свертки. Ветер... (СПЕШУ НА ДАЧУ)	348
ДОМ ОТДЫХА (Мне надо побыть одному...)	19
ДОН ЖУАН (Есть красный плащ у командора...)	26
Досматривать кино не очень хочется...	36
Дубы качаться пошли в аллее... (ЗАСТАВА)	336
ДЬЯВОЛ ГОВОРИТ (Употреби доверие во зло...)	181
Ездить — придурковатая страсть...	168
Если б ты на этом свете...	351
Если бы книжка сама открывалась...	396
Если вдруг пойти в аптеку...	316
Если мелочь какую-то надо...	355
Если нужно газете, то вы отправляетесь в рай... (СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ)	77
Есть в нашей комнате стена...	15
Есть город в Дании, накрытый... (ГОРОД ДВОЙНИКОВ)	14
Есть красный плащ у командора... (ДОН ЖУАН)	26
Еще любить не миновать... (ВТОРЫЕ СТИХИ С ЦИТАТОЙ)	366
...Еще не собираем марки... (АЗБУКА)	224
Живут это люди... (ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ)	151
ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС (В моей стране жилищный кризис...)	347
Жиль Деламар... (КАСКАДЕР)	277
ЗАВЕЩАНИЕ (Приготовляясь складывать слова...)	52
ЗАВИСТНИК БЕННАИ (Эпизод из «Бабур-наме»...)	257
ЗАКЛИНАНИЕ (Не стань бедой...)	145
Закончилась Троянская война... (ПЕСЕНКА МЕНЕЛЯ)	307
ЗАПИСКИ ХЕФТЛИНГА (Поскольку мы тут не видим немцев...)	262
ЗАПОВЕДИ КАРАТЕ (Успей до драки разглядеть врага...)	356
ЗАПОВЕДНИК (Утки дикие вернулись...)	220
ЗАСТАВА (Дубы качаться пошли в аллее...)	336
Зачем мне дожди, в этот город вошедшие с тыла...	18
Зачем охотник из ружья...	212
За что серьезных дам...	176
ЗВОН (— Я в прошлой жизни был министром...)	11
Здесь жить, конечно, можно... (ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ)	42
Земля уходит из-под ног... (ИСААКИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ)	203

Злобным быть и уныло, и тяжело...	71
Значит, шляпу, перчатки...	121
Значки на пиджаках, портреты на обоях... (В ГОСТЯХ)	267
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК (Когда узнали Буратино...)	191
Зря его только по свету мотает...	301
...И в автобус, тюки схвативши...	172
...И выплыли, выплыли, знаешь...	291
И вы способны верить, черт возьми... (МОНОЛОГ ЯГО...)	240
ИЕРУСАЛИМСКИЕ КАЧЕЛИ	
(Тарарим. Парарам. Тарарим. Парарам...)	198
ИЗ ПИСЬМА (Я б не взял тебя, конечно...)	20
Из подземного туннеля... (МЕТРОМОСТ)	177
И когда я увидел, что всё хорошо... (ВАЛЬСОК)	140
Имеет место дождь...	22
И нет свободы... (ВОЛК)	231
ИСААКИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ (Земля уходит из-под ног...)	203
И сдвинулись звезды и скалы...	49
Ищу по сторонам... (СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ)	82
Как муж один не знает ни о чем...	364
Как старая сторожевая...	367
Как странно, что из тишины...	113
КАСКАДЕР (Жиль Деламар...)	277
К нам пришел...	
(ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С АЛЕКСАНДРОМ АРОНОВЫМ)	317
Когда бы мне с рожденья жизнь вернули...	182
Когда горело гетто... (ГЕТТО. 1943 ГОД)	39
Когда мы уточним язык... (ЛЕГЕНДА)	9
Когда огромные шары... (ЛЕТНИЕ ДНИ)	115
Когда раздвинешь город наш...	50
Когда распространилось воровство...	144
Когда сомкнутся хлеба надо мной...	226
Когда у вас нет собаки... (ПЕСЕНКА О СОБАКЕ)	232
Когда уже поздно...	109
Когда узнали Буратино... (ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК)	191
КОЛЫБЕЛЬНАЯ (У края земли...)	192
КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА (Третий час на улице...)	163
КОРИДОРЫ (Лампы, кафель, под березу обшивка...)	309
Корова пасется на пышном лугу...	57
КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛЬС (Мимо рассветов прошел и закатов...)	292
...Кроме того, постоянно со мной...	169
Кропоткинский маршрут...	119

Кто кончался от ран...	261
Кто слышал об одностороннем браке... (ТРЕТИЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА)	143
Куда же потерялся он...	27
Куда ты, девочка, попрдержи... (СКАЖИ, ЗЕМЛЯ)	331
К утру песок остынет... (ТРОСТИНКА)	29
КЪЕРКЕГОР И БОГ (Кьеркегор говорит: — Бога нет!..)	134
Лампы, кафель, под березу обшивка... (КОРИДОРЫ)	309
ЛЕГЕНДА (Когда мы уточним язык...)	9
ЛЕТНИЕ ДНИ (Когда огромные шары...)	115
ЛЕТО 1972 ГОДА (Господни ангелы, лазутчики со звезд...)	303
ЛИМИТА (Где нынче ни проснемся, мы в пути...)	116
Литсотрудник на полставки...	80
Л. ТРАХТЕНБЕРГУ... (Проход!.. Удар!.. Выраж!..)	90
Любимая, молю влюбленный...	158
ЛЯГУШКА (Весна прошла...)	194
Маленький, хмурый, лохматый... (ЧИТАТЕЛЬ)	60
Мама нет... Исчезла сумка... (СЕМЕЙНАЯ БАЛЛАДА)	329
МАРКИ (А может быть, марки вот так разложить...)	340
МЕТРОМОСТ (Из подземного туннеля...)	177
Мимо рассветов прошел и закатов... (КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛЬС)	292
Мне надо побыть одному... (ДОМ ОТДЫХА)	19
Мне нравится ваша планета... (ГОСТЬ)	324
Мне нравятся сии пииты... (СУМАРОКОВ)	67
МОНОЛОГ НИКОЛАЯ I... (Я столько не владею слогом...)	243
МОНОЛОГ ЯГО... (И вы способны верить, черт возьми...)	240
МОЦАРТ (Равнинная тихая местность...)	362
Мы были заняты в одном спектакле... (ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ)	105
Мы друг другу давно по заслугам не верим... (РЕШЕТКА)	230
На вершине горы не хватает коня...	189
НАЗИДАНИЕ (Тодов, столетий остерегайся...)	353
Назначить свиданье от дома вдали...	157
Наина Всеволодовна... (ПЕСЕНКА О ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ)	150
НА КОВАРНОМ АЛЬБИОНЕ (— Ну как мои манеры? Взвесьте здраво...)	92
Налево руль, направо старая дорога... (ПЕСЕНКА С ДОРОГИ)	167
Нам следует издать его подряд... (ПРЕДЛОЖЕНИЕ)	66

На перекрестке трех времен...	133
НАПУТСТВИЕ (А когда овладеет прямая тобой досада...)	187
На свете есть одни поэты... (ПОЭТЫ)	73
На свете счастья нет, но есть покой и жажда... (РЕАНИМАЦИЯ)	313
НА ТОЙ ДАЧЕ (Ты сказала: — Долго вы там? Скорей!..)	24
Наутро он явился, постучал... (ХЛЕБ, СЫР, МЯСО И ВИНО)	164
Начать попробую слегка...	84
Невнятицею всей...	46
Не дочитываю книг...	314
НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ	
(Черт подери их там, в Испании!..)	265
Не знаю оружия слабее...	81
Немало неотложных дел...	
(ПРЕДПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ)	357
НЕМАЯ (Танцуют руки у немой...)	255
Неотступны и легки...	229
Непринужденно полуобернусь...	179
Не стань бедой... (ЗАКЛИНАНИЕ)	145
Нет, не великим, малым стать нужней...	361
Не только голубые тени...	294
Ни на кого нельзя смотреть снаружи...	
(ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА)	268
Ни стран, ни городов у Александра... (ПЕСЕНКА О ТЁЗКЕ)	334
НОЧНАЯ ГРОЗА В ПАЛАНГЕ	
(Глупо и в общем-то даже неловко...)	242
НОЧНАЯ ПТИЦА (Перетянул. Перетерпел...)	304
НОЧНОЙ ПОЕЗД	
(Перегон Ленинград — «Магистраль» — Карадаг...)	193
Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь... (ПЕРЕВОД)	222
Ну и что, что двойка!.. (ПЕСЕНКА ШМЕЛЬКОВА)	350
— Ну как мои манеры? Взвесьте здраво...	
(НА КОВАРНОМ АЛЬБИОНЕ)	92
Ну о чём ты, о чём ты, какие приметы...	51
Ну хорошо, пусть мы уйдем...	337
— Обычный текст, — сказали ангелы...	369
О дальнейшем течении лет...	28
Одна, по метрополитену... (ФРЕСКА)	175
ОКРУЖНАЯ (Час пустынный, час ночной...)	185
Олень вступает в полемику...	61
Он жил без хлеба и пощады... (ПРОРОК)	45
Они владеют колдовством двери... (ПРЕДСКАЗАНИЕ)	221
ОПАСНАЯ БАЛЛАДА (Пожалуй, Анной следует назвать...)	148

Осталось одно только имя — Измена...	
(ПЯТЬ СТРОФ О ПОСЛЕДНЕМ ИМЕНИ)	138
Остановиться, оглянуться...	7
Отец мой жив. Боюсь, потом умрет...	272
Отличная была квартира...	178
Отлучится личный врач... (ПАМЯТИ ЮРИЯ СМИРНОВА)	47
От мальчишки, избранного королем...	
(ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ)	264
ОТРОЧЕСТВО (Всё это здание наше несложно...)	349
Отсвет имени на строчке...(АНОНИМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ)	286
ОХОТА НА ПТИЦ (Перелесок, берег, лес...)	209
Очень было бы неплохо, если б вдруг...	142
О чём теперь? Об этой черной шали?...	368
О чём ты там, польская, плачешь...	
(ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ)	41
ПАМИРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ (Помню, я пошел в кино...)	170
ПАМЯТИ МИКЛОША РАДНОТИ (Да будут до утра...)	35
ПАМЯТИ ЮРИЯ СМИРНОВА (Отлучится личный врач...)	47
ПАРКОВЫЙ ТРИПТИХ (Вечер на меридиане...)	269
ПЕРВОЕ МАЯ (Я бродил, увлекшись праздником...)	296
— Первую жизнь играть с огнем... (СЕМИНАР)	322
ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА	
(Ни на кого нельзя смотреть снаружи...)	268
ПЕРЕВОД (Ночью он вспрыгнет, чтоб лечь...)	222
Перегон Ленинград — «Магистраль» — Карадаг...	
(НОЧНОЙ ПОЕЗД)	193
Перелесок, берег, лес... (ОХОТА НА ПТИЦ)	209
Перетекает в слова...	107
Перетянул. Перетерпел... (НОЧНАЯ ПТИЦА)	304
ПЕСЕНКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА	
(Чтоб был ровен твой бег в степи...)	78
ПЕСЕНКА МЕНЕЛАЯ (Закончилась Троянская война...)	307
ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ (Здесь жить, конечно, можно...)	42
ПЕСЕНКА О ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ	
(Наина Всеволодовна, как же это вы так?)	150
ПЕСЕНКА О СОБАКЕ (Когда у вас нет собаки...)	232
ПЕСЕНКА О ТЁЗКЕ (Ни стран, ни городов у Александра...)	334
ПЕСЕНКА ПРО ЭЛУТЕРОКОКК (Подземный человек...)	359
ПЕСЕНКА С ДОРОГИ (Налево руль, направо старая дорога...)	167
ПЕСЕНКА ШМЕЛЬКОВА (Ну и что, что двойка!..)	350
По берегу, по берегу... (РУССКАЯ ВАРИАЦИЯ)	38
Побывав у водопада... (ХРЕСТОМАТИЯ)	59

Подземный человек... (ПЕСЕНКА ПРО ЭЛЕУТЕРОКОКК)	359
ПОДПИСЬ К СНИМКУ 23 июня 1973 (День один, одна река...)	299
ПОЕЗДКА НА ВОСТОК (Так начинается поездка на Восток...)	166
Пожалуй, Анной следует назвать... (ОПАСНАЯ БАЛЛАДА)	148
ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С АЛЕКСАНДРОМ АРОНОВЫМ (К нам пришел...)	317
Познакомься с тобой на веку...	225
Помню, я пошел в кино... (ПАМИРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ)	170
Порою они находятся среди переводчиков... (ПРЕДВЫПУСКНАЯ ЛЕКЦИЯ)	326
Пор, царь Пенджаба, руку протянул...	70
Поскольку мы тут не видим немцев... (ЗАПИСКИ ХЕФТЛИНГА)	262
Последний день я прожил хорошо...	318
Потом оказалось, что звезд как бы и нет...	127
(Потом они себе второй закон... (ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА)	325
Почти нигде меня и не осталось...	122
ПОЭТЫ (На свете есть одни поэты...)	73
ПРЕДВЫПУСКНАЯ ЛЕКЦИЯ (Порою они находятся среди переводчиков...)	326
ПРЕДЛОЖЕНИЕ (Нам следует издать его подряд...)	66
ПРЕДПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ (Немало неотложных дел...)	357
ПРЕДСКАЗАНИЕ (Они владеют колдовством двери...)	221
Преподавать литературу... (УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ)	64
Приготовляясь складывать слова... (ЗАВЕЩАНИЕ)	52
Приехал, и гулять растерянно идешь...	202
Признаться ль шопотом...	53
ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ 1. Давайте запомним точно...	297
2. ...Сияет, наглая...	297
ПРОГУЛКА (В расколдованной роще подъездов...)	184
Произведение искусства...	31
ПРОПОВЕДЬ (Встав на гору, мой родственник...)	235
ПРОРОК (Он жил без хлеба и пощады...)	45
Прости меня, моя газета... (ПРОЩАНИЕ С ГАЗЕТОЙ)	86
— Прохаживался. Шутил... (В БОЛЬНИЦЕ)	308
Проходит девушка по городу... (В ЮЖНОМ ГОРОДЕ)	302
Проход!.. Удар!.. Вираз!.. (Л. ТРАХТЕНБЕРГУ...)	90
ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ (Весна сидит на верхней палубе...)	106
ПРОЩАНИЕ С ГАЗЕТОЙ (Прости меня, моя газета...)	86
Прямо в осень идут кусты...	8
Пушкин и Бродский едут друг к другу в гости... (ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ)	263

ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ	
(Мы были заняты в одном спектакле...)	105
ПЯТЬ СТРОФ О ПОСЛЕДНЕМ ИМЕНИ	
(Осталось одно только имя — Измена...)	138
Равнинная тихая местность... (МОЦАРТ)	362
Развернется трамвай или, можно считать...	
(ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС)	118
РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ (— Был день мой пуст...)	358
РАЗДУМЬЯ ЛУНИНА (Вот способ сохранения любви...)	341
РАЗМЕР (Тряханёт этот знобкий анапест...)	210
РАЗРЫВ (Был город бел...)	10
Рассказывала Майка. Я не мог... (ВЕЧЕР В ГОСТЯХ)	136
РЕАНИМАЦИЯ (На свете счастья нет, но есть покой и жажда...)	313
Река своя у нас есть тоже...	201
РЕШЕТКА (Мы друг другу давно по заслугам не верим...)	230
Родился — Шла Столетняя война...	345
Роза закуривает папиросу... (СОЛОВЕЙ И РОЗА)	125
РУССКАЯ ВАРИАЦИЯ (По берегу, по берегу...)	38
РУССО (Я, наверное, калека...)	276
С АРМЯНСКОГО. Айрены Наапета Кучака 392	
Свой третий век переживают ели...	354
СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ	
(Если нужно газете, то вы отправляетесь в рай...)	77
С головою укроюсь пальто...	219
СЕКРЕТ БЕССМЕРТЬЯ	
(Второй наш кот открыл секрет бессмертья...)	217
СЕКРЕТ ДОБРОДУШИЯ (Ворона на ветке сидит беззаботно...)	223
СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ (Ищу по сторонам...)	82
СЕМЕЙНАЯ БАЛЛАДА (Мамы нет... Исчезла сумка...)	329
СЕМИНАР (— Первую жизнь играть с огнем...)	322
Семнадцать леопардов...	62
СЕН-СИМОН (С утра мороз не крут...)	274
Сияет, наглая... (ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ)	297
СКАЖИ, ЗЕМЛЯ (Куда ты, девочка, попридержи...)	331
Скажите, а вы все... (ДЕТСКОЕ)	323
Слон хоботом весь заматался...	23
СНЕГ (Я снег, я с неба, я иду!...)	108
Совсем в другой системе...	321
Соединенье гроз, тепла...	110
Сойдя на переходе с этой ленты... (ГДЕ ИСКАТЬ)	363
СОЛОВЕЙ И РОЗА (Роза закуривает папиросу...)	125

СПЕШУ НА ДАЧУ (Дождь. Авооська. Холод. Свертки. Ветер...)	348
Спросите вы друзей и женщин...	239
Среди бела дня...	34
Стенька Разин победил... (ЭПИЗОД)	346
Стихи на магию похожи...	56
СТИХИ СО СНОСКАМИ (Видно, прожил я день неверно...)	199
СТИХИ С ЦИТАТОЙ (Утверждал один бакинец...)	161
Стоит бесконечное лето... (ВОЗВРАЩЕНИЕ)	338
Странно: пусть не на войне...	306
Строчки помогают нам не часто...	21
СУМАРОКОВ (Мне нравятся сии пииты...)	67
С утра мороз не крут... (СЕН-СИМОН)	274
С утра потаскаешь на рынке...	94
Тайна учителя та, что учить невозможно...	65
Так начинается поездка на Восток... (ПОЕЗДКА НА ВОСТОК)	166
...Так открыться и так состояться...	129
Так это море, значит?..	165
Танцуют руки у немой... (НЕМАЯ)	255
Тарарим. Парарам. Тарарим. Парарам... (ИЕРУСАЛИМСКИЕ КАЧЕЛИ)	198
ТИШИНА (Во мне был резкий звон...)	12
Тогда скажи им так...	289
То хохочет, то подскакивает глупо...	293
Трамвай бродил по городу...	195
ТРЕТИЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА (Кто слышал об одностороннем браке...)	143
Третий час на улице... (КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА)	163
ТРОСТИНКА (К утру песок остынет...)	29
Тряханёт этот знобкий анапест... (РАЗМЕР)	210
ТУННЕЛЬ. Поэма. 373	
Тут в комнате темнота...	227
Ты сказала: — Долго вы там? Скорей!.. (НА ТОЙ ДАЧЕ)	24
Уж чего-чего от них не видел...	128
У кольцевой одно местечко...	273
У края земли... (КОЛЫБЕЛЬНАЯ)	192
У нас опять воняет львами... (ВЕСНА НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ)	218
Употреби доверие во зло... (ДЬЯВОЛ ГОВОРИТ)	181
Уроки космоса...	332
Успей до драки разглядеть врага... (ЗАПОВЕДИ КАРАТЕ)	356
Утверждал один бакинец... (СТИХИ С ЦИТАТОЙ)	161

Утки дикие вернулись... (ЗАПОВЕДНИК)	220
Утром вернулся издалека...	130
УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ	
(Я на службу, на службу, на службу ходил аккуратно...)	37
УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ (Преподавать литературу...)	64
Учитель Слон твердит, трубя... (ЧЕТЫРЕ УРОКА НОЧЬЮ)	365
Учитель: Расскажи нам стихотворение... (ШКОЛА ПОЭТОВ)	68
Ушел потрепанный скрипач...	186
У этого стола две ножи на земле... (ДВУНОГИЙ СТОЛ)	342
ФРЕСКА (Одна, по метрополитену...)	175
ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ	
(О чём ты там, польская, плачешь...)	41
ХЛЕБ, СЫР, МЯСО И ВИНО (Наутро он явился, постучал...)	164
Хоть в бурной молодости нам... (ВТОРАЯ ПОПЫТКА)	93
ХРЕСТОМАТИЯ (Побывав у водопада...)	59
ЦАРЕВНА И ЗМЕЙ. Сказка-детектив.	
(Царь посадил восхитительный сад...)	95
Цвета снега, цвета сна... (ВЕСНА)	114
Цветок, олень и птица...	228
Час пустынный, час ночной... (ОКРУЖНАЯ)	185
Чем далее, тем холоднее...	17
Червь дождевой дождевым называется...	58
Черт подери их там, в Испании!..	
(НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ)	265
ЧЕТЫРЕ УРОКА НОЧЬЮ (Учитель Слон твердит, трубя...)	365
ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС	
(Развернется трамвай или, можно считать...)	118
ЧИТАТЕЛЬ (Маленький, хмурый, лохматый...)	60
ЧТЕНИЕ (В вагоне мы к плечу плечом...)	63
Чтоб был ровен твой бег в степи...	
(ПЕСЕНКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА)	78
Что говорил вам внезапный гость...	344
Что значат городские ночи?..	215
Что продаешь? Отсутствие ноги?.. (АНТИТОЛКУЧКА)	285
Что сказать мне о поле вам Куликовом?..	343
ШКОЛА ПОЭТОВ (Учитель: Расскажи нам стихотворение...)	68
ЭЛЕГИЯ (Всё глубже мир Фармакопеи...)	310

Эпизод из «Бабур-наме»... (ЗАВИСТНИК БЕННАИ)	257
ЭПИЗОД (Стенька Разин победил...)	346
Эта женщина очень длинна...(АКСЕЛЕРАЦИЯ)	155
Этот слабый твой крик: «Подожди!»	146
ЮНОШЕСКОЕ (Вот рвешься ты, единственная нить...)	33
Я б не взял тебя, конечно... (ИЗ ПИСЬМА)	20
Я боюсь приближаться к большим и решительным женщинам...	147
Я бродил, увлекшись праздником... (ПЕРВОЕ МАЯ)	296
Я б снял в кино моих друзей...	32
Я был внутри. Я видел нить...	352
— Я в прошлой жизни был министром... (ЗВОН)	11
Я говорю об Ольге Мишаковой... (БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ)	236
Я вам расскажу о Скотте... (БАЛЛАДА О РЕКОРДЕ)	282
Я знал, что я не выживу в жару...	290
Я иду в небольшой тишине... (В ОТЕЧЕСТВЕ)	196
Я королем был довольно славным...	281
Я, наверное, калека... (РУССО)	276
Я на службу, на службу, на службу ходил аккуратно... (УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ)	37
Я снег, я с неба, я иду!.. (СНЕГ)	108
Я столько не владею слогом... (МОНОЛОГ НИКОЛАЯ I...)	243
Я Эхнатон. И голос бога... (ГОЛОСА)	245

ОБ АВТОРЕ

Александр Яковлевич Аронов (30 августа 1934 — 19 октября 2001) — коренной москвич. Учился в эвакуации в Казахстане, позже в Самарканде, Иркутске и Москве. В 1956 году окончил Московский городской пединститут имени В. П. Потемкина. Работал учителем литературы в сельских школах Шаховского района и в московской 635-й школе.

Участник московского литобъединения «Магистраль».

В декабре 1959 подборка его стихов была опубликована Александром Гинзбургом в самиздатовском поэтическом альманахе «Синтаксис».

Окончил очную аспирантуру Института художественного воспитания при АПН РСФСР. В начале 60-х работал лингвистом в Центральном экономико-математическом институте АН СССР.

В 1966-м перешел в «Московский комсомолец» и тридцать пять лет тут проработал. Возглавлял школьный отдел, был обозревателем и колумнистом.

Написанное им на рубеже 50-х и 60-х стихотворение «Остановиться, оглянуться...» стало классическим, а попавшую в рязановскую «Иронию судьбы» песенку «Если у вас нет собаки...» (в оригинале «Когда у вас нет собаки...») пела вся страна.

При жизни поэта вышли три сборника его стихов: «Островок безопасности» («Советский писатель», 1987. Тираж 7 500) и «Тексты» («Книжная палата», 1989. Тираж 50 000). В том же 89-м книжка Аронова «Первая жизнь» была опубликована в серии «Библиотека «Огонек» тиражом 150 000 экз.

Публикации в периодике:

- «Синтаксис», № 1, декабрь 1959 («Грани», № 58, 1965).
«Юность», № 6, 1964.
«Московский комсомолец». «Книга в газете». 10 марта
1968
«Юность», № 11, 1984.
«Огонек», № 32, 1988.
«Знамя», № 3, 1997. «Последние стихи».

Книги:

- Островок безопасности. — М.: Советский писатель, 1987. — 128 с.
Тексты. — М.: Книжная палата, 1989. — 176 с. Предисл.
С. Чуприна
Первая жизнь: Стихи. — М.: Правда, 1989. — 32 с. (Б-ка
«Огонек» № 46).
Дождь необитаемых планет: Книга в альманахе // Исто-
ки: Альманах. Вып.2 (24). — М.: РИФ «РОЙ», 1997. С.40-58.
Вместо предисл. А. Володин.
Туннель: Стихи, эссе, отрывки из статей. — М.: «Голос-
Пресс», 2003. — 336 с.: ил.

В КНИГЕ:

УТРО НА ЦЕЛЫЙ ДЕНЬ

Остановиться, оглянуться...	7
Прямо в осень идут кусты...	8
ЛЕГЕНДА	9
РАЗРЫВ	10
ЗВОН	11
ТИШИНА	12
Блок писать почти не мог...	13
ГОРОД ДВОЙНИКОВ	14
Есть в нашей комнате стена...	15
В зеркале тоже кто-то живет...	16
Чем далее, тем холоднее...	17
Зачем мне дожди, в этот город вошедшие с тыла...	18
ДОМ ОТДЫХА	19
ИЗ ПИСЬМА	20
Строчки помогают нам не часто...	21
Имеет место дождь...	22
Слон хоботом весь замотался...	23
НА ТОЙ ДАЧЕ	24
Доверяю дождю, он явился потрогать поверхность...	25
ДОН ЖУАН	26
Куда же потерялся он...	27
О дальнейшем течении лет...	28
ТРОСТИНКА	29
Произведение искусства...	31
Я б снял в кино моих друзей...	32
ЮНОШЕСКОЕ	33
Среди бела дня...	34
ПАМЯТИ МИКЛОША РАДНОТИ	35
Досматривать кино не очень хочется...	36
УЧИТЕЛЬ ГЕОГРАФИИ	37
РУССКАЯ ВАРИАЦИЯ (По берегу, по берегу...)	38

ГЕТТО. 1943 ГОД (Когда горело гетто...)	39
ХАЙФА. ЛАГЕРЬ ДЛЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ	41
ПЕСЕНКА НА ПРОЩАНИЕ	42

ЗЕРКАЛЬНОЕ СТЕКЛО

ПРОРОК	45
Невнятицею всей...	46
ПАМЯТИ ЮРИЯ СМИРНОВА	47
Гуляю по морю пешком...	48
И сдвинулись звезды и скалы...	49
Когда раздвинешь город наш...	50
Ну о чём ты, о чём ты, какие приметы...	51
ЗАВЕЩАНИЕ	52
Признаться ль шопотом...	53
Глядя в ночь, не глядя на ночь...	54
Стихи на магию похожи...	56
Корова пасется на пышном лугу...	57
Червь дождевой дождевым называется...	58
ХРЕСТОМАТИЯ	59
ЧИТАТЕЛЬ	60
Олень вступает в полемику...	61
Семнадцать леопардов...	62
ЧТЕНИЕ	63
УЧИТЕЛЬ СЛОВЕСНОСТИ	64
Тайна учителя та, что учить невозможно...	65
ПРЕДЛОЖЕНИЕ	66
СУМАРОКОВ	67
ШКОЛА ПОЭТОВ	68
Пор, царь Пенджаба, руку протянул...	70
Злобным быть и уныло, и тяжко...	71
ВЫХОД	72
ПОЭТЫ	73

ЕЖЕДНЕВНИК

СВЯТОЙ ПАТРУЛЬ	77
ПЕСЕНКА ДЛЯ ЖУРНАЛИСТА	78
ДЕЛЯНКА	79

Литсотрудник на полставки...	80
Не знаю оружия слабее...	81
СЕКСУАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ	82
«В полиграфическом профтехучилище»...	84
Начать попробую слегка...	85
ПРОЩАНИЕ С ГАЗЕТОЙ	87
Л. ТРАХТЕНБЕРГУ, СПОРТИВНОМУ РЕПОРТЕРУ...	90
НА КОВАРНОМ АЛЬБИОНЕ	92
ВТОРАЯ ПОПЫТКА	93
С утра потаскаешь на рынке...	94
ЦАРЕВНА И ЗМЕЙ. Сказка-детектив.	95

ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС

А часов приблизительно в семь...	101
АСКЕТ В ГОРОДЕ	102
ПУШКИНСКАЯ ПЛОЩАДЬ	105
ПРОЩАНИЕ С ВЕСНОЙ	106
Перетекает в слова...	107
СНЕГ	108
Когда уже поздно...	109
Соединенье гроз, тепла...	110
Бьют в небо яблоки. Сижу...	111
В Марьине тоже расцветают вишни...	112
Как странно, что из тишины...	113
ВЕСНА	114
ЛЕТНИЕ ДНИ	115
ЛИМИТА	116
В этой комнате свет и тепло...	117
ЧИСТОПРУДНЫЙ ВАЛЬС	118
Кропоткинский маршрут...	119
Значит, шляпу, перчатки...	121
Почти нигде меня и не осталось...	122

СОЛОВЕЙ И РОЗА

СОЛОВЕЙ И РОЗА	125
Для того с такою яростью...	126
Потом оказалось, что звёзд как бы и нет...	127

Уж чего-чего от них не видел...	128
...Так открыться и так состояться...	129
Утром вернулся издалека...	130
В четырнадцать лет...	131
До голубой звезды сгустится синева...	132
На перекрестке трех времен...	133
КЪРКЕГОР И БОГ	134
ВЕЧЕР В ГОСТЯХ	136
ПЯТЬ СТРОФ О ПОСЛЕДНЕМ ИМЕНИ	138
ВАЛЬСОК	140
Всё дальше отходим, всё дальше отходим назад...	141
Очень было бы неплохо, если б вдруг...	142
ТРЕТИЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА	143
Когда распространилось воровство...	144
ЗАКЛИНАНИЕ	145
Этот слабый твой крик: «Подожди!»	146
Я боюсь приближаться к большим и решительным женщинам...	147
ОПАСНАЯ БАЛЛАДА	148
ПЕСЕНКА О ПОЗДНЕЙ ЛЮБВИ	150
ВЕСЕЛЕНЬКАЯ ИСТОРИЯ	151
АКСЕЛЕРАЦИЯ	155
В давнем учебном году...	156
Назначить свиданье от дома вдали...	157
Любимая, молю влюбленный...	158

ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ПО ГОРИЗОНТАЛИ

...Кроме того, постоянно со мной...	161
В исключительном количестве различных...	162
КОММУНАЛЬНАЯ КВАРТИРА	163
ХЛЕБ, СЫР, МЯСО И ВИНО	164
Так это море, значит?..	165
ПОЕЗДКА НА ВОСТОК	166
ПЕСЕНКА С ДОРОГИ	167
Ездить — придурковатая страсть...	168
СТИХИ С ЦИТАТОЙ	169
ПАМИРСКОЕ ВОСПОМИНАНИЕ	170
АЭРОФЛОТ	171
...И в автобус, туки схвативши...	172

ГИМН МОСКОВСКОМУ МЕТРОПОЛИТЕНУ	173
ФРЕСКА	175
За что серьезных дам...	176
МЕТРОМОСТ	177
Отличная была квартира...	178
Непринужденно полуобернусь...	179
Ах, можно обойтись и без любви...	180
ДЬЯВОЛ ГОВОРИТ	181
Когда бы мне с рожденья жизнь вернули...	182
ПРОГУЛКА	184
ОКРУЖНАЯ.	185
Ушел потрепанный скрипач...	186
НАПУТСТВИЕ	187
В удивленном городке...	188
На вершине горы не хватает коня...	189
Воскресник в детском саду...	190
ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК	191
КОЛЫБЕЛЬНАЯ	192
НОЧНОЙ ПОЕЗД	193
Лягушка	194
Трамвай бродил по городу...	195
В ОТЕЧЕСТВЕ	196
Вот и опять предрассветные тени...	197
ИЕРУСАЛИМСКИЕ КАЧЕЛИ	198
СТИХИ СО СНОСКАМИ	199
Река своя у нас есть тоже...	201
Приехал, и гулять растерянно идешь...	202
ИСААКИЕВСКАЯ ПОВЕСТЬ	203

БЕСТИАРИЙ

ОХОТА НА ПТИЦ	209
РАЗМЕР	210
БАБОЧКА	211
Зачем охотник из ружья...	212
Вот и встречаются ежик и танк...	213
В темноте не видит кошка...	214
Что значат городские ночи?.. . . .	215
ГОРОДСКОЙ ВЕЧЕР	216
СЕКРЕТ БЕССМЕРТЬЯ	217

ВЕСНА НА БОЛЬШОЙ ГРУЗИНСКОЙ	218
С головою укроюсь пальто...	219
ЗАПОВЕДНИК	220
ПРЕДСКАЗАНИЕ	221
ПЕРЕВОД	222
СЕКРЕТ ДОБРОДУШИЯ	223
АЗБУКА	224
Познакомься с тобой на веку...	225
Когда сомкнутся хляби надо мной...	226
Тут в комнате темнота...	227
Цветок, олень и птица...	228
Неотступны и легки...	229
РЕШЕТКА	230
ВОЛК	231
ПЕСЕНКА О СОБАКЕ	232

ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА

ПРОПОВЕДЬ	235
БАЛЛАДА О СВОЛОЧИ	236
Всё равно тут и раньше не верили...	238
Спросите вы друзей и женщин...	239
МОНОЛОГ ЯГО...	240
НОЧНАЯ ГРОЗА В ПАЛАНГЕ	242
МОНОЛОГ НИКОЛАЯ I...	243
ГОЛОСА	245
БАЛЛАДА О ЕВХАРИСТИИ	252
НЕМАЯ	255
ГОРАЦИЙ	256
ЗАВИСТНИК БЕННАИ	257
Кто кончался от ран...	261
ЗАПИСКИ ХЕФТЛИНГА	262
ВЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ	
1. Пушкин и Бродский едут друг к другу в гости...	263
2. От мальчишки, избранного королем...	263
НЕЖЕЛАНИЕ БЫТЬ ИСПАНЦЕМ	265
Взрослые умерли. Их не осталось...	266
В ГОСТЯХ	267
ПЕРВЫЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА	268
ПАРКОВЫЙ ТРИПТИХ	269

Отец мой жив. Боюсь, потом умрет...	272
У кольцевой одно местечко...	273
СЕН-СИМОН	274
РУССО	275
КАСКАДЕР	276
БАЛЛАДА О КЛАССНОЙ КОМНАТЕ	277
Я королем был довольно славным...	280
БАЛЛАДА О РЕКОРДЕ	281
АНТИТОЛКУЧКА	284
АНОНИМНОЕ ЗАВЕЩАНИЕ	286

ПЕСЕНКА МЕНЕЛАЯ

Тогда скажи им так...	289
Я знал, что я не выживу в жару...	290
...И выплыли, выплыли, знаешь...	291
КОРОЛЕВСКИЙ ВАЛЬС	292
То хохочет, то подскакивает глупо...	293
Не только голубые тени...	294
В пространстве холода и сини...	295
ПЕРВОЕ МАЯ	296
ПРИМЕТЫ ВЕСНЫ	
1. Давайте запомним точно...	297
2. ...Сияет, наглая...	297
Бог людей, Бог людей...	298
ПОДПИСЬ К СНИМКУ 23 июня 1973	299
Говорю: — Среди природы...	300
Зря его только по свету мотает...	301
В ЮЖНОМ ГОРОДЕ	302
ЛЕТО 1972 ГОДА	303
НОЧНАЯ ПТИЦА	304
Странно: пусть не на войне...	306
ПЕСЕНКА МЕНЕЛАЯ.	307
В БОЛЬНИЦЕ	308
КОРИДОРЫ	309
ЭЛЕГИЯ	310
БОЛЬНИЧНОЕ ОКНО	312
РЕАНИМАЦИЯ	313
Не дочитываю книг...	314
Девчонке хочется несчастья...	315

Если вдруг пойти в аптеку...	316
ПОЗНАКОМЬТЕСЬ С АЛЕКСАНДРОМ АРОНОВЫМ	317
Последний день я прожил хорошо...	318

НЕЭВКЛИДОВА ЛИРИКА

Совсем в другой системе...	321
СЕМИНАР	322
ДЕТСКОЕ	323
ГОСТЬ	324
ВТОРОЙ ЗАКОН МАЛЬБЕКА	325
ПРЕДВЫПУСКНАЯ ЛЕКЦИЯ	326
В трех правых мирах и в трех левых мирах...	328
СЕМЕЙНАЯ БАЛЛАДА	329
СКАЖИ, ЗЕМЛЯ	331
Уроки космоса...	332
ПЕСЕНКА О ТЁЗКЕ	334
А эта женщина жила...	335
ЗАСТАВА	336
Ну хорошо, пусть мы уйдем...	337
ВОЗВРАЩЕНИЕ	338
А мне бы почта полевая...	339
МАРКИ	340
РАЗДУМЬЯ ЛУНИНА	341
ДВУНОГИЙ СТОЛ	342
Что сказать мне о поле вам Куликовым?..	343
Что говорил вам внезапный гость...	344
Родился — шла Столетняя война...	345
ЭПИЗОД	346
ЖИЛИЩНЫЙ КРИЗИС	347
СПЕШУ НА ДАЧУ	348
ОТРОЧЕСТВО	349
ПЕСЕНКА ШМЕЛЬКОВА	350
Если б ты на этом свете...	351
Я был внутри. Я видел нить...	352
НАЗИДАНИЕ	353
Свой третий век переживают ели...	354
Если мелочь какую-то надо...	355
ЗАПОВЕДИ КАРАТЕ	356
ПРЕДПОСЕВНАЯ КАМПАНИЯ	357

РАЗГОВОР ДВУХ ПРИЯТЕЛЕЙ	358
ПЕСЕНКА ПРО ЭЛЕУТЕРОКОКК	359
Нет, не великим, малым стать нужней...	361
МОЦАРТ	362
ГДЕ ИСКАТЬ	363
Как муж один не знает ни о чем...	364
ЧЕТЫРЕ УРОКА НОЧЬЮ	365
ВТОРЫЕ СТИХИ С ЦИТАТОЙ	366
Как старая сторожевая...	367
О чём теперь? Об этой черной шали?...	368
— Обычный текст, — сказали ангелы...	369
Да, пожалуй, и надо бы быть поскромней...	370

ТУННЕЛЬ

ТУННЕЛЬ. <i>Поэма</i>	373
С АРМЯНСКОГО. <i>Айрены Наапета Кучака</i>	395
Если бы книжка сама открывалась...	398

ИЗ СОЧИНЕНИЙ ИВАНА МАКАРОВИЧА ГНЫПЫ

Поэта представляет секретарь Союза журналистов России П. С. Гутионтов	401
--	-----

ПОГОВОРИМ?..

<i>Андрей Чернов</i> . ПРОЗЁВАННАЯ КЛАССИКА	427
Алфавитный указатель стихотворений	455
Об авторе	468

Александр Яковлевич Аронов

ОБЫЧНЫЙ ТЕКСТ

избранная лирика

Публикация

Татьяны Сухановой

Составитель

Андрей Чернов

Над книгой работали: Павел Гутионтов,
Леонид Жуховицкий, Мария Игнатьева, Григорий Кружков,
Нина Аршакуни, Михаил Яснов, Екатерина Самусенко,
Сергей Таск, Ольга Деркач и Владислав Быков

Верстка и оформление

Наталии Введенской

Выложено в сеть 15.08.2014

ББК 84Р7

Аронов А.

А 84 Обычный текст. Избранная лирика. — М.: Сетиздат (интернет-издание), 2014. — 480 с.

Александр Аронов — один из самых пронзительных и парадоксальных русских лириков второй половины XX в.

ББК 84Р7